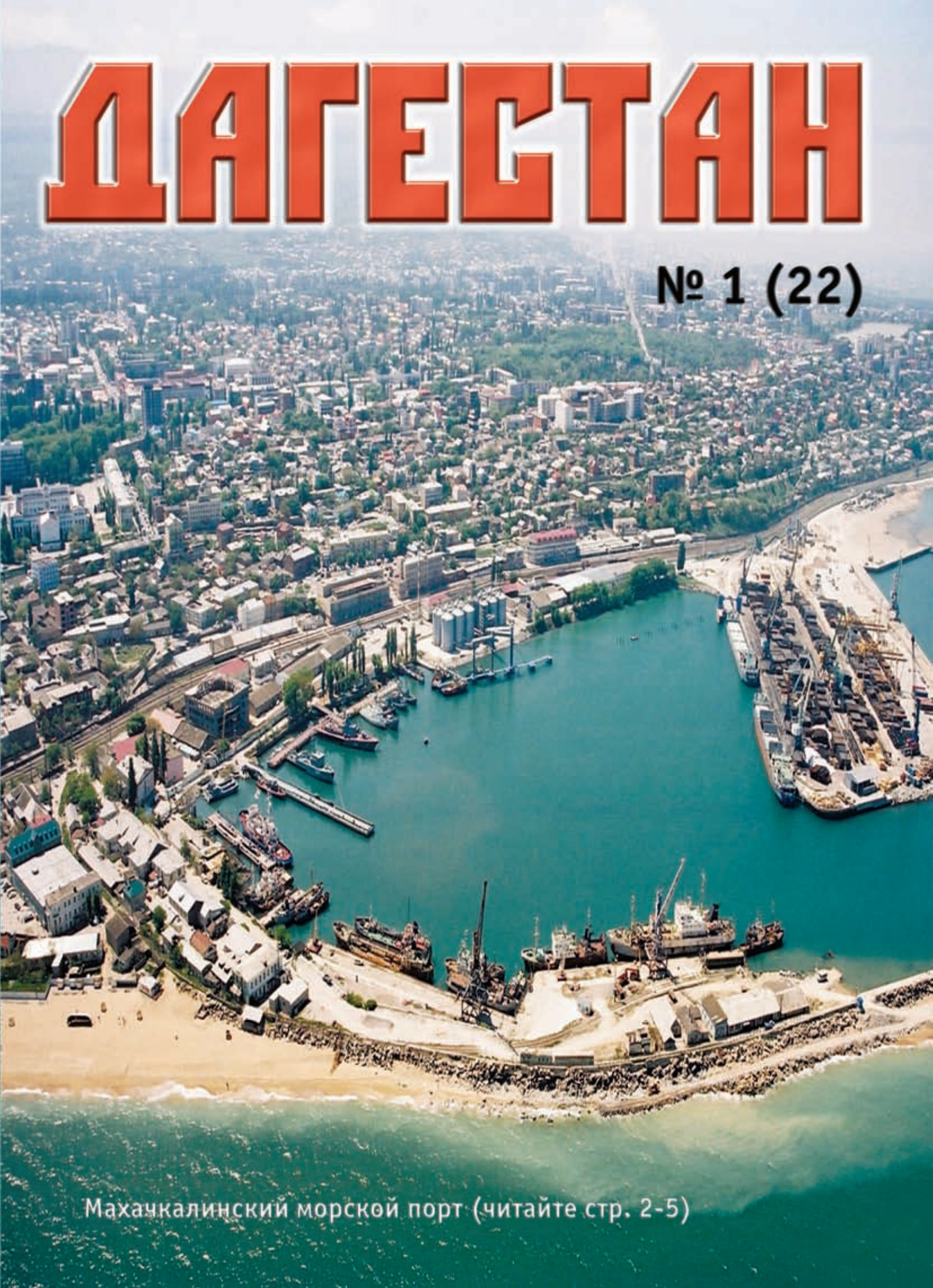
ДАГЕСТАН

№ 1 (22)



Махачкалинский морской порт (читайте стр. 2-5)

Ожидание. 1996 (Читайте стр. 23-24)

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1(22)

ДАГЕСТАН

январь/февраль 2006

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Бекмурза БЕКМУРЗАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Магомед АХМЕДОВ,
председатель Правления Союза писателей РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
доктор филологических наук
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Марьям ХАЛИМБЕКОВА
Светлана АНОХИНА
Изумруд АТАЕВА
Ольга МАТАЕВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО
Марьям ХАЛИМБЕКОВА — **экономика**
Новые горизонты Каспия 2
Далгат АХМЕДХАНОВ — **патриотизм**
«Я, ты, он, она… Вместе – целая страна…» 6
Анатолий Коркмасов — **история**
Коммунист Рютин против Сталина 11
Шапи ГАСАНОВ — **проблема**
Переименования: вакханалия продолжается 14
Мустафа БИЛАЛОВ — **философия**
С философским камнем за пазухой 16
Керим КЕРИМОВ — **лингвистика**
Гора языков. Бесписьменных 19
Светлана АНОХИНА — **личность**
Бог от нас прячется, а мы Его ищем 23
Муса ОЗДОЕВ — **балет**
На сцене я – авантюрист 25
Булач ГАДЖИЕВ — **былое**
Поручик Джамалутдин 27
Изумруд АТАЕВА — **семья**
Вынужденная необходимость. Или… разврат? 33

ЛИТЕРАТУРА
Владимир НОСОВ — **проза**
Крутилин и другие 37
Мариян АЛИЕВА — **поэзия**
Эвридика 40
Абдуселим ИСМАИЛОВ — **проза**
Кашка, Ябатай и другие 42
Джаминат КЕРИМОВА — **поэзия**
Печаль 45
Агалар ДЖАФАРОВ — **проза**
Простые истории 49
Забир МАГОМЕДОВ — **проза**
Божественная доброта 52
Феликс БАХШИЕВ — **поэзия**
Еще не вечер 54
Заур ЗУГУМОВ — **проза**
«Летучий голландец» 56
Аида ИЗИЕВА — **критика**
Поэт и публицист 58
Кроссворд от Гаджикурбана РАСУЛОВА 60

Рисунки в номере Изумруд АТАЕВОЙ

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.

Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ЭКОНОМИКА

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ КАСПИЯ

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

На самом юге огромной страны расположился город, жилы которого омывает соленая морская вода. И накатывает, пульсируя, эта голубая кровь к порту – сердцу города.

Биение этого сердца зазвучало в первом имени города, заглушая даже имя русского царя.

Многое изменилось с тех пор. Но какое бы человеческое имя ни вплеталось в название города, какие бы беды ни терзали его морское сердце, оно упрямо продолжало биться.

ГОРОД НА ПЕСКЕ

19 ноября прошлого года Махачкалинский торговый порт отметил 135-ю годовщину своего основания. Свое начало он берет с персидского похода России 1722-го года, когда Петр I, обнаружив удобную бухту на Каспийском море, распорядился построить здесь гавань, а заодно заложить город-порт. Так что вопрос о том, что же все-таки первично – порт или город – решается однозначно в пользу первого. Признаемся, что наш город – всего лишь приложение, забывшее, что оно приложение.

Официальное открытие порта состоялось в 1870-м году, и уже через 5 лет оборот груза здесь достиг 300 тысяч тонн. После революции петровский порт вслед за переименованием города превратился в махачкалинский морской торговый порт.

Махачкала – истинно морской организм, и как бы город ни менялся, порт останется верным своему исходному предназначению – быть южными морскими воротами России. Неизменно одно: история нашего города неотделима от истории порта.

ЛИХОЛЕТЬЕ

В годы Великой Отечественной войны порт стал одним из главных транспортных узлов, через который все необходимые ресурсы из Закавказья и Средней Азии поступали на фронт. Перевозились люди и техника. За проявленный в войну трудовой героизм 154 портовика и судоремонтника получили правительственные награды. А в послевоенные годы, когда требовалось в минимальные сроки сделать порт максимально эффективным, значительный экономический прирост принесли рационализаторские предложения таких портовиков, как М. Акульский, М. Мишин, Ш. Мозес, И. Шиянов.

С распадом Советского Союза разрушились экономические связи между республиками, и в работе порта произошел резкий спад; грузооборот составлял на тот момент меньше ста тысяч, а износ его инфраструктуры достиг критической отметки 80-ти процентов.

Соседство с неспокойной Чечней привело к тому, что была блокирована железная дорога, и пришлось строить объездную железнодорожную ветку. Основные клиенты порта стали переправлять свои грузы через Астрахань и Актау. Реально работало около 300 человек, катастрофически росли долги перед бюджетом.

Казалось, у порта в перспективе та же участь, что и у большинства предприятий.

ЭПОХА ВЕЛИКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В 1998-м году была создана дирекция по реконструкции порта под руководством М.О. Эрцалова, началась крупномасштабная работа. В 1999-м правительство РД и Министерство транспорта РФ утвердили проект реконструкции и развития порта, в результате чего были задействованы перегрузочные комплексы производительностью до 8,5 миллионов тонн.

Махачкалинский торговый узел объединяет морские, железнодорожные, автомобильные, воздушные и трубопроводные коммуникации. А в махачкалинском порту обрабатывается до половины российских грузов на Каспии. Он находится сегодня в ряду успешных предприятий отрасли наравне с портами Владивостока, Находки, Калининграда.

Порт состоит из базы технического обслуживания флота, судоремонтного завода, транспортного и служебно-вспомогательного флота. Но основные составляющие порта – это сухогрузная гавань и нефтегавань. В сухогрузной ведется укрепление берега, сама гавань постоянно углубляется и расширяется, действует причал для транспортных средств и контейнеров. Нефтеналивная гавань почти полностью реконструирована и в состоянии принимать все виды танкеров на Каспийском море. Планируется увеличить количество обрабатываемой нефти до 13-ти миллионов тонн в год.

В конце 2003-го года здесь начала работать новая и единственная на Каспии самая современная система

обеспечения безопасности движения судов и эффективности навигации.

Порт оперирует транспортным флотом общей грузоподъемностью около ста тысяч тонн. В его распоряжении 18 транспортных судов и два новых парома «Махачкала – 1» и «Махачкала – 2», есть и два современных мощных буксира. Для России, где износ большинства судов достиг 80 %, изготовление и спуск на воду каждого такого судна является настоящим событием.

К территории порта непосредственно примыкают главные пути Махачкалинского отделения Северо-Кавказской железной дороги. Порт ведет их реконструкцию для импорта и экспорта грузов. В результате пропускная способность составляет в среднем 10 миллионов тонн грузов в год.

НА СОДЕРЖАНИИ У БОЛЬШОГО БРАТА

Дагестан относится к дотационным регионам. Ситуация сегодня, хотя и медленно, но неуклонно меняется в лучшую сторону. Пример порта является показательным.

Примечательно, что в последние годы Внешторгбанк не финансировал судостроение. Но теперь именно оно становится приоритетным направлением в банковской сфере. Впервые в России произошло строительство судов (для Махачкалинского порта) на средства западного (хорватского) банка и под наблюдением российской стороны. Разработана целая схема изготовления судов на зарубежных верфях. Россия возвращает кредиты иностранных банков в течение нескольких лет за счет доходов от эксплуатации паромов.

Махачкалинский порт – это Федеральное государственное унитарное предприятие, что позволяет ему рассчитывать на ежегодную помощь из федерального бюджета. Но попыток встать на ноги, отказавшись от костыля в виде помощи из центра, порт не оставляет: идет подготовка к акционированию, что должно помочь строить равноправные взаимовыгодные отношения со всеми партнерами. А главное, появится такой безусловный стимул, как личная заинтересованность.

В то же время опыт приватизации в нашей стране весьма печален: невольно возникает опасение, что все имущество порта, в конце концов, сосредоточится в руках узкого круга акционеров. Улучшится ли тогда благосостояние его работников? Многое будет зависеть от личной порядочности новых хозяев. Будем оптимистами.

ДРУЖБА, СКРЕПЛЕННАЯ МОРЕМ

Махачкалинский порт заключил контракт с судостроительной верфью «Ульяник» в Хорватии на строительство 4-х железнодорожных паромов вместимостью по 52 вагона каждый. Применение их в сравнении с другими контейнеровозами удобнее, поскольку позволяет все перевозить без перезагрузки. Как следствие, груз не будет залеживаться на берегу.

Планируется строительство восьми паромов-великанов (длина каждого – 154 метра, водоизмещение – 5000 тонн). Экономическая выгода от их приобретения состоит в привлечении, таким образом, новых инвестиций в нашу республику. Грузооборот порта вырастет, что позволит в свою очередь окупить сам паром, стоимость которого доходит до 20-ти миллионов долларов. Республике это «грозит» увеличением бюджета (в виде получения налогов) на 530 миллионов рублей.

Давние партнеры порта – компании «Интерлогистик», «Сафинат», «Союзвнештранс», «Инвестал», «Евразия». В последние годы партнерами по бизнесу являются: Магнитогорский, Нижнетагильский, Челябинский, Ново-Липецкий, Западно-Сибирский металлургические комбинаты; Кемеровский коксохимический комбинат, Уральский вагоностроительный завод, Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат, Международная зерновая компания и другие предприятия.

Активно интересуются возможностями порта зарубежные корпорации. Так, немецкая нефтегазодобывающая компания «Винтерсхалл» ведет геологоразведочную деятельность в Прикаспии. А транспортные компании из Ирана участвуют в разработке проекта «Плавучий трубопровод». Предполагается по дну Каспийского моря проложить трубопровод, что позволит снизить затраты на транспортировку нефти.

Разностороннее сотрудничество сулит самые заманчивые перспективы.

СВЕТ В КОНЦЕ «КОРИДОРА»

Махачкалинский торговый порт – глубоководный и незамерзающий, поэтому именно здесь проходит транспортный коридор, соединяющий разные концы света. Доставка грузов из стран Азии в Европу и обратно в рамках этого коридора более выгодна: расстояние в три раза короче, чем через Суэцкий канал. В связи с этим эксперты пророчат в ближайшее время грузооборот в 15 миллиардов долларов.

Благодаря нашему порту реализуются торговые связи России с Закавказьем, Средней Азией, Ираном и другими странами Ближнего и Среднего Востока. В 1998-м году был создан причал для приема автомобильного парома, обеспечивающего линию Россия – Иран.

Сейчас идет экономическая война на Каспийском море. На состояние порта влияет политика таких государств, как США, Азербайджан, Грузия, Турция, частично эта политика направлена на изоляцию России от потоков каспийских нефти и газа. В создавшихся условиях положение нашего порта исключительно, райские плоды сможет пожинать наша республика. Гордиться тем, что родился в

географически выгодном месте нелепо. Только от нас зависит, как мы распорядимся своим положением.

НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Должность генерального директора Махачкалинского морского торгового порта с 1998-го года занимает Абусупьян Хархаров (1967-го года рождения). Назначен был по рекомендации Госсовета и правительства Республики Дагестан. По специальности экономист, инженер-механик. Является почетным работником морского флота, заслуженным экономистом РД.

ГЛАВНОЕ ДОСТОЯНИЕ

За последние годы в порту создано около 1,5 тысяч рабочих мест. Больше всего докер-механизаторов, слесарей и слесарей-судоремонтников.

Проблемой является нехватка дипломированных специалистов, поэтому портовики направляются в астраханское или новороссийское мореходные заведения для обучения и повышения квалификации. Это достаточно дорого, так что планируется открыть для этих целей в Махачкале среднее профессиональное учебное заведение.

Портовиков отличает редкая работоспособность и... скромность. Они, как правило, уклоняются от личных тем, и все рассуждения неизменно переходят в область профессиональных интересов.

Еще одна отличительная их черта – страшная занятость: здесь вы не увидите привычных для наших производственных ландшафтов «слоняющихся без дела» и «убивающих время». Все при деле. И ходить медленно здесь, по-моему, не умеют.

Управделами порта Магомед Ибрагимов признался, что о наболевшем говорить не хочется, потому что это непатриотично по отношению к родной организации: все равно, что выносить сор из избы. И повторил несколько раз: «Расскажите о людях, которые здесь работают: о машинах уже все сказано». Что я и попытаюсь сделать.

МАНОЛИС ФУЛОВ

Я родился и жил в Грузии, с детства мечтал о море, поэтому учиться поехал в Одессу по специализации «гидротехническое строительство водных путей и портов». На тот момент в Советском Союзе только в этом городе был институт инженерно-морского флота. Родители были категорически против моих плаваний на судне, так что это был оптимальный вариант: я мог, оставаясь на суше, постоянно иметь дело с морем.

В Махачкалу попал после окончания учебы в 1985-м году по распределению и собирался по истечении срока уехать отсюда. Но меня не отпустило обилие вдруг навалившихся дел. Свою карьеру здесь я начал инженером в отделе гидротехнических сооружений, а спустя 6 лет стал начальником этого самого отдела. Был в свое время секретарем комсомола и председателем совета трудового коллектива порта; совет этот ставил перед администрацией порта вопросы, затрагивавшие интересы коллектива.

В 1998-м году был назначен на нынешнюю должность – исполнительного директора дирекции по реконструкции. Основные функции нашей дирекции – это функции заказчика строительных работ по реконструкции и развитию порта, технический надзор, ведение соответствующей документации. В нашем порту успешно проводятся работы по реконструкции и строительству гидротехнических сооружений.

Считаю, мне повезло пройти путь, начиная с самых азов. О том, что остался здесь, не жалею. И хотя трудности в процессе работы возникают постоянно, но наша структура для того и создана, чтобы их решать.

ЮРИЙ ЕВТУШЕНКО

В порту я около 35-ти лет. Окончил Дагестанский политехнический институт, по образованию инженер-строитель. Сразу после армии пришел в порт: начинал я диспетчером грузового района, затем стал инженером технического отдела, старшим инженером по капстроительству, после чего и занял нынешнюю должность – начальника отдела гидротехнических и инженерных сооружений.

Помню порт в периоды застоя, когда он был маломощным, а гидротехнические сооружения были деревянными. В доперестроечные времена наш порт был подразделением Бакинского пароходства «Каспар», и главное управление было там же. После распада СНГ порт стал самостоятельным.

Только с началом реконструкции порт начал обновляться. Реконструкция – вынужденная мера, связанная с особенностями нашего климата: бассейн Каспийского моря закрытый, а регион наш ветреный. Так что довольно часты штормы, когда огромные нагонные волны почти полностью смывают береговые заграждения (в 93–95-е годы случилось стихийное бедствие: были повреждены автодорога, причальные сооружения, ряд зданий).

В настоящее время идет ускоренное строительство гидротехнических сооружений, так что людей приходится переучивать в экстренном порядке; мы постоянно находимся в состоянии боевой готовности. При нехватке специалистов основная нагрузка ложится на тех немногих профессионалов, что есть.

Что касается обмена опытом, то мы участвовали в российской программе по техническому обеспечению, демонстрировали достижения на проходивших выставках. Благо, нам есть что показать.

ЛУКМАН АЙГУНОВ

В порту я начал работать учеником помощника крановщика в 1953-м году, потом перешел на работу с дизельными кранами, которые теперь заменили электрическими. Последняя специализация – сварщик, а с недавних пор – инструктор-наставник молодых специалистов.

Обучаю технике безопасности: если ее не соблюдать, любая работа может стать опасной. По сравнению с прежними временами механизмы в порту стали очень сложными, нужно постоянно расширять знания. Требования к молодежи растут. Быстрее схватывают новое те, чей кругозор шире, и это, чаще всего, горожане: сельские жители не столь избалованы техникой.

Я вел раньше и до сих пор веду общественную работу: вхожу в состав профкома порта. Признали почетным работником морского порта России, заслуженным работником транспорта Дагестана. Не умею хорошо говорить, зато, думаю, что умею работать.

Здоровье у портовика должно быть отменное: на берегу постоянно дуют ветры. Раньше, сидя на кране, на большой высоте, где продувало насквозь, я почти на здоровье не жаловался. Секрет весь в том, что интенсивная работа не дает расслабляться и болеть. Поэтому же на мне никак не отразилась и смена руководства порта. О нынешнем начальнике могу судить хотя бы по тому, что он собрал сильную команду – настоящих знатоков своего дела.

В порту я с 18-ти лет, мне не раз предлагали поменять место работы, обещали более высокую зарплату. Но я раз и навсегда дал себе слово не уходить отсюда, это слово держу.

ГЕОРГИЙ БЕСПРОЗВАННЫЙ

Родом я из Житомирской области Украины. В 1938-м году был призван матросом на Черноморский флот. Здесь и застигла война, моя жизнь не раз висела на волоске. Был не раз ранен, участвовал в битвах под Сталинградом и Севастополем, воевал в других местах. Имею награды.

После войны отправился в Баку, где окончил морское училище штурманом. Будучи уже опытным моряком, был направлен сюда, чтобы поднимать порт. Это было типично для того времени: со всего Советского Союза в Махачкалу стекались кадры, в которых республика остро нуждалась. Этим объясняется высокая концентрация русских в нашем порту в тот тяжелый период: местное население в основном занималось сельским хозяйством, и морское дело было ему незнакомым.

Я проработал 50 с лишним лет капитаном в Махачкалинском торговом порту на самых разных судах, горд тем, что по моей вине не произошло ни одной аварии. В сложных ситуациях выручала мужская дружба с Бывалкиным, Уткиным, Федоровым, другими моряками. А неприятных сюрпризов хватало всегда: это и устаревшая техника, подводившая в самый критический момент, и борьба со штормовыми ветрами, и непредвиденные остановки на мели. А чего с лихвой хватало всегда – так это работы.

Когда пришло время ухода на пенсию, меня долго упрашивали остаться в качестве инструктора, но здоровье уже не позволяло. Настала пора попрощаться с морем, которое теперь снится мне почти каждую ночь.

ЖДАТЬ ЛИ У МОРЯ ПОГОДЫ?

Дагестан – «транзитная» республика, так что благоустройство порта является жизненно необходимым. России никак не обойтись без морских ворот в юго-восточном направлении, основная примета которых не задвинутый засов, а предельная распахнутость. Нужно обеспечить максимальную их пропускную способность.

Геостратегическое положение махачкалинского порта исключительно; большинство дагестанцев до сих пор этого, похоже, не осознало. Наверное, потому, что не ощутило этого на своем кошельке. Приходится с сожалением отмечать, что порт с его очевидными успехами живет пока в своем параллельном мире, о котором местный обыватель лишь смутно догадывается. А если и знает что-то, то воспринимает это достаточно равнодушно, не надеясь, что эти успехи скажутся непосредственно на его кармане. Мы не смотрим на море с надеждой. А зря! У нас есть повод для гордости, что сегодня, к сожалению, происходит не так часто.

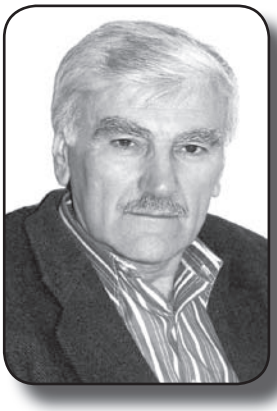
Дагестан большей частью фигурирует в криминальных сводках, хотя у нас появилась возможность прославиться в ином качестве. Одна из ключевых отраслей хозяйства нашей республики, пережив период жесточайшего кризиса, возрождается. Что является «узловым» моментом в развитии экономики всего нашего региона. Сегодня не так уж много реально работающих предприятий, а порт – это новые рабочие места и, следовательно, улучшение благосостояния населения Дагестана. Хотя зарплаты рядовых работников порта не так впечатляют, как общие показатели. А реальный критерий благополучия не абстрактные цифры, а сумма, которую получает за свой труд конкретный человек. В порту она больше, чем в целом по городу, однако не в той мере, как этого ждешь, зная о миллионах, которыми ворочает все предприятие. Такая несоразмерность удручает, но, по крайней мере, порт борется со своими недугами, а люди здесь могут рассчитывать на стабильный заработок.

И о главном.

Воспитанные романтической литературой о море и моряках, мы невольно окружаем этих людей особым ореолом мужественности. И это уже не только ореол, когда видишь обветренные лица портовиков и глохнешь от их мощных голосов, привыкших покрывать шум прибоя. Мы истосковались по образу героя, – не отягощенного золотом бизнесмена, не преуспевающего криминального авторитета, а по образу настоящего труженика, надежного товарища, просто порядочного человека. Хотите окунуться в атмосферу, в которой живут такие люди? Посетите порт.

Редакция благодарит за помощь при подготовке материала референта генерального директора порта Марата Мурилова

ПАТРИОТИЗМ



“Я, ты, он, она... вместе – целая страна...”

Далгат АХМЕДХАНОВ

В заголовке слова из почти забытой песни. Незаслуженно забытой. Видно, и поэтому сегодня люди с разной, традиционной и нетрадиционной, политической ориентацией понимают под патриотизмом прямо друг другу противоположное. Простите за такое сравнение, но похоже на то, как это происходит уже и в интимной жизни в толковании слова «любовь», чему мы все больше становимся свидетелями. Патриотизм – это любить, защищать родину, работать во имя ее блага – всеми подразумевается. Но смысл в эти понятия вкладывается разный. В результате на выходе народ получает тоже разный продукт. В жизни политической вместо предназначенной человеку обществом любви к отечеству – ее видимость. В жизни интимной вместо предназначенной природой любви мужчины и женщины – ее суррогат.

Кто же патриот истинный, а кто мнимый? Кто действует во благо родины, а кто во вред? Кто естественен в своем патриотизме, а кто извращает святое понятие, делая это или из-за недомыслия или со злым умыслом, прикрываясь патриотизмом для личных выгод.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

Посмотрим, что же послужило началом размежевания. Потому что все последующие разногласия являются производными от той первой межи. Она пролегла в ответе на вопрос, кто был патриотами своей страны: большевики или те, кто с ними воевал? Взгляд назад не пустопорожнее занятие, будем помнить про гамзатовские пушку и пистолет. Ведь спорят до сих пор о мавзолее Ленина, о памятниках Сталину, о праздновании дня, когда начался чудовищный эксперимент над огромной страной, повлекший для миллионов людей неисчислимые беды.

Заметьте: я не сказал – революционеры, демократы, эсеры, а именно – большевики и их вольные или невольные последователи. Семьдесят пять лет у нас патриотами считались большевики. Теперь уже считаются истинными патриотами их противники. Прах «самого белого» генерала Деникина с почестями перевезли в Москву. А ведь слово «деникинцы» было в свое время олицетворением антипатриотизма.

Время лечит. Значит, оно и в самом деле расставляет людей и события по своим местам.

В этом номере нашего журнала в статье «Переименования: вакханалия продолжается» профессор ДГУ Шапи Гасанов поднимает злободневную тему. Вакханалия, о которой он пишет, началась не сегодня, и не вчера – с крахом прежней идеологии. Началась она сразу после революции. В массовом порядке переименовывались города, села, аулы, даже дни недели, свергались прежние памятники и воздвигались новые – в честь никому прежде неведомых людей. Менялись исторические названия, жившие веками. Было ли это патриотично? Однако прикрывались патриотизмом в угоду стоящим у власти временщикам.

Сегодня, когда вместо имен временщиков порой возвращаются имена, освященные историей, раздаются возмущенные голоса: это непатриотично – надо сохранять историю. Какую? Многовековую? Или просуществовавшую всего (!) несколько десятилетий?

Истинный патриотизм перед лицом внешней угрозы не требует доказательств. Война четко определяет, кто есть кто. Или ты по эту сторону фронта, или по ту. Но даже в лихие военные годы ложные идеалы настолько затуманивали сознание обманутых людей, что многие до сих пор находятся в плену прежних миражей. Понятно, что патриоты объединяются для борьбы с врагом, какие бы внутренние споры их ни разделяли. Но в таком случае патриот ли Ленин? Ведь он выступал за поражение в войне с Германией. И по Брест-Литовскому мирному договору отдал ей без боя огромные территории, вернувшиеся России только благодаря победе союзников. Более того: он так ратовал за превращение войны мировой в войну гражданскую, чреватую гибелью миллионов его сограждан, что это граничит уже не только с предательством, а просто с нарушением нормальной человеческой психики. Кто же был патриотом в той кошмарной междоусобице? Те, кто защищал свою страну, или те, кто братался с ее врагами?

В словарях русского языка «патриотизм» определяется как «любовь к Родине, к своему отечеству, своему народу». А вот что сказал Ленин о патриотизме. Дословно так: «Одно из наиболее глубоких

чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». И ничего о любви к родине, верности народу и тому подобной, на его взгляд, дребедени. Особенно умиляют «обособленные отечества». Нынешние ленинцы любят упрекать несогласных с ними, говоря: тебя вырастила и воспитала советская власть, все тебе дала… А ты? Дальше предполагается: негодяй, предатель и т.д. Верные ленинцы не вспоминают, что В.И. Ульянова вырастила и воспитала российская власть, а он, такой-сякой, ответил ей черной неблагодарностью.

Что знали мы о том, как наши всенародные любимцы Маркс и Энгельс отзывались о России? В газете «АиФ» (№ 45, 2005) приводятся их высказывания. Цитирую Маркса: «жандарм Европы», «гигант без рук и глаз». Во время Крымской войны он советовал англичанам и французам уничтожить Кронштадт... Цитирую Энгельса: «Русские солдаты самые неуклюжие во всем мире… они не годятся… пьянство и грабежи делают их весьма ненадежными», «русский солдат не сумеет … действовать собственным умом». Оба «классика» называли славян варварами, ворами, националистами, неспособными к цивилизации. Но советские люди их любили. И любят до сих пор. Таков советский патриотизм.

Любопытно взглянуть с этой точки зрения на нынешних правдоискателей. На словах – все патриоты. Но каковы на деле?

ОГЛЯДЫВАЯСЬ ВОКРУГ

Ответить на вопрос – задача трудная. Нет ничего проще сказать: этот – да, а тот – нет. Но ведь надо обосновать, доказать. Деятелей прошлого обосновало время, их суть доказала история. О современниках же можно судить лишь с помощью логики, здравого смысла. Нескромно полагая, что ты ими располагаешь. Патриот ли, скажем, Горбачев? Помню, с каким ожесточением в годы его правления почти все мои собеседники утверждали, что он рохля, болтун, вредитель, предатель и т.п., я же доказывал, что история, несмотря на все заблуждения генсека, поставит Горбачеву в будущем золотой памятник. «Да за что ему памятник?» – возмущенно отвечали мне. Да за желание спасти огромную, уставшую от неисчислимых невзгод, страну, отвечал я, за сознательный, а может, и интуитивный отказ от экономического и политического авантюризма, за окончание холодной войны, наконец. И что же? Во всем мире Горбачева за это ценят, а у нас, увы, до сих пор многие его считают предателем, подтолкнувшим великую державу к развалу. А он, вставший против многомиллионного партийного и советского чиновничества, несомненно, патриот.

А Ельцин? С одной стороны, порождение бандитского капитализма – его рук дело. Однако этот шаг был в условиях постсоветского государства единственно возможным для экономического и политического переустройства. И несмотря на все его чудовищные промахи, объяснимые его большевистским сознанием, он все же продолжал держать страну в нужном направлении. Сделав один шаг, он так и не сделал последующих. С населением, испорченным идеологическим воспитанием, с таким государственным наследством трудно было ожидать большего. Но даже этот единственный шаг, если бы не война в Чечне, делает его патриотом. Не очень – но все же.

О Путине говорит его рейтинг, зашкаливающий за 60–70 процентов, которому можно доверять. Это при Сталине при опросе населения попробуй скажи против... А сейчас – чего только не говорят. Поэтому рейтинг – мнение народа, а вот политики… Любопытная со многими из них произошла трансформация. Ну, например.

Когда при Ельцине я слушал Немцова, Явлинского, Хакамаду, Гарри Каспарова, бывшего телеведущего канала НТВ Евгения Киселева, других «правых», то практически со всеми их высказываниями был согласен. И с реформами, которые они предлагали, и с программой партии СПС. И вот президентом стал Путин, начал проводить реформы, которые с таким жаром пропагандировали либералы, стал выполнять, по сути, программу СПС, укреплять государство, его экономику, армию, международный авторитет, повысил с таким трудом доходы бюджетников, пенсионеров и т.п. И вдруг этим (именно этим) бывшим либералам не понравился. Ладно бы, они его за дело критиковали – критиковать всегда найдется за что. Так нет: они стали просто его хаять. И за что? За то, что проводит те реформы, за которые они сами ратовали при Ельцине. Не за то, что правительство неумело их претворяет, а за саму их суть.Что же случилось? Какой бес их укусил?

Этот бес, как я понимаю, – их личное, именно личное, благополучие, такое, как они сами его понимают. Других причин (не предполагать же, что не способны соображать) не обнаружишь. Хоть днем с огнем ищи. Есть, правда, еще один мотив такого перевертыша, неуклюже объясняемый ими угрозой демократии, свободе слова и т.д. Думаю, мотив этот – выполнение заказа опальных олигархов, отодвинутых от кормушки, но их подкармливающих. Впрочем, эта причина, если она справедлива, из того же ряда – месть за собственное понижение в государственном ранге с вытекающими отсюда по-следствиями.

Бывшие «демократы» и сейчас достаточно благополучны, потому что многие наши сограждане в советские годы лишились иммунитета к демагогии. Об этом наглядно свидетельствуют приверженцы Зюганова, Анпилова и других коммунистических вождей. Их число уменьшается, люди прозревают. Но отсутствие иммунитета сказалось и на приверженцах демагогии, несущейся с другого фланга. Назвать этот фланг либеральным, демократическим, каким он прежде был (или казался), язык не поворачивается. Поскольку сегодня либеральные ценности, движение к демократии демонстрирует президентская власть (именно она, а не иная). И поэтому она патриотична. А бывшие либералы, ее нынешние хулители, раз они против очевидно благих (для истинных патриотов) реформ, кто? Если вместо помощи вставляют палки в колеса? Их рассуждения о том, как неверно ведет страну президент, настолько противоречат очевидным фактам, что просто смехотворны. Либералы-перевертыши, выходит, люди не государственные. Они не стремятся (на деле, а не на словах) организовать структуру государства – слуги народа – лучше. Обида, что их прежняя деятельность оказалась на поверку при деятельном президенте (в отличие от Ельцина) пустословием, оказалась невостребованной, застит им глаза.

«Патриотизм» прежних либералов вырисовывается ярче в свете их наметившейся дружбы с некогда для них непримиримыми противниками – коммунистическими партиями всех оттенков. «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты». А история России XX века показала миру, прежде всего россиянам,

насколько патриотична коммунистическая партия. Сегодня эти «либералы» прямо говорят о праволевой коалиции. Совсем, как Ленин, призывавший объединяться хоть с врагами: для достижения цели, мол, все средства хороши. Итог известен. Тут и говорить не о чем – не стоит ломиться в открытые двери. А вот о тех, кто, ничтоже сумняшеся, называют себя патриотами – стоит.

Как можно относиться к человеку, который на всех углах кричит, что он честный, что он добрый, что он справедливый, искренний... Вряд ли он таков! Честный, добрый, справедливый никогда не будет кричать о своих нравственных качествах, именно в силу своей нравственности. Так же и политические партии. Что бы вы подумали о партиях, которые именуют себя словами, обозначающими нравственные понятия? Скажем, о «честной партии», «доброй партии», «справедливой партии», «патриотической партии»… Однако в стране они есть, такие партии. Совсем как «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи». Не больше, не меньше. Мол, у этой партии совесть есть, у других ее нет. Патриотизм – нравственное качество. Именовать самого себя нравственным – безнравственно. Но у нас партий или движений, в названии которых фигурируют слова «патриот», «патриотичный», – пруд пруди. И я думаю, что вряд ли партии, которые официально именуют себя замечательными, ими являются. Не зря классик сказал, что патриотизм – последнее прибежище негодяев, имея в виду, что откровенный негодяй в качестве последнего средства маскировки заявляет о своем патриотизме. Дескать, попробуй докажи, что я не люблю родину. Но это от лукавого. Патриотизм и непорядочность несовместимы, как, по словам Пушкина, несовместимы гений и злодейство. Не хочу сказать, что партии с такими названиями сплошь из притворщиков. Но присваивать себе априори высокие качества неприлично. И безнравственно.

Говоря о «патриотизме» в наших центрах культуры, нельзя не сказать вот еще о чем. Помните, с каким пылом рассказывалось по ТВ о капитане сейнера, который нарушил законы чужой страны. Какой он герой! Убежал от служителей закона, да еще парочку их в плен захватил. Кем были российские СМИ в глазах остального мира? Ведь ясно: если не уважаешь чужие законы – не уважаешь и свои. Это патриотизм? Что теперь делать с японскими и китайскими браконьерами в российских водах на Дальнем Востоке? Они, выходит, тоже герои, патриоты своих стран? Слава Богу, российская Фемида опомнилась и предъявила капитану претензии. Глухо, сквозь зубы, но сделала это.

А что вы скажете о лидере партии «Родина» (название-то какое: они – Родина, а другие – нет) Рогозине, который на всю страну по ТВ открыто заявил, что если бы «родинцы» стреляли в Чубайса, то не промахнулись бы. Я понимаю, что Чубайс (как империалисты, как евреи, как шпионы, как рыжие, как лица кавказской национальности, как… – не важно кто, только не я) виноват во всех бедах. Система перекладывания вины на любого удобного в данный момент работает давно и изобретена прежней идеологией. Но каковы «патриоты-родинцы», готовые стрелять из-за угла в государственных чиновников. Прямо, как прежние террористы – народовольцы. Террорист – это патриот?

А как заметен «патриотизм» нынешнего пропагандиста большевистской идеологии, писателя и журналиста Проханова. Он с жаром, нисколько не стесняясь, доказывал в телеэфире, какой замечательный настоящий русский офицер Квачков, сидящий за решеткой по обвинению в покушении на убийство Чубайса. И это уже за гранью нравственного здоровья. Кто бы и что бы в силу своего интеллекта или его отсутствия ни думал о Чубайсе, но этот всеобщий «любимец» больше десяти лет – чиновник высокого государственного ранга, которого ценят в правительстве, который имеет высокий международный авторитет. Восхвалять, представляя чуть ли не национальным героем, человека, который обвиняется в покушении на убийство, и, глядя в глаза миллионам телезрителей, считать себя патриотом? Если такое воспринимается как должное, то тогда, действительно, «умом Россию не понять». Но я в это все-таки не верю.

У замечательного немецкого драматурга Б. Брехта есть такой диалог: «Несчастна страна, в которой нет героев. – Нет! Несчастна та страна, которая нуждается в героях». Глубокая мысль. Особенно, если страна нуждается в таких, кто ворует чужое добро или стреляет в невинных людей. Таких героев было полно в фашистской Германии, были они и в СССР, появились они и в новой России. Впрочем, нет, не появились. Они есть в любой стране. Просто в цивилизованных государствах они прячутся, тем паче – не заявляют о себе по телевидению.

ВСМАТРИВАЯСЬ В НАС

Обратимся к нам, живущим и работающим в Дагестане. Насколько патриотично то, что мы думаем, говорим, делаем? Понятно, что речь, как и на федеральном уровне, не идет о том, что не вызывает сомнений. Положительное в понимании патриотизма в журнальной статье не уместится. Речь о тревожном.

Если начать с наших партий, то тут все уже сказано. Их у нас дома практически всего две: «Единая Россия» и КПРФ. Остальных и в микроскоп не различишь, если они и есть. В одной из недавних наших журнальных публикаций о них уже писалось. Качество же патриотической «начинки» у нас, в Дагестане, давно «корябает» – и на информационном поле, и на бытовом уровне.

Не могу и не хочу в силу корпоративной этики упрекать (никто это делать не вправе) кого-либо. Кто прав, кто – нет, судит читатель. Однако обозначить тенденцию, общественное явление – право и даже долг обеспокоенного этим журналиста.

В наших СМИ не часто, но довольно регулярно, хотя и невнятно, будто походя, критикуется федеральное правительство вкупе с президентом. И не критикуется даже, а просто так – будто из желания лягнуть, высказывается разное «фэ» – не очень понятно, за что и во имя чего. Припечатать власть за явные промахи – святое, необходимое обществу действо. Но по делу! И не долдоня, повторяя не обоснованные жизненной практикой обвинения обиженных и недовольных крепнущим постепенно в стране порядком. Страна, и Дагестан в том числе, с большим трудом вылезают из прошлого, стараясь выстроить по кирпичику нормальное будущее. По этому поводу тешатся те, кому нравится своим критиканством выглядеть борцами за истину. Но если мы понимаем, что почем и что к чему, непатриотично на пути процесса, идущего с таким трудом, воздвигать преграды, содействуя удержанию зомбированной части населения в прежнем состоянии.

«Либеральные» упреки в адрес федеральной власти при президенте Путине непатриотичны, в

какие бы демократические одежды они ни рядились, они не обусловлены существующими реалиями. Что, разве у нас была или есть демократия, которую уничтожает президент? Надо же видеть, что расчищается от сорняков почва для действительной демократии. Пусть даже и централизацией власти. Уверен – временной, ограждающей регионы на нынешнем этапе развития от недостойных – хотя и с деньгами – самовыдвиженцев. Поскольку, как выяснилось, раздачу денег, мешков муки, использования административных ресурсов у избирательных урн иначе не изжить. Эти упреки не принимают во внимание, что наша страна единственная в мире столь долго жила при абсурдном экономическом и политическом устройстве, что всякие аналогии с другими странами (даже с Китаем) некорректны. Ничего подобного никто, кроме России, не пережил. И в интересах государства приходится решать первоочередные задачи, выстраивая проблемы отдельных регионов в очередь – в порядке, диктуемом политическим и экономическим расчетом. Гнев, рождаемый региональным эгоизмом, нежеланием (или неумением) видеть за деревьями леса, делает якобы демократов псевдодемократами, якобы патриотов – псевдопатриотами. Это похоже на то, как на вокзалах и аэродромах пассажиры толпятся, мешая друг другу, при посадке. Все равно ведь все рассядутся по своим местам. Но нет, эгоисты своим поведением задерживают всех, и себя в том числе. Нечего удивляться, что мы так долго перестраиваем свою жизнь.

В наметившейся вроде недавно дискуссии о наших СМИ высказывалась мысль о единой для них задаче. Да, у журналистики задача одна: говорить, не ошибаясь, правду, помогая, а не вредя обществу и стране. Вопрос только в том, чтобы это была не обязанность, которую рождает насилие (какая тогда свобода слова), а долг, который рождается патриотизмом. Вот только как его понимать. В недавнем противостоянии ботлихцев со строителями военного городка СМИ не удосужились подсчитать плюсы (рабочие места, дороги, материальное снабжение, товарооборот, безопасность и т.д.) и минусы (площадь земли, отводимую для военных). В Грузии местное население митинговало против вывода военной базы, у нас – наоборот. Патриотизм СМИ, думаю, в приоритете плюсов, которые для большинства очевидны.

Показательна в этой связи многолетняя ругань дагестанских СМИ в адрес проводимых в стране реформ. Мы возрождаем сельское хозяйство, промышленность, культуру... И надо бы не плакать о развале нерентабельной экономики, а приветствовать и поддерживать нарождающуюся новую, прогрессивную и конкурентоспособную. Совсем близкий пример – монетизация льгот. Призрачными льготами (ими пользовался мизерный процент декларированного населения) создавался миф заботы о народе и одновременно разрушался и без того негодный экономический механизм государства. Да, исполнение закона заслуживало критики, но не его принцип. Наши СМИ не видели разницы между тем и другим. И это непатриотично, это вводит читателей в заблуждение, а значит – вредит стране.

Уже много лет со всех сторон раздаются стоны по поводу отсутствия у нас национальной идеи. Дескать, у других есть, а вот у нас – ее нет. Бред! Какая еще идея! Неужели настолько мы заидеологизированы, что уже без лозунгов не можем! У всех стран и народов, если уж так хочется, есть одна глобальная, стратегическая идея: с каждым годом жить лучше, чем прежде: богаче, культурнее, интереснее, наконец – дольше. Вот идея самая национальная и самая патриотичная! Но способствуют ли ее осуществлению наше кино, ТВ, литература, журналистика? Не всегда! Далеко – не всегда!

Разве фильмы о войне в Афганистане, о первой чеченской кампании патриотичны? Хочу быть правильно понятым. Не солдаты виновны в несправедливой войне, не их родина виновна, а власть на их родине. Это разные вещи. Нерасставленные, неточные акценты в фильмах, книгах, статьях обеляют власть, черня родину и вредя ей этим. Пафос войны не разбирает, кто боевик, а кто нет, пафос войны с мирными жителями в чужой стране, а тем более – в своей – безнравственен. Бывший депутат Госдумы, генерал Воробьев отказался при Ельцине от звезды Героя России за службу в Чечне, и поступил как истинный патриот. Передергивание фактов из дореволюционной и советской истории в угоду сенсационности, повышению рейтинга и кассовости – патриотично? Но это происходит в толковании истории – от Древней Руси до наших дней. Примеров масса. Приведу лишь два. Было ли татаро-монгольское иго для Руси настоящим игом и когда она от него избавилась: на Куликовом поле или на Золотаревском городище в нынешней Пензенской области? А Кавказская война и вечная дружба дагестанских народов, не знавших, якобы, никаких конфликтов друг с другом? Фальшь не добавляет славы. В то же время документальные свидетельства нашей истинной истории транслируются по ТВ около полуночи, хотя хорошо бы – в самое удобное время на общенациональных каналах вместо третьесортных боевиков.

Делать надобно это не с целью воспитания, а для просвещения. Патриотизм воспитать нельзя, он произрастет сам из гордости за родину, когда есть чем гордиться. А у нас есть! Только не надо мешать этим росткам. Например, фальшивыми фильмами (наподобие «Сибирского цирюльника» или «Зависти богов»), преклонением – вплоть до наклеек на стеклах очков – перед иностранным. Не надо мешать излишним и нелепым сегодня (в XXI веке) проявлением гостеприимства в виде танцев у трапа самолета, особенно при деловых визитах. Многое, увы, еще мешает утверждению в обществе истинного патриотизма: дурной вкус, многозначительные рассуждения о самоочевидном, приоритет мышечных усилий над достижениями ума, восторженный (вместо спокойного) прием скандального боксера Тайсона, «мегазвездность» нашей российской и дагестанской – вплоть до районной – эстрады, засилие легионеров в футболе (победа ЦСКА благодаря бразильскому допингу в

Кубке УЕФА – это победа российского спорта?). И почему в списке Героев Советского Союза, опубликованном в «АиФ», нет среди всех перечисленных героев дагестанцев и чеченцев?

А патриотично ли сплошь и рядом перемежать свои тексты иностранными словами, употребляя их абсолютно без всякой надобности. Еще раз прошу понять правильно. Я не за замену «галош» на «мокроступы» наподобие славянофилов в 19-м веке. Язык – явление живое, в русском столько иностранного… и это хорошо. Язык сам выбирает, что ему потребно. При надобности. Но без нее? Что за лизоблюдство, простите, перед латинским шрифтом? И это в гордом своим горским менталитетом Дагестане? А может, это не лизоблюдство, а стремление блеснуть, показать свою «крутость», знание чужого языка, якобы эрудицию? Смешные потуги. Чем интеллигентнее, образованнее, эрудированнее человек, тем он более скромен, он не позволяет себе выпячивать каким-либо образом собственные достоинства. Если они есть, и тем более, если их нет. Как правило, это происходит с достоинствами мнимыми. Доходит до того, что написание иностранных имен повторяется на чужих языках. Интересно, для чего? Скорее всего, для выпендрежа в подражание московским столь же патриотичным коллегам из желтой прессы. Или чтобы быть точным? Не смешите. Читателю это нужно? Он же на русском языке читает! Странно все это, если не сказать большего. Чего не хватает в таком исполнении служебных обязанностей? Профессионализма? Фантазии? Здравого смысла? Можно гадать и спорить. Но патриотизма не хватает – факт!

Есть еще одно объяснение этому… ммм… «тинэйджерскому» поветрию: беззастенчивое копирование столичных вроде бы профессионалов. Заметили? Построение фраз, устойчивые формулировки, звучащие на страницах московских газет, с экранов центральных телеканалов, захлебывающаяся словами скороговорка, как правило, тиражируются на нашем, региональном уровне, причем далеко не всегда в удобоваримом исполнении. Так было и в советское время. Так продолжается и сейчас. Но ведь копия всегда хуже оригинала. Не все этим грешат, конечно, однако грехов этих больше, чем хотелось бы. Не говорю сейчас о многом продуктивном в нынешних дагестанских СМИ, оно, бесспорно, радует. Но ведь хочется изжить негатив. Чтобы наши земляки не повторяли ляпов московских коллег, а подавали им пример. Столичные «штучки» тоже хороши. Недавно поразился, что с телеэкрана прозвучало «уикэнд» вместо «в выходные дни». Может, теперь вместо «Россия» писать будут «Russia» или «Rascha»? А мы повторим такое с «Дагестаном»?

Говоря о «теле- и радиопатриотизме», как не упомянуть о… прогнозе погоды. Обратили внимание? Упоминается, как правило, погода в крайних точках на западе, севере, востоке огромной страны, а на юге информация ограничивается Ростовом, Краснодаром, Ставрополем. А кавказских городов на крайнем юге России будто нет. Редко-редко что-то проскочит. Это замечается не из-за глупой провинциальной обиды кулика за свое болото. А потому, что, стараясь сплотить многонациональную страну, разумно ли совершать изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год подобную оплошность? Любовь к родине – общей родине – не знает пустяков.

Еще одно свидетельство нашего «патриотизма». Столичные газеты, теле- и радиосообщения полны информации о зарубежных футбольных чемпионатах, других спортивных соревнованиях. Что до крупных событий, знаковых происшествиях – тут вопросов нет. Но ведь перечисляются десятки фамилий, широкому читателю незнакомых и безразличных, приводятся показатели состязаний первого и второго ряда, а уж высшего – как правило. Немец, француз, англичанин, итальянец, вообще – европеец, японец или американец даже в кошмарном сне не увидят в своих СМИ информацию о результатах различных российских спортивных состязаний. Зато регулярно читают, видят и слышат о результатах состязаний не только на уровне чемпионатов своей страны, но и своего штата, департамента, округа, города... Причем, с подробным анализом и обозначением проблем. У нас же все наоборот. Печатаются полосы зарубежной информации, взахлеб рассказывается о перипетиях спортивной жизни за рубежом, а о спортивной жизни в республике и в стране – скороговоркой. Патриотично ли это?

И на бытовом уровне – внешне мы не очень патриотичны. Пройдите по улицам дагестанской столицы. Бесчисленные наименования всевозможных заведений различного назначения пестрят экзотическими названиями родом из Европы и Америки. Бедные Европа и Америка, бедные дагестанцы, которым предлагается суррогат вместо оригинала. Хорошо, если в яркой вывеске еще ошибок нет, что нередко случается. Дагестанского же происхождения наименования встречаются гораздо реже. Это патриотично?

ЗАГЛЯДЫВАЯ ВПЕРЕД

Тема патриотизма настолько сложна и обширна, что заглянуть во все уголки нашего сознания, повседневного труда и быта, конечно же, невозможно. Как и невозможно перечислить примеры подлинной любви к родине многих наших земляков – истинных патриотов. Их число несопоставимо с примерами негативного ряда. Не намерениями определяется патриотичность наших поступков, а их последствиями. Желать добра – не значит приносить его. Говорится же: благими намерениями вымощена дорога в ад.

Кого из тех, кого в стране называют правозащитниками, или из тех, кто таковыми себя называет, считать патриотами? У каждого свое мнение. Мое таково (назову навскидку лишь нескольких – разного плана). Александр Яковлев, Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Егор Гайдар, Вазиф Мейланов – да! Сергей Ковалев, Михаил Касьянов, Борис Березовский, Альберт Макашов, даже нынешний лидер СПС Никита Белых, не сумевший оценить закон о неправительственных организациях, – нет! Показательно: среди непатриотов по моей классификации находятся антиподы друг другу по иным своим убеждениям. Эта тонкая проблема имеет место быть. И она существенней многих сиюминутных.

Патриотизм – не биение себя в грудь, крики о любви к Родине – он вообще не выносит крика. Патриотизм – это отказ от традиций отживших, но верность традициям нравственным. Это борьба с невежеством и приверженность прогрессу. Патриотизм – это заимствование всего лучшего у других и отказ от всего худшего у себя. Наконец, это просто комфортная счастливая жизнь, это даже просто чистые туалеты, а не лозунги о своем идеологическом или национальном превосходстве.

Я попытался хотя бы вскользь очертить лишь то, что заставляет рядового дагестанца озаботиться тем, что бросается в глаза. Чтобы лучше понять, где любовь к родине, а где – ее видимость, было бы полезно, если б наши читатели продолжили этот разговор.

ИСТОРИЯ

КОММУНИСТ РЮТИН ПРОТИВ СТАЛИНА

ОН РАБОТАЛ В ДАГЕСТАНЕ

Анатолий КОРКМАСОВ

Имя бывшего секретаря Дагестанского обкома партии для дагестанцев остается практически неизвестным. Это, однако, не результат нашего невежества. В этом «заслуга» псевдоисториков, занимавшихся – кто из конъюнктурных соображений, кто по собственному невежеству – лживой пропагандой. Отдельные публикации о М. Рютине стали появляться лишь с 1988 года. Личность эта совершенно необычна в политической жизни страны. Нам же, дагестанцам, он интересен еще и тем, что жизнь его на определенном этапе была связана с нашей республикой.

Мартемьян Никитович родился в 1890 году в сел. Верхнее Рютино Усть-Удинской волости Иркутской области. В 1905-м после окончания иркутской учительской семинарии преподавал в земских начальных школах Сибири на Ангаре. Много печатается в газетах и журналах. В 1914 году вступает в РСДРП(б). В 1914 году с началом первой мировой войны его призывают в армию. После окончания офицерских курсов направляется в состав 30-го Сибирского стрелкового запасного полка, дислоцировавшегося в Харбине. Февральская революция застает его на Дальнем Востоке.

Офицер М. Рютин, пользовавшийся среди солдат гарнизона большим авторитетом, вскоре приобретает широкую популярность во всем Харбине. 1 марта 1917 года его избирают председателем Харбинского Совета солдатских депутатов, а с августа он председатель Харбинского Комитета РСДРП(б). В это же время он проходит кандидатом в члены российского Учредительного собрания от российской социал-демократической партии. После октябрьского переворота перебирается в Иркутск. В декабре 1917 года Центросибирью назначается командующим войсками Иркутского военного округа, затем – комендантом полевого штаба Красной армии на Прибайкальском фронте, одновременно главным редактором газеты «Красноармеец», с 1920 года он председатель Иркутского губкома РКП(б), делегат X съезда РКП(б) от Иркутской губернии, с октября 1921 года – зав. орготделом Сиб. Продкома.

В характеристике Сиббюро сказано, что Рютин «является крупным партийным теоретическим и газетным работником… Весьма твердый, жесткий руководитель, выдержанный партиец. В коммунистической этике безупречен. Отношение к окружающим товарищеское и требовательное».

В феврале 1922 года он направляется на работу в Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б), где до декабря того же года состоит зав. отделом пропаганды и главным редактором газеты «Советский юг». С этого момента знакомится с дагестанскими товарищами и, в частности, с Дж. Коркмасовым, который, будучи главой правительства Дагестана, состоял и членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Уже тогда секретариат ЦК, формально декларируя выборность партийных органов, фактически ее игнорировал. Секретариат ЦК все настойчивее, под различными увертками, внедрял принцип назначенчества в практику партийной работы, т.е. осуществлял построение партийных органов на прямо противоположной основе. Поэтому, когда Юго-Восточным бюро ЦК кандидатура М. Рютина в качестве секретаря ДК ВКП(б) будет намечена для работы в Дагестане, это обоснованно вызовет и соответствующую реакцию дагестанской парторганизации, мнение которой не учитывалось, что воспринималось как ущемление ее прямых интересов.

Необходимо отметить, это беспокойство дагестанских руководителей было связано, прежде всего, с весьма частой сменяемостью секретарей ДК. Бесперебойная присылка, начиная с конца 1920 года (за 2 года их число составило до 10 человек), как правило, извне партийных работников, не знавших и не успевавших что-либо понять в Дагестане, отражалось на качестве работы. Дагестанцами было подготовлено письмо в ЦК, где на пост 1-го секретаря ДК предлагался председатель СНК Дагреспублики Дж. Коркмасов. Однако такое совмещение руководящей партийной и советской работы тогда еще в партии не практиковалось. Сама постановка вопроса ни в коей мере не касалась личности М. Рютина, против направления которого на работу в Дагестан просто одним из секретарей ДК никто не возражал. Окончательно Юго-Восточное бюро своим решением от 12 декабря 1922 года «предложит», а фактически назначит М. Рютина в Дагестан, и 15 января 1923 года он будет там «избран» ответственным секретарем ДК.

Уже в качестве такового вместе с Дж. Коркмасовым и А. Тахо-Годи он примет участие в работе XII съезда партии, проходившего в Москве с 17 по 25 апреля 1923 года. На этом посту М. Рютин проработает до конца февраля 1924 года. За неполный год работы в Дагестане он сумел наладить работу.

Что очень важно, он сумел подойти к работе здесь с учетом весьма не простых местных условий и особенностей. Пребывание М. Рютина в Дагестане связано с очень интересным временем. Осуществлялась земельно-водная реформа, достигались серьезные перемены в экономической, культурной, хозяйственной жизни. Вместе с председателем Совнаркома ДССР Дж. Коркмасовым М. Рютин неизменно на самых ответственных участках. Он много ездит по республике, старается быть ближе к конкретной работе на местах. Он хорошо узнал край, людей, историю этой легендарной страны. Благотворно сказывалась и среда, в которую он попал. Его окружали искренние и проверенные люди, связанные крепкими традициями, годами совместной борьбы и работы. Это, прежде всего, такие известные, как М. Далгат, А. Тахо-Годи, К. Мамедбеков, И. Алиев, И. Махмудов, и другие, и конечно же, Дж. Коркмасов, авторитет которого в те годы был очень высок. Все это были не только талантливые руководители, известные общественные и государственные деятели, но и превосходно воспитанные и образованные люди, благодаря которым Дагестан в условиях новой экономической политики опережал по темпам своего развития многие регионы страны.

Кто бы ни отзывался о М. Рютине и его работе и жизни на Дальнем Востоке, в Ростове, в Дагестане – это были самые лучшие характеристики. Вскоре вопрос о работе Рютина будет вынесен на заседание Секретариата ЦК ВКП(б), которое примет решение об отзыве его в распоряжение ЦК. Но у Юго-Восточного бюро (Микоян), видимо, были на него свои виды и, несмотря на настояние дагестанских товарищей о необходимости оставления М. Рютина в Дагестане, он обратится в ЦК с предложением об отзыве Рютина для работы в крае. Эта просьба была отклонена, и Рютин продолжал работу в Дагестане. Однако в марте 1924 года его все же отзывают в распоряжение ЦК ВКП(б). А на пост первого секретаря ДК 24 апреля 1924 года был избран Дж. Коркмасов, по-прежнему являвшийся председателем СНК ДССР.

В Москве М. Рютина направляют на работу в Московский комитет ВКП(б). С апреля 1925 года по октябрь 1928 года он работает первым секретарем Краснопресненского РК ВКП(б) столицы. В этот период он избирался делегатом XШ, XIV, XV, XVI съездов партии, нескольких партийных конференций, на XV съезде был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1927, 1928, 1929 гг. участвовал в работе пленумов ЦК.

На июньском Пленуме 1928 года выступал в прениях по докладу Бухарина. До сих пор поддерживавший сталинскую линию, он, однако, в вопросе о чрезвычайных мерах, обращенных против крестьянства, полностью поддержал Н. Бухарина. К этому же времени относится задушение Сталиным НЭПа, выявляющего неповоротливость и бестолковость партийной работы, грозящего в условиях свободного рынка крахом диктатуре, безраздельному захвату власти. Так система, спасшая себя тогда в условиях безгласия общества, отсрочила свой конец, сделав его в дальнейшем более мучительным.

В октябре того же года М. Рютин без указания каких-либо причин по настоянию Сталина был снят со всех партийных постов и назначен членом редколлегии «Спутник коммуны» и редактором газеты «Красная звезда». Имея возможность наблюдать за жизнью страны, зная настроение людей не понаслышке, М. Рютин отличал реальность от лозунга, истину – от демагогии. Он сблизился с учеными, философами и социологами А. Слепковым, Д. Мерецковым, Я. Стэном, оказавшими большое влияние на его мировоззрение, что позволило ему укрепиться в принципиальных оценках, выработать свою честную позицию. В 1929 году вопрос о работе М. Рютина был отдельно поднят на заседании Политбюро ЦК от 24 января. Вскоре в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации он был отправлен в Сибирь. По возвращении он написал в Политбюро ЦК записку о беззаконии и насилии, с которыми столкнулся в Сибири при проведении колхозного стро-ительства. Записка вызвала самую резкую реакцию Сталина и ответственного за сельское хозяйство Л. Кагановича.

"... безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список Ваших жертв... Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов".

"Открытое письмо к Сталину"
Ф. Раскольников, бывший посол СССР за рубежом. .

В середине января 1930 года в газете «Красная звезда», в передовой «Ликвидация кулачества как класса», написанной Рютиным, проводилась мысль о расхождении курса вождя по отношению к крестьянству с решениями XV съезда партии. Через два дня, 21 января, в той же газете Сталин опубликовал статью «К вопросу о ликвидации кулачества как класса», в которой, не сумев подступиться к проблеме по существу, обвинил Рютина в допущенных неточностях и отдельных формулировках. Но уже в своей статье «Головокружение от успехов», опубликованной им 2 марта, Сталин сам опирается на основные принципиальные положения, главные мысли записки М. Рютина. Но сам Рютин навсегда с этого времени был уже зачислен в стан врагов народа. Его все более оттесняют от дел. В своем «Манифесте» он вскоре напишет: «На всю страну одет намордник. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, коллективное руководство – системой доверенных лиц. Печать стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс». Это было написано им спустя два года. Но еще двумя годами раньше практически то же самое он, кандидат в члены ЦК, член МК, признанный оратор, которому рукоплескал партактив Москвы, заявил прямо в глаза вождю.

«Новые» методы работы все больше вызывали совершенно обоснованную критику как в среде старых, так и более молодых партийных работников. Сфальсифицированная история выстраивалась как борьба Сталина, верного продолжателя дела

Ленина, с различного рода уклонистами – заговорщиками. В стране «появились» разные группы «заговорщиков», среди которых оказалась теперь и «группа» М. Рютина. Результат не замедлил сказаться. На него было заведено дело. По настоянию Сталина М. Рютин с формулировкой «за дискредитацию партийного руководства» был исключен из партии, а следом был арестован. Однако это был только 1931 год, и инспирирование дела М. Рютина тогда не удалось. Он был оправдан за недоказанностью предъявленного ему обвинения (организация контрреволюционной группы и антисоветская агитация). Ему вернули партбилет. Какие же сделал М. Рютин выводы?

Да, теперь уже об открытых партийных дискуссиях, критике не могло быть и речи. Споры с вождем оборачивались репрессиями. Но в 1932 году он основал «Союз марксистов-ленинцев». В «Обращении ко всем членам партии», названном им «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», на 167 страницах говорилось, что за последние 5 лет Сталин отсек все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии и установил в ВКП(б) свою диктатуру. В «Обращении», в котором «режим» назывался «антинародным», «антипартийным», ставился вопрос о необходимости смещения Сталина с поста Генсека. 14 сентября 1932 года органами ОГПУ М. Рютин и еще ряд товарищей были арестованы.

На первом же допросе Рютин заявил следователю, что к осознанию необходимости противодействовать губительной линии Сталина он пришел после XV съезда партии в 1928 году. Это легло в основу версии о грандиозном заговоре. Платформа М. Рютина сильно встревожила вождя. М. Рютин был исключен из партии. Вождь был разъярен. Впервые он поставил вопрос о смертной казни для члена партии. Но из 10 членов Политбюро ЦК только двое – Молотов и Каганович – поддержали его, а Киров, Орджоникидзе, Косиор, Рудзутак, Куйбышев были категорически против, Ворошилов и Калинин воздержались.

11 октября 1932 года Коллегия ОГПУ осудила членов «союза», вошедшего в историю в связи с «манифестом» и платформой «марксистов-ленинцев», как Рютинский. Сам М. Рютин получил 10 лет тюремного заключения.

Заключение М. Рютин отбывал в Верхнеуральском, затем Суздальском изоляторе.

Уже после XVII съезда партии, несмотря на всю дружественность отношений Кирова со Сталиным, их взгляды стали расходиться. 19 июля 1934 года в «Правде» Киров подверг резкой критике Сталина за политику вымогательства и за злоупотребления по отношению к крестьянству во время хлебозаготовок. Такая политика, по словам Кирова, подрывала не только лишь развитие сельского хозяйства, а в более широком смысле и построение социализма вообще. 1 декабря того же года С. Кирова не стало. Он был убит в Смольном, а следом страну захлестнула кровавая волна массовых репрессий.

Расследование убийства С. Кирова и по сей день остается одной из самых темных страниц в истории советской прокуратуры. Через некоторое время вспомнили и о том, за кого так активно вступился в свое время вполне возможный претендент на власть и кто теперь томился в «Суздальской тюрьме особого назначения». В 1936 году Рютина привезли в Москву и поместили на Лубянку. С ним стали заигрывать, разрешили даже позвонить родным. Стали «готовить» к показательному процессу, где он должен был подтвердить обвинения в терроризме. Однако 4 ноября 1936 года М. Рютин обратился с заявлением в Президиум ВЦИК, которое тотчас же услужливый Ежов сопроводил Сталину. В заявлении указывалось на недопустимые методы следствия, грубейшие нарушения прав человека в условиях тирании и произвола, автор ставил вопрос о своей абсолютной невиновности, требовал положить конец бесчинству и произволу. Ни пытки, ни обещания свободы Рютина не сломили. 10 января 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его уже к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение немедленно.

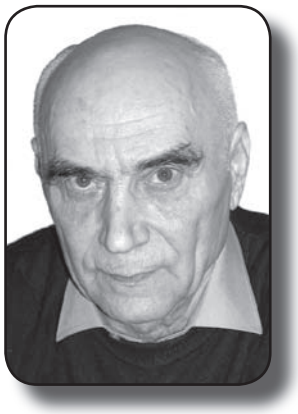
> ***"Ни один самый смелый и гениальный провокатор ... для дискредитации ... социализма, для взрыва его изнутри не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики... Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательства над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб..."***
>
> ***М. Рютин. "Ко всем членам ВКП(б)"***

Репрессирована была и жена Рютина, Евдокия Михайловна. Она погибла в Карлаге в 1947 году. Его старший сын – Василий (инженер КБ), расстрелянный в Лефортовской тюрьме, был женат на дочери старого члена партии А. Владимирского; дочь от этого брака Татьяна, внучка М. Рютина, живет и работает в Москве. Другой сын – Виссарион (тоже авиаинженер) погиб в одном из лагерей в Средней Азии. Выжила только его дочь Любовь, по мужу – Жуковская. Ее дочери Ольга и Юлия, внучки М. Рютина, проживают соответственно одна в Санкт-Петербурге, другая – в Москве. Сама Любовь умерла в Москве в 2000 году. Задолго до смерти она получила исчерпывающие документы о невиновности всех членов их семьи и их полной реабилитации.

Кстати, из 6 лиц, указанных Лениным в своем «Завещании», среди которых значилось и имя Сталина, 5 будут умерщвлены. Из 11 секретарей ЦК 10 убиты. Из круга лиц, выступивших в свое время в защиту М. Рютина, все также погибнут. Тайной до сих пор окутаны смерть Кирова и Орджоникидзе, убийство или самоубийство которого долгие годы скрывалось по указанию вождя.

Рютин не знал и не мог знать всего, что нам известно сегодня, но точность его анализа поражает. Из более чем полувековой дали он говорит с нами так, словно это было писано вчера. М. Рютин атаковал Сталина исключительно с марксистских позиций. В своих работах он опирался на определенную часть ленинского наследия. Однако, думается, он не понял того, что ленинский путь построения социализма, предложенный в статье о «Кооперации», требовал прежде всего демократического политического строя, свободной печати, многопартийности. Но к тому времени уже сложилось тоталитарное государство…

ПРОБЛЕМА



ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ: ВАКХАНАЛИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Шапи ГАСАНОВ, профессор ДГУ

Окаянные революционно-эволюционные 90-е годы беззакония и произвола при распаде советского государства сопровождались не только массовым обнищанием народа и формированием тонкого слоя буржуазии за счет захвата общегосударственной собственности. Произошел радикальный пересмотр топонимики столицы нашей республики (топонимика – это раздел географии, пограничный с историей и лингвистикой о географических названиях).

К настоящему времени переименовано более 50 улиц и проспектов города. Такая масштабная акция одновременных замен названий наряду с их содержанием говорит не о каких-то форс-мажорных обстоятельствах, а о тенденции по вытравлению из сознания людей имен исторических личностей и реальных событий. При этом нередко ссылаются на аналогичные действия властей Москвы. Смешной аргумент. Во-первых, не всегда и не все действия Москвы достойны подражания. Во-вторых, московские власти не переименовывали улицы и проспекты, а восстановили их исторические названия: ул. Горького – Тверская, К. Маркса – Охотный ряд, Ленинские горы – Воробьевы горы и множество других примеров. Не стали же они называть Ленинский проспект именем его политического и идеологического оппонента – Керенского.

Вся эта чехарда с массовым переименованием улиц происходила без надлежащего учета мнения горожан (опрос, референдум и т.п.) и сохранившихся к этому времени общественных организаций. Ставя граждан перед свершившимся фактом, власти аргументировали свои решения либо невнятными идеологическими соображениями по пересмотру истории страны и республики, а чаще обходились без всяких объяснений.

Как не вспомнить предупреждение мудрого Р. Гамзатова о последствиях стрельбы из пистолета в свое прошлое.

Вся эта странная и лихая история с переименованиями улиц прошла в два круга. По первому кругу каждая так называемая титульная нация получила свои улицы, названные в честь их знаменитых предков: Акушинского, Ярагского, Шамиля, А.-Х. Султана и др. Прецедент оказался заразительным, и наше чиновничество пошло по второму кругу: под давлением этно-клановых групп стали переименовывать улицы города в честь известных представителей соответствующих «семей». В результате топонимика города изменилась до неузнаваемости, а новые названия трудно прививаются – достаточно посмотреть на трафареты в маршрутных такси.

Что ж, нет ничего предосудительного в желании увековечить имена людей, внесших большой вклад в историю республики. Но почему объектом этих набегов становится только столица республики, ее улицы? Есть же для этого библиотеки и театры, школы и вузы, больницы, стадионы и другие вполне престижные объекты. И, наконец, почему только в столице? Почему не обратить свой взор на районы и села по месту рождения и жизни соответствующих лиц? В столице и так более 80% улиц имеют именные названия, что противоречит мировой топонимической практике. По мне, так улицы Арбат и Фонтанка, Садовая и Родниковая предпочтительнее, чем именные названия. По крайней мере, это обеспечивает стабильность в названиях и позволит избежать в будущем политических и идеологических противопоставлений.

Особый разговор об идеологическом контексте переименований. Здесь прослеживается вполне очевидная непоследовательность – деление деятелей революции, гражданской войны и строителей коммунизма на хороших и плохих, на наших и чужих. С карты города убрали К. Маркса (а Энгельс?), Кирова (а Орджоникидзе?), Калинина, 26 Бакинских комиссаров (а Борцы за власть Советов?) и других нехороших чужаков, А вот дагестанские деятели революции и гражданской войны (У. Буйнакский, Дахадаев, Казбеков, Коркмасов и др.) – это свои, поэтому их не рискнули трогать. С Кировым получилось совсем не по логике: если уж увековечивать идеологического антипода, то улицу следовало бы назвать именем имама Гоцинского, который стоял по другую сторону фронта гражданской войны.

Не совсем ладно получилось и с переименованием улицы Оскара Лещинского – соратника У. Буйнакского и других революционеров, погибших в гражданской войне. В логике существует такой прием: чтобы понять меру ошибочных решений, дело нужно доводить до абсурда. Попробуем. Уж коли О. Лещинский не достоин названия улицы, то нужно убрать его фигуру из групповой скульптуры по улице Дахадаева, рядом с Республиканским центром культуры. Приходит на память высказывание президента США Т. Рузвельта об одном из латиноамериканских диктаторов: Сомоса, конечно, мерзавец, но это наш мерзавец. Судя по недавней дискуссии в СМИ, были основательные возражения и по увековечиванию памяти Н. Самурского, поскольку ему «повезло»

дожить до красного террора 30-х годов.

Для продолжения идеологической чистки топонимики города есть еще резервы. И среди них самый престижный, лакомый объект – площадь Ленина. Кто теперь на очереди и кто встанет на пьедестал памятника вождю? Дело не в том, оставил ли он след в истории или не оставил. Оставил, конечно! Но какой? Достоин благодарной памяти или не достоин? Давайте решим, подберем на всякий случай имя подходящей по масштабу фигуры. Сделать это по сложившейся практике будет несложно – достаточно принять соответствующее постановление законодательного собрания, в котором, кстати, в основном воспитанники ленинского комсомола и коммунистической партии. Но достичь консенсуса в оценке личности Ульянова-Ленина современникам – трудно. Сомнения в оценке деяний революционеров и героев гражданской войны (хотя в братоубийственной войне «героев» быть не может) еще долго будут владеть нашими умами и эмоциями.

Здесь уместно вспомнить высказывание немецкого канцлера О. фон Бисмарка, который вывел следующую формулу: революции планируют романтики, совершают их фанатики, а результатами их пользуются негодяи. Все свершившиеся революции подтверждают эту истину, начиная от Великой французской и Великой октябрьской и кончая нашей буржуазно-демократической 91-го года и последующими «цветными» революциями. Следует, кстати, заметить, что великой была Отечественная война, а революции не могут быть великими, поскольку известно, чем они завершаются: среди победителей начинаются разборки по дележу власти и чужой собственности, и страданиями народа. Вспомним: лидеры французской революции решали противоречия с помощью гильотины, а в октябрьской революции – с помощью расстрельной 58-й статьи УК. Да и среди победителей «цветных» революций не все ладно.

Совсем некрасиво вышло с Гоголем и Чернышевским. Теперь что же? На очереди Пушкин, Лермонтов, Толстой?.. Будем вытравлять из сознания людей великие имена отечественной и мировой культуры?

Надеюсь, у читателя не возникает сакраментальный в подобных случаях вопрос: а что, мол, автор имеет против такого-то имярек? Да ничего не имею. Видимо, все они достойны увековечивания в той или иной форме. Речь совершенно о другом: уважаем мы свою историческую память или будем ее непрерывно пересматривать и переоценивать на потребу идеологическим метаниям и текущим обстоятельствам; способны ли к исторической толерантности или будем вести бесконечные классовые бои; будем формировать гражданское общество или останемся навечно в плену психологии и поведения безгласных подданных. К слову: переименования в нашей стране начались, собственно, не в 90-е годы. Беспардонно перекраивать историческую память в России, и в Дагестане в частности, стали после 17-го года. А между прочим, та история насчитывала века, а не какие-то несколько десятилетий.

В обществе с развитой демократией и традициями гражданского контроля над властью ничего подобного невозможно. Достоин подражания пример англичан. Как известно, чуть ли не на одной площади Лондона стоят памятники О. Кромвелю и казненному им же королю Карлу I. Или другой пример: в США установлены памятники генералам Роберту Ли и Улиссу Гранту, возглавлявшим противостоящие армии Севера и Юга во время гражданской войны. Никого это не шокирует, и общество не раскалывается. (Правда, у них жизненные устои народа не перевораивались с ног на голову, как у нас). Подобная терпимость к исторической правде объединяет нацию на условиях общественного примирения. Можете ли вы представить себе памятник Н. Гоцинскому или Бичерахову где-нибудь поблизости от памятника Кирову? В наших головах по-прежнему бурлят страсти классовых боев. Разумеется, я не предлагаю установить памятники названным лицам. Этим лишь напоминаю высказанную выше логику абсурда.

У читателя может возникнуть естественный вопрос: а как же закон? Да, действительно, есть законы РФ и РД «О географических названиях». Но закон написан в таких обтекаемых и непроцедурных формулировках, что позволяет творить любой произвол с топонимикой. Проект закона РД о географических названиях поступал ко мне на экспертизу, и я вносил несколько не принятых позже предложений по поводу процедур переименования географических объектов. Надеюсь, что наши избранники вернутся к рассмотрению этой проблемы повторно. Вот некоторые из этих предложений.

Вопрос об увековечении памяти известного лица в географическом названии рассматривать следует не ранее 25 лет после его кончины (очевидную для современников и потомков кандидатуру Р. Гамзатова я вывожу за рамки данного ценза). Такая юридическая норма существует во многих странах.

Было внесено и более радикальное предложение: ввести в закон норму запрета на присвоение именных названий, имеющих почтовые адреса (поселения, улицы, площади). Каждое поселение имеет своих героев и кумиров, свои оценки событий и личностей. И такая юридическая норма могла бы предотвратить в будущем периодические «зачистки» топонимики поселений. Вероятность такой ревизии велика, поскольку по сложившейся тенденции в ближайшие годы все улицы и площади Махачкалы будут иметь именные названия.

Надо так же субординировать порядок принятия решений по наименованию или переименованию географических объектов по их культурно-исторической значимости. По малозначимым объектам решения могут принимать законодательные собрания. По более общественно значимым объектам решения должны приниматься на основе опроса граждан или референдума. В некоторых обстоятельствах может быть проведен и республиканский референдум, закон о референдуме это предусматривает. Подобные процедурные вопросы конкретизируются обычно в соответствующем постановлении правительства по реализации закона. К решению их может подключиться и формирующаяся общественная палата как элемент проектируемого гражданского общества.

И последнее. Дурная традиция расставлять по городам и весям языческие тотемы для ритуального поклонения и присваивать поселениям и улицам имена «выдающихся деятелей партии и правительства» сложилась у нас в 20–30-х годах прошлого столетия. И, несмотря на болтовню о демократии и гражданском обществе, традиция эта продолжается. Но только кумиры теперь другие, и на стенах высоких кабинетов висят другие портреты. К исторической памяти желательно относиться со всей ответственностью перед потомками. Мы же им оставляем практику правового нигилизма и небрежения гражданскими правами.

Не качнется ли в будущем маятник идеологии куда-нибудь еще и не возьмутся ли наши потомки с таким же энтузиазмом пересматривать ныне принятые решения? Не выстрелит ли в нас из будущего та самая пушка, о чем предупреждал Поэт?

Философы, ссылаясь на кого-то из мыслителей, любят повторять: «Заговори, и я тебя увижу». Корреспондент нашего журнала попыталась через слово «увидеть» заслуженного деятеля науки РД, доктора философских наук профессора Мустафу Исаевича Билалова. Задачи припереть собеседника к стенке не было, иначе можно было бы воспользоваться приемом из шукшинского рассказа «Срезал». Там стихийный деревенский философ «уделал» заезжего лектора вопросом «А что вы можете сказать о проблемах шаманизма в районах Крайнего Севера?». Не исключено, что у Билалова и на этот вопрос нашелся бы достойный ответ. Но время на дворе иное и философия востребована другая.

Ñ ÔÈËÎÑÎÔÑÊÈÌ ÊÀÌÍÅÌ ÇÀ ÏÀÇÓÕÎÉ

– Мне довелось присутствовать на одной встрече философов с так называемым простым народом. И один из ораторов на вопрос «В чем основной вопрос философии?» дал изумительный ответ – «Он есть!» А Вы что скажете? Каков он, этот вопрос?

– Философия рассматривает проблемы материального бытия, духовного бытия и их взаимоотношений. Если упростить, в центре ее внимания вопрос о том, что первично – бытие или сознание. Во всяком случае, именно такая формулировка имела место быть в советских вузах. Но сегодня мы формулируем вопрос не так однозначно. Мы говорим: философия – это отношение человека к миру, имея в виду человека как носителя духовного, а мир как некую объективную данность. То есть в философии сталкиваются лбами субъективное и объективное. Что же касается краткого объяснения круга проблем, то я бы сказал так: философия занимается вечным, бесконечным, универсальным, непреходящим.

– Тогда получается, что в наш прагматичный век философия выселяется на совершенные задворки. Какое вечное? Этим можно заниматься под теплым солнцем Эллады или, как Кант, в уютном 19-м веке.

– Конечно, динамизм вытесняет статическое. И люди не имеют возможности, да и времени подумать о чем-то неутилитарном. Им нужна сиюминутная выгода, немедленный результат или, на худой конец, рекомендации, как его получить. Но это вовсе не означает, что Вечное не присутствует в короткой человеческой жизни или не значимо для него. Другое дело, что все труднее это зафиксировать. Классические философы писали огромные трактаты, тратя на это порою всю жизнь, а сколько людей сейчас способны хотя бы прочесть то, что они писали? Даже аспиранты специальных философских дисциплин не слишком себя утруждают чтением «заумных» книг.

– Так может не стоит так уж цепляться за архаичное, невостребованное? Ведь выходит, что

кулинарные или парикмахерские курсы, информатика или бухучет, даже строевая подготовка куда нужнее современному молодому человеку.

– Я думаю, это не просто уходящее, это не просто факт культуры, который сам по себе уникально интересен. Это фундаментальная человеческая проблема, то есть она незыблема, она будет всегда. Следовательно, всегда будут и люди, которые ею занимаются. Хотя изменение форм, динамика самой философии сегодня не в пользу классики. Постмодернизм проник во все сферы творческой деятельности человека. И философия, разумеется, не осталась в стороне.

– Итак, философия условно подразделяется на классическую и постмодернистскую?

– Не совсем так. Чтобы было понятнее, скажу: классическая философия – это период от Платона до Гегеля и Фейербаха. Дальше идет неклассическая – Шопенгауэр, Ницше, Фрейд. И постмодернистская – Делёз, Деррида. Вижу, у вас на языке вертится вопрос: в чем же разница между ними? Если классическая философия вращала весь свой категориальный аппарат вокруг отношений объективного, природного и духовного, идеального (Декарт говорил, что основная задача науки – это элиминация, то есть изъятие из знания субъективного во имя фиксации в нем объективного), то позже основное внимание философов сконцентрировалось на бытии человека. На смену «миру идей» Платона и «мировому разуму» Гегеля пришли «воля» Шопенгауэра, «бессознательное» Фрейда и «чувственное» Барта. И основным вопросом стало не бытие вообще, связанное с бытием вселенной, а Человеческое. То есть философия приобрела телесность. Произошел антропологический поворот. А толчок к такому повороту был дан в XX веке немецким мыслителем, основоположником экзистенциализма Хайдеггером. Философская мысль, кстати, всегда шла на шаг впереди литературы и тот же хайдеггеровский экзистенциализм, подхваченный писателями, дал миру Альбера Камю и Жана-Поля Сартра. То же самое с постмодернизмом, который пока еще можно назвать лидирующим направлением в литературе и искусстве. Говорят, что постмодернизм – это тупик, что он раскатал все по бревнышку, установил зеркала таким образом, что они бесконечно отображают сами себя. Но так будет лишь до тех пор, пока не произойдет смысловое сгущение этой культуры в новом философском направлении, не произойдет новый толчок мирового духа. Так что, как видите, философия не такая умозрительная и абстрактная наука, как многим может показаться. Она просто не мелочится, и поэтому не фиксируется заурядным умом и конъюнктурным взглядом.

– И все-таки, выходит, что за три тысячи лет своего существования философия не только не дала никакого внятного ответа, но даже толком не определила сам вопрос. Вы, уважаемый Мустафа Исаевич, что-то меня уже совсем запутали.

– Конечно запутал! Думаете, может называться философом тот, кто на простой вопрос дает такой же простой ответ? Упрощение – это не вектор философствования.

– Ладно. Принимаю. Давайте тогда вот о чем. Если философия только пытается определить, что есть Человек и в чем его предназначение, то у религии ответы наготове. Есть ли антагонизм между философией и религией?

– Я считаю, что они антиподы. Конечно, если человек с помощью понятийного аппарата религии пытается определить сложные вещи – это очень хорошо. Но как ни крути – это все-таки обыденная философия. И в наш век возвращаться на ее уровень вряд ли стоит. Причем, не будем забывать – и Библия, и Коран написаны сообразно уровню восприятия тогдашнего обывателя, то есть они должны были быть доступны пониманию человека простого, часто малограмотного, не склонного к размышлениям. Упрощенно говоря, религия – это кодекс поведения с обещанием вечного блаженства за хорошую оценку. Потому она и предлагает однозначный догматический вариант решения вечных вопросов. Философия же дает огромный выбор человеку. Хочешь – рассматривай их, как Гегель, хочешь, как Кьеркегор. Да и вообще, у вечных вопросов по определению не может быть ответов. На то они и вечные. Так что мне решительно непонятны люди, мнящие себя философами и, тем не менее, берущиеся утверждать, что истина в Коране. Но с другой стороны, люди, нашедшие себя в религии, наверное, намного счастливее философов. Вот я, например, чем больше узнаю, тем менее уверенно себя чувствую. Помню, когда на втором курсе математического факультета я, сельский парень из Бабаюрта, впервые услышав о Гегеле, сразу понял: это мое. Через пару лет мне казалось, что до полного, так сказать, знания остались какие-то крохи, но с каждым годом, с каждой прочитанной книгой расширялись представления о мире и, как следствие, образовывалось все больше и больше белых пятен. Теперь, говоря поэтически, область моего невежества – почти безгранична.

– То есть конечным пунктом всякого философского путешествия является сократовское «Я знаю только то, что ничего не знаю»?

– Совершенно верно! И меня бесконечно удивляют некоторые мои коллеги, которые, читая лекции, утверждают что-либо как незыблемую, абсолютную истину, тем самым отвращая студентов от самого духа философии. Философия – рассуждения, размышления и тому подобные движения мятущегося духа, его поиск, в конце концов, расположение вопросов согласно иерархии, но никак не консервация мысли в какой-то одной разгадке.

– Раз уж зашла речь о философских путешествиях, то будет уместно вспомнить знаменитый «Философский пароход», когда победившая Советская власть загрузила самых крупных мыслителей России на судно и выдворила за пределы страны.

– При всей своей дикости, это было совершенно естественным и закономерным шагом. Свободная мысль в Советской России, как и в любом авторитарном государстве, была абсолютно не нужна. Вот именно в память о том пароходе, в 2003-м году мы и организовали акцию под тем же названием – «Философский пароход». Только это было уже не выдворение, а возвращение что ли, хотя конечной целью путешествия, как и 80 лет назад, был Стамбул. Там проходил XXI Всемирный философский конгресс, и я входил в состав российской делегации. Но это не единственный наш выход «во вселенскую философию». В августе 2005-го состоялась акция «Философский поход в греки», но она носила характер скорее дружеского визита. 30 российских философов получили возможность познакомиться с греческими, румынскими, болгарскими философами, обсудить насущные для нас всех вопросы. И знаете что? В России, хоть она сейчас переживает далеко не лучшие времена, отношение к философии более уважительное. В Греции эту дисциплину преподают только студентам гуманитарных вузов. Будто бы решили: мы

дали миру Сократа, Платона и Аристотеля, так что теперь можно расслабиться. А в нашей стране вот уже 10 лет формируются традиции всероссийских философских конгрессов. Они проходили в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове, вот в этом году – в Москве. Дагестанцы принимали участие во всех, на конгресс в Ростове я привез уже 10 членов возобновившего свою деятельность по моей инициативе Дагестанского отделения Российского философского общества. В это отделение, кстати, входят и Магомед Алиев, Низами Казиев и другие известные политики. Входил и министр Загир Арухов.

– А у Махачкалы есть шанс выступить в качестве принимающей стороны вслед за Питером, Ростовом и Новосибирском?

– Вообще-то мысль такая есть. Но в обозримом будущем вряд ли Дагестан станет Меккой для философского сообщества России. Одно из основных условий при выборе города для проведения конгресса – это наличие философского факультета. У нас такого факультета пока нет.

– Часто приходится слышать «дагестанцы – мудрый народ». Уместно ли такое по-детски самодовольное высказывание? Ведь будь мы, скажем, жителями Буркина-Фасо, непременно говорили бы то же самое и с той же убежденностью. Так вот. «Философия» в переводе с греческого означает «любовь к мудрости». Скажите, эта любовь, она для дагестанцев взаимная? Грубо говоря, есть ли философия в нашем крае?

– Соглашусь в вами. Претензии на какую-то исключительную национальную мудрость довольно нелепы. Откровенно говоря, в этой области нам гордиться нечем. Философия, как я уже говорил, предполагает свободу мысли, а в Дагестане всегда господствовала авторитарность: «отец сказал», «мулла сказал», «джамаат решил». Поощрялось послушание и порицалось свободомыслие, своеволие, индивидуализм. Менталитет мусульманских народов вообще имеет свою специфику, отличающую их ото всех других. Их слово обращено не к рассудку, а к чувствам, они боятся «потерять лицо», что исключает самокритику и терпимость к критике со стороны. Да и общинный тип мышления, необходимый для выживания малочисленных горских народов, просто никак не мог создать нужной среды для возникновения философской мысли. К тому же дагестанские языки никогда не были языками науки. В них отсутствуют слова, обозначающие абстрактные категории, следовательно не было и самих категорий. Есть и другое мнение. Некоторые наши исследователи считают, что поскольку языком просвещенных людей Дагестана был в свое время арабский, то можно говорить о самостоятельном развитии науки вообще и философии в частности. В этой связи хотелось бы напомнить, что написанные по-арабски книги зачастую были переводами или компиляцией из книг персидских, сирийцев, иудейских и греческих авторов.

Но мне не хотелось бы развивать эту тему. В качестве председателя Дагестанского отделения Российского философского общества, я склонен скорее примирять и объединять все культуры, эпохи, взгляды, кафедры, направления... Тем более, не так уж богаты мы достижениями в этой области, чтобы просеивать то немногое, что есть, через мелкое сито. В Дагестане по большей части внимание традиционно уделяется таким областям, как национальные отношения, культурология, философия религий. То есть к философии в ее классическом понимании все это имеет очень отдаленное отношение. Но зато «удобно». Ведь разработка подобных тем позволяет удовлетворить амбиции многих наших ученых и одновременно освобождает от необходимости штудировать того же Платона или Гегеля. Я в некотором роде – белая ворона. Когда я вернулся из аспирантуры, то услышал: «Как тебе могли утвердить эту тему?».

– А что за тема, простите?

– «Проблема определения категории «истины»».

– Страшная дерзость с Вашей стороны, тем более в советские времена. Вы что не знали, что «истину» тогда определял наш самый советский и самый гуманный суд в мире?

– Как-то не вспомнил. Но выслушал в свой адрес достаточно. Ссылаясь на материалы последнего съезда, мне заявили, что схоластическое теоретизирование, не имеющее никакого практического применения, – явление безусловно вредное, что с ним будут бескомпромиссно бороться. Обошлось как-то. Но такое отношение, сам дух его, до сих пор в Дагестане доминируют. У нас никогда на уровне философских дискурсов проблемы собственно философские не обсуждаются. Никаких философски значимых, хотя бы в масштабах Юга России, трудов не написано. В лучшем случае – работы, касающиеся, как я уже говорил, проблем религии, национальных отношений. Основная масса, где-то 95% философов, и сегодня прорабатывает проблематику локально-регионального плана. Хотя ситуация мало-помалу начинает меняться. Симптоматично в этом плане создание в 2005-м году на базе ДГУ отделения философии, которое позволит нам начать осваивать традиционную философскую проблематику. И, по моим подсчетам, где-то лет через пять-шесть можно рассчитывать на то, что хоть некоторые из наших студентов ею заинтересуются. А пока все встанет более или менее на ноги, пройдет еще лет 20-30.

– Складывается впечатление, что философия в Дагестане еще не родилась. Но хоть зачатие-то произошло?

– Думаю, да. Произошло.

Беседовала Светлана АНОХИНА

ГОРА ЯЗЫКОВ. БЕСПИСЬМЕННЫХ

Керим КЕРИМОВ, профессор ДГУ

Дагестан называют «горой языков». А из каких языков складывается эта «гора»? Большинство имеет об этом весьма приблизительное представление, особенно о языках бесписьменных. Поэтому напомню, о каких языках идет речь.

Понятие «дагестанские языки» охватывает языки не всех народов нашей республики. Например, кумыки и таты – народы Дагестана, но кумыкский язык относится к тюркской семье языков, а татский – к иранской ветви индо-европейской семьи. Остальные языки – это ветвь северно-кавказской языковой семьи, в которую входят также наиболее близкие к ним нахские (чеченские) и абхазско-адыгские. По традиционной классификации в одну семью объединяются абхазско-адыгские, нахско-дагестанские и картвельские (Картли – название Восточной Грузии). Поэтому эта семья языков получила название не кавказской или северно-кавказской, а иберийско-кавказской (Иберия или Иверия – античное название Грузии). Но даже в те годы, когда строилось генеалогическое древо иберийско-кавказских языков, были лингвисты, сомневавшиеся в обоснованности объединения северно-кавказских и картвельских языков в одну семью. По более современным представлениям северно-кавказские языки (дагестанские, нахские и абхазско-адыгские) входят в сино-кавказскую макросемью (макросемья – группа нескольких родственных языковых семей) вместе с китайскими, енисейскими, тибетскими и другими языками, а картвельские языки (и тюркские, в том числе) относятся уже к другой макросемье.

Большая часть северно-кавказских языков – это дагестанские языки. Назову их все по классификации видного ученого С. А. Старостина.

Аваро-андо-цезские (или аваро-андийские, или аварский и андийские языки): андийский, ахвахский, годоберинский, багвалинский, тиндинский, ботлихский, чамалинский, каратинский, цезский гинухский, хваршинский, инхокваринский, гунзибский, бежтин-ский; лезгинские: арчинский, удинский (агванский), лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, крызский, будухский. Ну и – лакский, даргинский, хиналугский.

Кумыкский и татский, как было сказано, относятся к другим языковым семьям.

Этот перечень несколько отличается от традиционной классификации, принятой Институтом языкознания АН СССР в 1967 году. С.А. Старостин приводит 27 языков, а не 26. Он выделяет как самостоятельный инхокваринский язык, который прежде рассматривался как диалект хваршинского языка. Вообще, вопрос о том, как сильно должны различаться между собой родственные языки, чтобы считаться разными языками, а не диалектами одного языка, остается очень неопределенным. Взять, к примеру, русский и белорусский языки: это разные языки, хотя русский и белорус без труда могут друг друга понимать. А вот кубачинский язык считается диалектом даргинского, хотя носители литературного даргинского языка, по их же признанию, почти не понимают речи кубачинцев. Встречаются и другие расхождения в классификации и в названиях дагестанских языков и диалектов.

Итак, 27 (или 26) языков дагестанской ветви северно-кавказской семьи языков входят в сино-кавказскую макросемью. Из них только 8 языков имеют сейчас письменность: это аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский, а также недавно получившие письменность агульский, рутульский и цахурский языки. О кумыкском, татском и русском, на которых говорят народы Дагестана, я, естественно, не говорю. Остальные 19 языков – бесписьменные; отсутствие письменности означает, что эти языки используются только в быту, в семейном общении. Языками школы, средств массовой информации, делопроизводства для их носителей даже в своих аулах служат неродные языки. К примеру, для андийцев и цезов – это аварский и русский языки, а для лезгинской группы – азербайджанский.

Число носителей дагестанских бесписьменных языков по данным переписей колеблется от нескольких человек до двух-трех десятков тысяч. По последней переписи 2002 года багвалинцев, годоберинцев по 100 человек, а удин в 1926 году «насчитали» только 2 человека (в 2002-ом году в России их оказалось уже 4 тысячи). Интересно, что перепись 2002 года отдельно фиксирует кубачинцев – всего 100 человек. Но дело в том, что они идентифицируются как даргинцы. Больше всех из бесписьменных народов по переписи 2002 года андийцев – 22 тысячи человек, цезов – 15 тысяч. Следует заметить, что после переписи 1926 года число носителей бесписьменных языков не фиксировалось, а данные переписи 2002 года тоже трудно признать верными. Самые достоверные, на мой взгляд, данные содержатся в грамматических очерках по языкам. Они написаны лингвистами, которые проводили в этих

аулах много времени и не только исследовали язык, но еще и добросовестно устанавливали число его носителей по данным сельсоветов.

Судьба бесписьменных языков начинает обсуждаться, как правило, накануне очередной переписи населения: тогда вдруг все вспоминают об угрозе их исчезновения. Публикации на эту тему обычно очень эмоциональны и призывают защитить, сохранить исчезающие языки. Это понятно. Утрата любого языка, даже самого малочисленного – это потеря данных, ценных для сравнительно-исторического языкознания и, следовательно, для истории наших народов. Но самое главное заключается в том, что исчезновение любого языка – это еще и утрата части человеческого интеллектуального, духовного опыта.

Когда об этом говорят лингвисты, то чаще имеют в виду культурно-историческую информацию, аккумулированную каждым языком. Взять хотя бы слово **заяц**. В русской языковой картине мира оно символизирует трусость, а вот в лаосской – храбрость, «крутизну». Это так называемые лингвокультурологические особенности языков. Современная лингвистика перешла к изучению, условно говоря, формул мышления, закрепленных в структурах разных языков. Утратив любой язык, человечество теряет и соответствующий способ мышления, закрепленную в этом языке картину мира. Это такие ценности, польза которых не поддается эмпирическому наблюдению: их невозможно измерить, взвесить. Но они самим своим существованием формируют культурный облик человека.

На снимке (слева направо): лингвисты Б.Б. Талибов, М.Е. Алексеев и автор статьи перед очередной экспедицией в 1976 году.

Кроме того, каждый язык – это и часть человеческого языка вообще. Исчезновение какого-либо из них означает и потерю соответствующего звена в системе языков мира. В свете гипотезы о происхождении всех языков мира из общего праязыка важно иметь информацию о всех звеньях этой системы. Положим, этот единый для всех народов мира праязык был языком Адама и Евы или же языком первобытного человека, от которого пошли все народы. Так что углубление в историю языков в направлении того самого праязыка возможно только через изучение языков-потомков. Чем больше их известно лингвистам, тем точнее результаты сравнительно-исторического их изучения.

Но не все языки-потомки «живут» одинаково комфортно, особенно бесписьменные. Полнокровное существование языка предполагает его функционирование во всех сферах жизни человека. Чтобы знание его было насущной потребностью, а не только частью этнического менталитета. Когда же нет практической потребности в языке, то у него больше шансов стать мертвым. Показательный случай: немецкий лингвист Мартин Хаспельмат написал грамматику лезгинского языка, но опубликовал ее в Германии на английском языке. Объяснил он это тем, что на немецком его труд мало кто будет читать. Что же говорить о наших бесписьменных языках, если даже немецкий язык может иногда оказаться нефункциональным!

На планете около 6-ти тысяч языков и диалектов. Лишь очень небольшая часть из них используется во всех сферах человеческой деятельности или же постепенно расширяет свои функции. Жизненное пространство многих языков, и не только бесписьменных, в той или иной мере сужается. Но возможности продлить жизнь языка или даже улучшить его состояние, конечно же, имеются. Были бы у общества и, прежде всего, у самих носителей языка желание и потребность в этом. Например, агульский, рутульский и цахурский языки лезгинской группы тоже были до недавнего времени бесписьменными. Сейчас на них ведется обучение в школах, готовятся специалисты в вузах республики. А все потому, что носители агульского, рутульского и цахурского языков уже давно считаются самостоятельными этносами, что выработало у них этническое самосознание и желание сохранить свои языки. Ситуация с другими бесписьменными языками не имеет такой тенденции. Следовательно, чтобы думать о сохранении языка путем его превращения из бытового в язык школы, печати, искусства и других сфер жизни, надо, для начала, констатировать факт существования этноса – носителя этого языка. Но даже подобное развитие ситуации не гарантирует сохранения языков: это видно из того, что все хуже знают родной язык и носители наших письменных языков. Процессы урбанизации, глобализации и т.п., конечно же, ведут к утрате языков малочисленных народов. Носители бесписьменных языков уходят из мест компактного проживания, растворяются среди других народов, то есть исчезает даже та минимальная среда, в которой язык продолжал бы функционировать. А когда у языка нет еще и письменности, то он может не просто стать мертвым языком, а уйти бесследно. Поэтому лингвисты торопятся описать бесписьменные языки, составить их словари и грамматики.

Масштабно была поставлена эта работа в советское время. В Институте истории, языка и литературы имени Г. Цадасы с 1969 года работал сектор бесписьменных языков: его сотрудники выполняли программу по составлению дагестанско-русских словарей по бесписьменным языкам. Летний период каждого года они проводили в экспедициях к носителям языков, живущим, как правило, в самых высокогорных аулах. Материал собирался в очень нелегких полевых условиях. Знаю это по собственному опыту, так как, будучи еще студентом, участвовал в экспедициях для составления «Будухско-русского словаря».

Много сил отдали этой работе У.А. Мейланова, руководившая сектором бесписьменных языков, а также П.Т. Магомедова (словари чамалинского, каратинского, тиндинского, багвалинского, ахвахского языков), М.Ш. Халилов (словари бежтинского, цезского, гунзибского, гинухского языков), Ф.А. Ганиева (словарь хиналугского языка) и другие лингвисты. Были охвачены все бесписьменные языки, кроме крызского и андийского: для них в то время не нашлось специалистов. Словари составлялись, обсуждались,

редактировались. Первым в этой серии в 1984 году вышел «Будухско-русский» словарь У.А. Мейлановой. В последующем словари издавались благодаря грантам РГНФ (2 словаря), спонсорской помощи учёных Голландии (2), Института эволюционной антропологии имени Макса Планка в Лейпциге (4!).

Интерес в Европе к дагестанским языкам, особенно к бесписьменным, велик. И вот почему. Современное типологическое и сравнительно-историческое языкознание проявляют особый интерес именно к данным малоизученных «экзотических» языков. Прежде типология искала преимущественно структурные сходства между языками и строила на основе таких сходств типологические ряды, то есть выделяла типы языков. У современной типологии несколько иные приоритеты. Она ищет причины и формы языкового многообразия. На сайте одной из московских типологических школ можно прочитать, что типология – это наука о малых и редких языках. Как раз такими и являются дагестанские бесписьменные языки. Директор департамента лингвистики лейпцигского Института имени Макса Планка доктор Бернард Комри, благодаря которому выходят в свет словари наших бесписьменных языков, – известный в мире лингвист-типолог. Его доклад «Кавказские языки и лингвистическая типология» на коллоквиуме европейского общества кавказоведов 2000 года строился на данных цезских языков. Когда он выступал с этим докладом, лекционный зал Мюнхенского университета был буквально забит. Готовясь к этому докладу, Бернард Комри специально прилетал в Махачкалу и ездил к цезам, чтобы проверить обнаруженную в цезском материале редкую грамматическую форму.

Грамматические явления дагестанских бесписьменных языков очень точно интерпретируют московские лингвисты. Несколько раз московская и дагестанская экспедиции оказывались в ареале шахдагских языков, расположенных у горы Шах-даг селений. Это одноаульные хиналугский, будухский и крызский языки. Результаты – просто великолепные: в написанных «Фрагментах грамматики хиналугского языка» верно выявлены практически все грамматические формы. Еще более основательной получилась у москвичей совместно с арчинским лингвистом Д.С. Самедовым трехтомная работа «Опыт структурного описания арчинского языка». К сожалению, не по всем бесписьменным языкам имеются такие качественные исследования.

Все андо-цезские языки родом из Дагестана. Но несколько аулов ахвахцев имеется в Закатальском районе Азербайджана, а в Кварельском районе Грузии живут гунзибцы, хотя и не отдельными аулами. Все бесписьменные языки лезгинской группы также находятся за пределами республики. Многие дагестанцы даже не знают о существовании этих языков, поэтому о них стоит рассказать подробнее.

На территории Дагестана живет арчинский (или арчибский) язык. По переписи 2002 года арчинцев всего 100 человек, но в лингвистической литературе говорится, что их около тысячи. Генетическая близость арчинского языка с лезгинским сомнений не вызывает и подтверждена специальными научными исследованиями. Язык этот считается одноаульным, так как несколько хуторов, в которых арчинцы живут, носят общее название Арчиб. Сами арчинцы называют себя и свой аул Арша. Территориально арчинский язык не соприкасается с другими лезгинскими языками. Он живет между аварским и лакским языками, поэтому арчинцы знают и тот, и другой. Некоторые аварцы считают их лакцами. Административно арчинцы относятся к Чародинскому району, в школе обучаются на аварском языке и причисляют себя к аварцам.

Остальные четыре бесписьменных языка лезгинской группы находятся в Азербайджане, что создает некоторый психологический эффект: мол, удины, хиналугцы, крызцы, будухцы – это что-то незнакомое, далекое для большинства дагестанцев. Так сложилось в результате длительного отграничения от Дагестана – в начале административными границами в царской России и Советском Союзе, а теперь еще и государственной границей. На самом же деле это народы, живущие вместе с лезгинами, цахурцами, рутульцами на склонах одних и тех же гор. Они связаны между собой пешими и конными тропами и дорогами для гужевого транспорта.

Самый «загадочный» из этих языков – хиналугский. Хиналугцев всего около двух тысяч человек, в их ауле всего 300 хозяйств. В 80-е годы ушедшего века хиналугский совхоз был самым крупным животноводческим хозяйством в Азербайджане: Хиналуг производил впечатление традиционного дагестанского аула. Загадочным хиналугский язык является в силу своего чрезвычайного своеобразия. Название Хиналуг – тюркского происхождения. Это самый удаленный от Кубы и Кусаров и самый труднодоступный аул. По прямой к нему ближе всего Куруш. Тропы из Куруша, огибающие вершину Шах-дага с южной стороны, спускаются к Хиналугу сверху. В отличие от будухского и крызского, хиналугский язык производит впечатление большей устойчивости. Есть у хиналугцев и свой поэт, пишущий на родном языке: это Рагим Алхас. Его стихи публиковались в переводе на азербайджанский, узбекский языки, а на хиналугском они выходили только в лингвистической литературе.

Хиналугский язык отстоит от лезгинского дальше всех остальных языков лезгинской группы. Если о крызском и будухском языках можно сказать, что они похожи на лезгинский примерно настолько же, насколько табасаранский или агульский, то о хиналугском этого не скажешь. По моим наблюдениям, основные корни слов у хиналугского языка общие с лезгинскими и другими дагестанскими языками. Поэтому материал хиналугского языка важен для установления внешних генетических связей дагестанских языков. К счастью, по хиналугскому языку уже имеются хорошие грамматические исследования, а в 2002 году вышел и «Хиналугско-русский словарь» – плод многолетнего труда Ф.А. Ганиевой. Хуже исследованы будухский и, особенно, крызский языки. По будухскому языку уже имеется словарь У.А. Мейлановой, но нет грамматического описания. А по крызскому нет ни того, ни другого.

Дальше Хиналуга, в направлении от Дагестана в сторону Баку, находится Крыз. На крызском языке говорят также соседние аулы Алык, Джек, Хапутль, Ергюдж. По сути это разросшиеся выселки Крыза. По данным Ш.М. Садиева, автора грамматического очерка об этом языке, крызцев около 6 тысяч. Иногда их называют «джекцами» – по аулу Джек. Все крызские аулы расположены на той же стороне глубокого ущелья, что и Хиналуг. У Будуха горы разрезает река Карачай, несущаяся в сторону Каспия, а над Крызом нависает стена белых скал. Дорога на Хиналуг проходит по верху этой стены. Вокруг аула тоже разбросаны громадные, иногда с дом, белые валуны. По их цвету аул и получил свое название.

Крызский и будухский языки похожи друг на

друга, хотя территориально теснее соприкасаются крызский и хиналугский. Вместе крызский и будухский языки отличаются от хиналугского настолько же, насколько и другие лезгинские языки. Шахдагские языки, таким образом, – понятие, скорее, географическое.

Носителей будухского языка в годы, когда шла работа над «Будухско-руссским словарем», насчитывалось около 3-х тысяч человек. В самом Будухе в те годы оставалось около 80-ти хозяйств. Будухцы больше, чем другие шахдагцы, склонны к переселению. Аул производил впечатление быстро пустеющего, разваливающегося. Такое же впечатление произвел на меня в те годы и язык будухцев. Причина этого мне виделась в отсутствии стабильной языковой среды, которая обеспечивала бы единообразие употребления тех или иных его форм.

Аул Будух примечателен тем, что через него проходила знаменитая «Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты» – так называется рассказ А.А. Бестужева-Марлинского. Эта дорога, великолепие природы в окрестностях Шах-дага оказали на писателя-декабриста столь сильное впечатление, что вызвали у него слезы восторга. Он рассказывает об этой дороге и в повести «Мулла-Нур»: в ней герой-рассказчик, направляясь в Шемаху из Дербента, у Кубы поворачивает к горам. Далее он должен преодолеть Тенгинское ущелье, из которого бурным потоком выходит река Тенга. Из этого потока тонущего рассказчика и спасает известный лезгинский разбойник Мулла-Нур. Читая в детстве повесть, я не мог понять, где находятся река Тенга и Тенгинское ущелье. На современных картах таких нет. Лишь много позже, будучи в экспедиции, я узнал, что каньон, в который уходит река Карачай около Будуха, называется Танга. Я сравнил описание А.А. Бестужева-Марлинского с окрестностями Будуха – все совпадало. На меня эти места оказали не менее сильное впечатление, чем на ссыльного писателя.

В наши дни особого внимания из всех бесписьменных языков Дагестана заслуживает, на мой взгляд, удинский язык. Он распространен в селах Огуз и Нидж в Азербайджане и в селе Октомбери в Грузии. Имеет два диалекта. По данным лингвистов, описывавших удинский язык в 60-е годы XX века, удин в Азербайджане было 3700. А по переписи 2002 года только в России их оказалось 4000. Дело в том, что удин в одно время записывали в армяне, чему способствовало сходство их религии с армянской. К фамилиям удин добавляли армянские окончания, и «Кечаари», например, мог превратиться в «Кочаряна». Поэтому во время армяно-азербайджанской войны удины отождествлялись с армянами, и многие из них вынуждены были уехать из Азербайджана. В XIX веке удины в Азербайджане жили компактно в селах Нидж, Варташен, Мирзабейли, Варданлы, Баян, Султан-Нуха, Бум, Мухлугувак, Кирзан, Киш, Джоурлу, Малых, Енгикенд, Сейсулла, Гасанкала и других. В 1854 году была открыта первая удинская школа, затем – сельское училище с преподаванием на русском языке. В 1931-1933 годах обучение удин велось на родном языке.

Удинский язык – потомок языка Кавказской Албании. Первые сведения об удинах появились 2500 лет назад. Об их предках – утиях – рассказывает древнегреческий автор Геродот; они также упомянуты в знаменитой «Географии» Страбона при описании Каспийского моря и Кавказской Албании. Этнический термин «удины» впервые появился в «Естественной истории» римского автора I века нашей эры Плиния Старшего.

Особый интерес удинский язык вызывает сейчас в связи с тем, что дешифровка некоторых албанских текстов стала возможной только после обращения к удинскому языку. Албанская церковь – одна из древнейших в христианском мире. Начало распространения христианства в Кавказской Албании относят ко II веку нашей эры. А в 313 году албанский царь принял крещение, и христианство стало официальной религией Кавказской Албании. В начале V века на основе древнеудинского языка был создан албанский алфавит, появилась переводная и оригинальная литература. До нас дошли некоторые документы и эпиграфические памятники в Южном Дагестане и Азербайджане. Теперь в удинском языке иногда используется тюркизированный латинский алфавит с добавлением дополнительных знаков. В латинской графике пишет на удинском языке и современный поэт-удин Георгий Кечаари. Выходит, что бесписьменный удинский язык «не такой уж и бесписьменный»: он древнеписьменный, но утративший свою древнюю письменность.

Бесписьменные языки – это, прежде всего, родные (!) языки народов – носителей этих языков, и в этом их главная ценность. Только потом – это источник информации для языкознания и истории. В связи с этим обозначу две актуальные, на мой взгляд, научные проблемы современного дагестанского языкознания, разработка которых связана, в первую очередь, с бесписьменными языками.

В сравнительно-историческом исследовании дагестанских языков открываются новые перспективы. Можно надеяться, что, наконец, будут расшифрованы эпиграфические памятники, до сих пор не прочитанные. Тексты на древнеудинском языке – это эмпирическая база для изучения истории лезгинских языков. Это примерно то же, что тексты на старославянском языке для славянских языков.

Типологическое исследование дагестанских языков с широким привлечением данных бесписьменных языков дает возможность выявить специфические черты, остававшиеся не замеченными из-за ориентированности наших грамматик на грамматику русского языка. Типология позволяет, прежде всего, более адекватно описать системы самих дагестанских языков, где многие категории устроены иначе, чем в русском языке.

И как же разрабатываются эти проблемы? Сравнительно-историческим изучением дагестанских языков занимается москвич М.Е. Алексеев, написавший фундаментальные труды по сравнительно-историческому исследованию лезгинских, аваро-андоцезских, нахско-дагестанских языков. Албанской (агванской) проблемой и удинским языком занимаются немецкий лингвист Вольфганг Шульце, а также профессор-химик Я.А. Яралиев из Баку и профессор-физик Г.А. Абдурагимов из Махачкалы. А лингвисты, специалисты по лезгинским языкам, «благополучно» игнорируют эту тематику. Типологическим исследованием дагестанских языков занимаются московские лингвисты школы А.Е. Кибрика, доктор Бернард Комри и его сотрудники из Института эволюционной антропологии имени Макса Планка в Германии. И только в последние годы появились первые исследования типологической направленности, выполненные дагестанскими лингвистами.

Таким образом, привлечение не только ученых, но и общественности к вопросам бесписьменных языков представляется просто необходимым хотя бы потому, что эта проблема давно перестала быть только лингвистической.

Бог от нас прячется, а мы Его ищем

Светлана АНОХИНА

Бог от нас прячется, а мы Его ищем

В Дербенте жизнь – на виду, секреты – на распахнутой ладони. Дома подпирают друг друга свежепобеленными плечами, люди трутся боками, голосами, биографиями. Толкаются на базарах и узких улочках. Все друг друга знают, кем-то друг другу приходятся. Кажется, весь город в курсе, что у вас сегодня на обед и во сколько вернулась домой ваша дочь-старшеклассница. И вот среди этой открытости перед любопытствующим соседским взглядом появляется человек, о котором практически никто ничего сказать не может. На все вопросы касательно личности нового раввина Дербентской синагоги «Келе Нумаз» горожане отвечают уклончиво, будто сговорившись обходить эту тему стороной. Несмотря на то, что назначен он был с самого, что ни на есть верха, а именно главным раввином России Берлом Лазаром, древний Дербент еще присматривается к человеку с ветхозаветным именем Овадия, трогает его осторожной пергаментной лапой – «Свой ли? Нет?». А сам человек спокойно, будто в запасе у него вечность, глядит на город из-под широких полей своей шляпы, и курчавая борода кажется клубами дыма, окутавшими его лицо.

Цадик (праведник) соединяет вас с Б-гом и сам отходит в сторону

Овадией его назвали в честь одного из пророков. А до этого 12 лет своей жизни он звался Артуром Исаковым. И, как все другие махачкалинские мальчишки, гонял на велике, дрался в уличной пыли и думать не думал о вещах сложнее маминой куриной запеканки. Его семья, как, впрочем, и все вокруг, никогда не была слишком религиозной. Субботу не соблюдали, в синагогу ходили скорее по инерции, а Песах и Ханука, смешавшись со светскими праздниками, были совсем свои, домашние. И к новому имени Артур отнесся безо всякого там особого трепета. Все мальчики из приличной еврейской семьи в определенном возрасте проходили Бар Мицву – обряд инициации, при котором это имя дается, и ничего круто меняющего жизнь, в этом не было. Дань традиции, а не подтверждение национальной идентичности, обыденность, а не духовный поиск. Так что имя Овадия, может, так и пролежало бы невостребованным, неношеным, как лежат у многих крестильные крестики, если бы Артур Исаков не рисовал.

Люди по разному приходят к Богу. Кто через страшное несчастье, кто, отчаявшись найти Истину другим способом, кто – не умея иначе выразить переполняющие их любовь и сострадание. Но тут ситуация, пожалуй, исключительная. Тут Тшува (в переводе с иврита «возвращение», «раскаянье»), или, как сказали бы христиане, воцерковление произошло через искусство. Через кисти, краски, пристальное вглядывание в натуру. Художник, он ведь всегда демиург и тем самым немного, но все-таки посягает на Божественные права. А когда заигрывается и переступает запретительную линию, неизбежно ощущает присутствие настоящего Демиурга. Главного. Единственного. У которого все мыслимые слова – и образы, и краски, и звуки.

И тут можно сделать вид, что ничего особенного не произошло, и пилить себе дальше по выбранной стезе, дерзая, творя, не признавая ничего, кроме **своего** дыхания, биения **своей** крови. Но можно и по-другому. Можно сказать, как говорят старые одесские евреи, – «Таки да!», в смысле признать, что действительно все подчинено Его воле, нет в жизни места неверному случаю, а все – Божий промысел. Артур Исаков выбрал именно Это. И принял все, что за Это полагается.

А случилось все совершенно, на первый взгляд, неожиданно. В то время, когда он, будучи еще студентом Строгановки, расписывал 4-этажный особняк. Это был департамент защиты материнства и детства, а росписи на каждом этаже были фантазиями на тему времен года. Доподлинно неизвестно, которое из них вдруг задело настолько, что глубинное, кровяное проснулось и заговорило с молодым художником, которого сокурсники звали Восточник, на незнакомом древнем языке. Может быть, Зима с ее монохромностью, Зима, похожая на раскинувшуюся ритуальную накидку, бело-голубой таллиф. Может, Лето, жаркими красками шептавшее о Египте, Исходе и расступившихся водах Красного моря. Может, Весна или Осень. Известно только одно. После окончания этого дипломного проекта все сделалось другим. И жизнь, и палитра, и сам художник. Говоря языком Ветхого Завета, Артур родил Овадию. А тому уже диплома (пусть и с отличием) об окончании одного из самых сильных учебных заведений страны сделалось мало. То, что было пределом тщеславных мечтаний махачкалинского мальчишки, оказалось только этапом, первой ступенькой бесконечной лестницы. Следующей стало обучение в Московской Ешиве «Томхей Тмимим Любавич». Потом – опять Ешива, но уже в Кириат Малахи, в Израиле. Затем в Нью-Йорке. Возвращение началось.

В наше время нет еретиков. Чтобы им быть, надо слишком много знать

Тора запрещает миссионерство и навязывание своей веры другим народам. Иудаизм совсем

не стремится стать мировой религией, скорее, наоборот, он обращен вовнутрь и насторожен по отношению к чужакам. Так, мезуза – пергамент со словами Торы – крепится с внутренней стороны двери, подальше от посторонних глаз. Но в праздник Ханука, что приходится на дни с 25 кислева по 2 тевета (или по понятному нам календарю с 25 декабря по 2 января), евреи зажигают специальный светильник и выставляют его на окно или за дверь, чтобы освещать улицу. Чтобы тем, кто заплутал, потерял дорогу или просто надежду на существование в мире таких понятий, как «тепло» и «дом», осветить их путь. Девять Ханукальных праздничных свечей зажег Овадия Исаков в своих работах. Для своих и чужих. Для всех, кому это может понадобиться. Около его картин, соразмерных, удивительно теплых, можно в прямом смысле слова согреть озябшие руки. Или сердце. Поскольку они неожиданно радостные. Неожиданно для тех, кто представляет себе иудаизм религией ограничений и запретов, где суровый еврейский Бог может потребовать от Авраама «возьми сына твоего единственного, которого ты возлюбил, Исаака, и пойди в землю Мориа и принеси его там в жертву всесожжения».

Это кажущееся противоречие между сложившимся стереотипом и идущими ему наперекор нарядными холстами Овадии Исакова разрешается двумя словами. Овадия – Любавический хасид. Посланник Любавического ребе. А хасидизм – это учение о служении Всевышнему в радости. У хасидов в синагоге шумно. Порой там даже поют, потому как ацвут, то есть печаль, согласно хасидизму – это проявление глупости. Печаль неконструктивна и соблазняет с головой погрузиться в нее, утонуть, как в мягкой усыпляющей подушке. Другое дело мерирут – горечь, что непереносима, к которой нельзя привыкнуть. Она, как хинин, такая же горькая, отрезвляет человека и излечивает.

Живопись Овадии невозможно рассматривать вне контекста хасидизма. И дело тут не в том, что Овадия сопровождает свои работы высказываниями Любавического ребе (они в моем тексте выделены жирным курсивом) – это была бы слишком поверхностная, формальная связь. И не в том, что он, как щуку к праздничному столу, фарширует картины подробностями еврейского быта – семисвечниками, ритуальными одеждами и звездами Давида. А в том, что печали, тоски и уныния в этой живописи нет, и не предполагалось. А есть яркость, порой непереносимая, как будто солнце ударило по глазам, разломило цветовые плоскости, отпрыгнуло в самый темный угол и там притаилось. Есть ликование сильных, чистых и упоительно беззаконных красок, которых ничто, кроме строгости линии, не сдерживает. А еще есть полная открытость, словно картины, как захмелевший человек, вывернули все свои карманы – нате, смотрите, ничего не прячем! Никаких модных «тайн», кокетливого перешептывания цветов, уклончивых полутонов и недоговорок.

Эти полотна, даже те, что невелики по размеру, кажутся масштабными, основательными и очень похожи на самого художника. Он такой же. Невысокий, с коротковатыми сильными пальцами, круглым лицом и во всей его небольшой фигуре, будто прочерченной наскоро парой точных линий, во всех его движениях – неторопливая уверенность. И в нем так же все открыто. И говорит Овадия, как для художника и для раввина, непривычно просто. Короткие дельные фразы. В голосе нет вкрадчивости и медоточивости, характерной для многих священнослужителей и еще для коммивояжеров. В словах – никакой надменности, которая часто звучит в речах тех, кто полагает себя причастным тайнам, творческим или Божественным. Говорит Овадия, как говорил бы пахарь, гончар или кузнец.

Жизнь – это игра в прятки. Б-г прячется, а мы ищем

И при всем при этом что-то от бородатых каббалистов, от их темных, сакральных знаний, от запретных поисков тетраграмматона – четырех букв Божьего имени – в живописи Овадии осталось. Какой-то оптический фокус. Неуловимое стремительное движение. Может, такова была задумка автора, а может, независимо от него сработали какие-то неизвестные законы и механизмы, но если быстро поглядеть на картину – покажется, будто кто-то только что сидел за этим вот столом, листая Тору, или стоял среди хасидов, встречающих Машиаха – долгожданного мессию, или выглядывал из окна, щурясь от яростного солнца, а за секунду до того, как стало возможно его разглядеть, – исчез. Только легкий звон, пустота, ветер. Да и не было, верно, ничего. Померещилось. Не было, и быть не могло по всем строгим законам композиции. А повернешься к другой картине – и опять то же самое. Было же! Было! Что-то там мелькнуло в сложном устройстве орнамента, замешкалось на стыке цветов, но ускользнуло, не далось несовершенному человеческому глазу. Так не даются речи Подлинные слова, которым в бедном человеческом языке нет названия. Недаром евреи по имени Его не называют. Даже вместо привычной гласной в слове «Бог» – прочерк, разделяющий первую и последнюю буквы. Пусть прячется. А человеческое дело – искать. И, пожалуй, все равно **как**, а тем более, **где** это делать.

Итак, Овадия сейчас ищет в Дербенте, который внешне, по его словам, мало чем отличается от израильского города Хадера – такие же раскаленные летним солнцем улицы, а на них так же играют в нарды бессмертные зябнущие старики. Он каждый день идет сквозь пеструю разноплеменную городскую толпу. Входит в ворота, за которыми маленькая, совсем не парадная синагога. Встречает там людей, не привычных к хасидской строгости, глядящих на него, пока еще чужака, настороженно. Листает книги, ветхие, забытые всеми книги, которые он в этой синагоге обнаружил. Всматривается в мудрое личико шестимесячного сына Даниэля Хаима, родившегося здесь, в Дербенте. И, конечно, пишет. Смешивая краски, бросая их на холст, сталкивая цвета и организуя по своему усмотрению внутрикартинное пространство, он строит свой Иерусалим, чтобы Тому было, где прятаться.

Репродукции картин Овадии – 2 и 3 стр. обложки.

Муса Оздоев: ÍÀ ÑÖÅÍÅ ß – ÀÂÀÍÒÞÐÈÑÒ

2003 год, год 80-летнего юбилея народного поэта Дагестана Расула Гамзатова, был отмечен грандиозными театральными проектами – постановкой балета «Горянка» М. Кажлаева по одноименной поэме Р. Гамзатова в Дагестанском государственном театре оперы и балета и мюзиклом «Колесо жизни» (по произведениям поэта) на сцене Лакского государственного музыкально-драматического театра им. Э. Капиева. Балетмейстер и режиссер постановок – Муса Оздоев, заслуженный артист РФ и РД, народный артист Ингушетии, лауреат международного конкурса джазового, классического современного танца «Париж – 91» на приз им. А. Валинина. Родился он в Казахстане. В профессию пришел еще ребенком, подчинившись родительской воле. Двенадцатилетний Муса в составе подростковой команды из 20 участников был откомандирован в столицу обучаться искусству национального танца. По прошествии шести лет учебы к финишу добралось лишь трое. Выпускник ГИТИСа прошел тернистый путь от простого статиста до дипломированного балетмейстера. Работал в театрах Кишинева, Баку, Перми, Владикавказа, собрав в своей творческой копилке совершенно разноплановые партии: Альберто в «Жизели», тореадора в «Кармен», Базиля в «Дон Кихоте», Есенина в «Черном человеке», Хоакина в рок-опере «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»… Только в Перми Оздоев станцевал более 40 сольных партий. Пробовал себя в режиссуре и в административной сфере. В ноябре прошлого года он поставил на сцене Лакского театра в Махачкале в качестве режиссера и балетмейстера театральное представление «Солнечный диск».

Беседа с ним – размышления вслух о балете, об искусстве в жизни и о жизни в искусстве.

– Бытует мнение, что мужское па-де-де, типичное для классического балета, это закамуфлированное проявление мужской эротики, демонстрирующей даже склонность к гомосексуальности. На Кавказе подобная классика воспринимается порой как «занятие, не достойное настоящего джигита». Вам доводилось слышать нечто подобное?

– Не единожды. Но я не считаю, что облачение в трико и грациозная пластика – это признак женственности. Трико, кстати, было неотъемлемой частью военного костюма в армии, в нем выступали и до сих пор выступают атлеты-силачи, тягающие пудовые гири. Ни тех, ни других нельзя упрекнуть в «немужественности». Я не считаю также, что настоящий джигит должен «пить как дворник, материться как сапожник и шляться по бабам как матрос». Мужлан и мужчина, хоть слова и однокорневые, но абсолютно противоположные по смыслу. Однако у классического балета есть, на мой взгляд, свои ограничения: классический балет – удел молодых. Очень уважаемый мною Михаил Барышников так сказал по этому поводу: «После сорока лет, в какой бы идеальной форме танцор ни находился, надо менять стиль. Поскольку бегать в трико уже не солидно». И я с ним в этом полностью солидарен. Именно поэтому я в возрасте 37 лет занялся модерн-балетом. А спустя еще энное количество лет и вовсе перешел на режиссуру. Но это отнюдь не означает, что я не смогу станцевать ни одну из проигранных мной партий.

– Модерн набирает все большую популярность. Не значит ли это, что классика вот-вот сойдет на нет?

– Вы заблуждаетесь. В классический балет изначально заложена склонность к хореографии кристальной ясности и к красоте, неподвластной времени. Именно благодаря этим свойствам классического балета сама профессия хореографа, как мне кажется, оказалась удивительно неподатлива старости, тлению. А что касается модерна, то он очень лоялен к разного рода экспериментаторству, столь модному во всех сферах человеческого творчества, он позволяет соответствовать бешеным ритмам современной цивилизации и некоторой экзальтации нынешней масс-культуры. Вообще, танец – это язык тела, который наряду с речью позволяет людям прекрасно выражать все свои переживания.

– Справедливо ли недавнее высказывание американских ученых, что человек танцует свои биоритмы, что тело хранит недоступную разуму мудрость, которую он наследует при рождении. Не эта ли особенность подразумевается, когда в хореографии говорят о рисунке танца?

– У каждого танца действительно есть свой индивидуальный узор, который может подметить и профессиональный балетмейстер, и пластически одаренный от природы человек.

– Говорят, комфортнее всего художнику работается в собственной мастерской. Каково вам работалось в Дагестане?

– Если говорить честно, то предложения поработать у вас в крае я неоднократно получал еще в бытность министром культуры Ингушетии. Не брался из-за нехватки времени. Когда сложил с себя полномочия, время появилось, решил попробовать. Я очень ценю поэзию Расула Гамзатова, поэтому, когда меня пригласили на празднования, посвященные его 80-летию я, не медля, приехал. Находясь в гостях у вашего

министра культуры, я стал невольном свидетелем ее телефонного разговора с Расулом Гамзатовичем и был озадачен, когда она отрекомендовала меня в качестве постановщика балета «Горянка». Я, конечно же, был знаком с поэмой, но о сценарии, о музыке, на которую переложена поэма, я ничего не знал. Поскольку просьба о постановке балета последовала – я согласился. Признаться, не предполагал, что при наличии театра оперы и балета в Махачкале балетная труппа в нем напрочь отсутствует. Когда в качестве таковой мне предложили работать с танцорами «Лезгинки», я испытал шок! Ведь национальный танец и классический балет – это, как говорят одесситы, две большие разницы. И дело тут не в профессиональном скепсисе, а в том, что у каждого жанра есть свои законы и правила, да и, если можно так выразиться, очень разнится «движенческая лексика». Как балетный танцор не силен в джигитовке, так и танцор «лезгинки» далек от па-де-де и фуэте. Согласитесь, что плавные пируэты не уместны в зажигательных танцах Кавказа. Но выбирать не приходилось. Честно говоря, в том, что спектакль все-таки состоялся, есть большая заслуга самих танцоров, которые очень старались и героически сносили мои репетиционные придирки и муштру.

– Как же тогда вы рискнули поставить «Колесо жизни», где в хореографии вообще были заняты непрофессиональные танцоры?

– Потому что я авантюрист от природы. И потом, эти постановки разноплановые: «Горянка» была ориентирована на классику, а «Колесо…» по стилю перекликалось с модерном, да и сценические задачи там были иные. В данном случае дилетантизм актеров сыграл мне наруку, он обеспечил искренность игры, где все пластические огрехи работали как спецэффекты, а экспрессия и импульсивность некоторых танцоров перекликались с сюжетом пьесы.

– Вы так эмоционально говорите о «Колесе…», а ведь на вашем счету еще и участие в поп-проекте «Денеб» – новая звезда». Кстати, каковы впечатления от общения с молодежной поп-культурой?

– Ну, во-первых, это был сугубо коммерческий проект, в котором, тем не менее, мне было небезынтересно участвовать. Во-вторых, впечатления сумбурные, хотя и не лишенные позитива. Мне было интересно изнутри понаблюдать, как создаются новые звезды дагестанской эстрады. Не все, конечно, понятно и близко, но «если звезды зажигают – значит это кому-то нужно». Другой вопрос, что не всегда идеология и культура, тиражируемые поп-культурой, отличаются высокой духовностью и хорошим вкусом. Впрочем, я не вправе ругать, и уж тем более обличать кого-либо. Время – лучший цензор и борец с кичем! Другое дело, когда слепое подражательство Западу пагубно сказывается на национальной культуре, когда молодежь в угоду моде «брезгливо» отмежевывается от традиций своего этноса. Ведь так теряется самобытность, а поголовное «оболванивание» приводит к утрате личной индивидуальности, самобытности целых народов.

– В таком случае, не является ли методом своеобразной «культурологической вакцинации» очередной сценический проект «Солнечный диск»?

– На самом деле проект «Солнечный диск» – это попытка доступными методами пробудить у молодежи, и даже у зрелого поколения, интерес к культурному наследию предков. Это и своеобразный протест против тотальной ассимиляции культуры Дагестана с низкопробной прозападной культурой. Я, например, не дагестанец, но и меня процесс работы захватил всецело, так много интересного довелось узнать о культуре, традициях, об обрядах вашего края. Проект этот еще ценен и тем, что впервые в республике осуществляется масштабная сценическая постановка на основе произведений талантливого композитора Ширвани Чалаева. У него очень много материала, красивого по мелодике, мощного по эмоциональному накалу. Меня, признаться, сначала покорила мощь его голоса, самобытная манера пения. Уже позже, когда непосредственно в работе мне пришлось столкнуться с его творчеством вплотную, я понял, что его талант еще не в полной мере оценен современниками. Представьте себе, что даже профессиональные аранжировщики и молодые композиторы, которые также были задействованы в проекте вместе со мной, открывали для себя творчество Чалаева.

«Солнечный диск» – это не обычный спектакль, это, скорее, грандиозное сценическое действо, выстроенное по принципам музыкальных майданов, где как можно ярче мы постарались представить музыкальное творчество, хореографию, обычаи и обряды дагестанцев, провести параллели с настоящим временем.

– Вы как человек у нас с «незамыленным глазом», наверняка, уже выстроили определенное мнение о нашей Сцене? Как, по-вашему, терпит ли театр в Дагестане кризис?

– Театр в России, и в Дагестане в частности, уже давно потерял свое привычное место, и мне трудно определить, каким он стал и каким должен быть. Все мои рассуждения о судьбах национальной сцены будут сугубо субъективны.

Театр для меня – это пространство, где переосмысляется человеческая жизнь во всех ее проявлениях, где актерская игра и режиссерские решения – это способ наладить диалог между артистами и публикой. В сценическом пространстве находят выражение кошмары и желания людские, формулируются их мечты, предлагаются модели жизни. Сколь многолик и многообразен современный театр, столь многообразен театральный язык. Язык подбирается в соответствии с публикой, ее развитием, ее духовными запросами. Ясно, что сегодня театр пустует. Если не привлечь в него новую публику, он потеряет надежду и право на будущее. Как это ни прискорбно, вопрос о выживаемости театра имеет финансовую подоплеку. Сегодня «малобюджетное» искусство не жизнеспособно. А театры, находящиеся в ведении всевозможных ведомств, – нищенствуют, выживая на голом энтузиазме его работников. Я, как бывший чиновник от культуры, не понаслышке знаю, каково это – просить, словно подаяние, денег на очередную постановку. И искренне сочувствую своим коллегам в Дагестане, зная, через что порой приходиться проходить, дабы осуществить тот или иной культурный проект. Увы, и частных пожертвований ждать не приходится. Времена Третьяковых, Морозовых канули в лету. Впрочем, это уже повод для другой публикации. Одно знаю: пока театр будет держаться на должном уровне искусства, он будет жить.

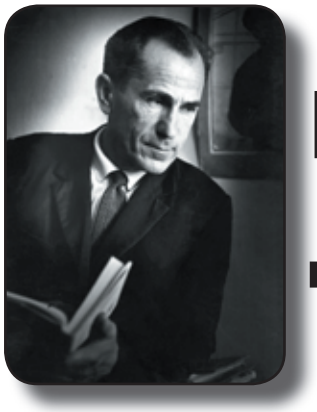
– Вы так выразительно рассуждали о будущности театра, что не могу не спросить: на досуге не пописываете?

– Есть такой грех. Я собираю книгу об обрядах и ритуалах народов Кавказа. Много почерпнул в ходе последней работы. Но пока трудно с уверенностью сказать, когда она выйдет.

– И по традиции банальный вопрос: чем думаете заняться после «Солнечного диска»?

– Ответ такой же банальный – планов масса, ведь говорил, что я по натуре – авантюрист.

Беседовала Изумруд АТАЕВА



ПОРУЧИК ДЖАМАЛУТДИН

Булач ГАДЖИЕВ

Первый сын Шамиля Джамалутдин родился в селении Гимры в 1831 году. Матерью его была Патимат. В те годы полным ходом шла война, так что первенец Шамиля еще в колыбели слышал свист пуль. Рос Джамалутдин, как и все дети горцев, в лишениях и испытаниях, которые на каждом шагу преподносила жизнь. Мальчик сторожил скот, собирал хворост, поливал огород, лазил на тутовые деревья, учился метко стрелять, ездить на лошади, плавать, бороться. В делах этих не надо было искать учителя: выдающимся мастером являлся отец Шамиль. Мальчик становился крепким и здоровым, но однажды упал со скалы близ мельницы, куда с матерью ходил молоть зерно. Рана оказалась ужасной, и все-таки организм ребенка и забота сельских лекарей спасли его. Но на всю жизнь на левой руке остались глубокие шрамы. Случай на мельнице оказался первым испытанием, за которым последуют другие, не менее опасные, превратившие душу ребенка, если можно так выразиться, в сплошной комок из шрамов, в комочек человеческого горя.

Джамалутдину было 8 лет, когда отец Шамиль оборонялся на Ахульго. Так же, как и остальные защитники крепости, мальчик испытывал все невзгоды осады. С каждым днем положение осажденных ухудшалось. Не осталось еды, не было медикаментов, больные и раненые лежали без присмотра. Чтобы достать глоток воды из Андийского Койсу, приходилось жертвовать людьми.

17 августа 1839 года состоялся новый штурм, тогда каждому защитнику казалось, будто это последний день перед казнью. Царские войска овладели передовыми укреплениями. Царское командование предложило начать мирные переговоры. По предварительному условию Шамиль должен был в аманаты отдать старшего сына Джамалутдина. Имам категорически отверг это предложение. Тогда, как пишет Мухаммед-Тахир ал-Карахи, «изнуренные защитники, всюду и везде искавшие спасения, усиленно просили Шамиля пожертвовать общему благополучию своим сыном». В тот день, когда отдавали Джамалутдина в качестве заложника, Шамиль, говорят, обратился к своим мюридам с просьбой, чтобы кто-нибудь сопровождал ребенка. Вызвался только один – чиркеец Юнус, «личный друг и боевой товарищ имама». За руку он вел 8-летнего Джамалутдина. Перед проводами отец обнял сына, мать плакала. Защитники смотрели на мальчика с благодарностью: может, закончатся их испытания.

Юнус и Джамалутдин двигались по сложному лабиринту тропы, поворачивая то вправо, то влево, затем начался крутой спуск к речке Ашильтинке. Проходя мимо пещер и укреплений из камня, они видели исхудавших и закопченных от пороха и с горящими глазами мюридов, видели перевязанных на скорую руку тряпьем раненых, но стонов не слышали. На всем пути их сопровождало слово «нух битаги» – хорошего пути, счастливой дороги. Верный мюрид Шамиля и сын перешли речку и стали подниматься на еще более крутой левый берег. И здесь была кривая тропа. Она вела наверх в сторону Ашильты, где находился лагерь Граббе. Стояла тишина, от которой люди давно отвыкли. Все глаза были устремлены к двум фигурам: одной – большой, другой – маленькой, идущим по тропе. Вот они подошли к Арадатаулеб-Гох, задержались на минутку и прошли мимо пушек. Затем подъем к развалинам Ашильты.

Прием у генерала Граббе состоялся на рассвете следующего дня – 18 августа 1839 года. Когда Юнус и Джамалутдин шли между рядами выстроенных солдат, играл духовой оркестр. Звуки музыки услыхали и защитники Ахульго. Возникла надежда: может, все обернется к лучшему. Сказав несколько комплиментов в адрес Юнуса, генерал приступил к делу. Он учтиво сказал: « Я слышал, что Шамиль слушается твоего совета. Уговори, упроси его явиться лично. Эта явка ему принесет большое счастье на всю жизнь». Юнус отвечал так: «Шамиль никогда не согласится на ваши предложения, а если и согласится, – народ никогда не позволит ему приехать к вам».

Вернувшись на Ахульго, Юнус передал слова Граббе и свой ответ. Шамиль сверкнул глазами и проговорил: «Пусть делают, что хотят, но от нас больше ничего не получат, кроме работы шашкою». Некоторые приуныли, они просили Шамиля смягчиться перед могущественным врагом. И на этот раз от человека, отдавшего добровольно своего сына в

руки врагов, мюриды услышали ответ, приведший в чувство растерявшихся: «Слабость и трусость, – были слова Шамиля, – никогда и никого не спасали».

Юнус снова ушел в лагерь противника.

– Вы, – сказал дипкурьер Шамиля Граббе, – обещали заключить мир, если он выдаст своего сына. Требование исполнено, но обещанного нет... Вам ... имам более не верит.

Джамалутдин в это время жил в палатке Чаландара, выходца из аула Чиркей. К нему явился Юнус. Разговорились, Чаландар дал понять, что ни один из осажденных не останется в живых. Он предложил Юнусу вернуться в Ахульго и уговорить всех чиркейцев перейти к Граббе. Юнус сделал вид, что согласен с доводами своего земляка, но, прибыв на гору, выпросил у Шамиля разрешение неотлучно быть при нем.

Таким образом, 8-летний Джамалутдин остался один в лагере царских войск.

Как же сложилась дальнейшая судьба сына Шамиля?

23 августа 1839 года, то есть в день завершения кровавой эпопеи на Ахульго, генерал П.Х. Граббе еще не покинув руины крепости имама Шамиля, отправил военному министру графу А.И. Чернышеву такое сообщение: «Сын Шамиля 9-ти лет, мальчик бойкий и свыше лет умный, находится у меня. Что угодно будет приказать на счет него?».

Ответ Граббе получил в первых числах сентября о том, что по решению императора Николая I Джамалутдин должен быть отправлен в малолетнее отделение первого Московского кадетского корпуса, где, заметим, обычно воспитывались дети дворян.

Сына Шамиля в сопровождении жандармского полковника отправили в Москву. Это было довольно длительное путешествие в карете и на лошадях, что явилось громадным физическим и нравственным испытанием для юного горца.

У начальства кадетского корпуса возник вопрос, в какой одежде должен ходить новый воспитанник: в кавказской или кадетской форме? Исследователи жизни сына Шамиля в России И.А. Ганичев и Б.Б. Давыдов считают, что царь повелел обмундировать мальчика, как и всех других кадетов.

С середины декабря 1839 года Джамалутдин стал жить в большом трехэтажном здании, расположенном в царскосельском парке, где кадеты совершали прогулки со своими классными дамами. Летом сын имама мог видеть семью императора, придворную знать, генералов, совершавших прогулку в парках Царского Села.

В 1841 году он был переведен в первый кадетский корпус, любимое учебное военное заведение Николая I, где обучались все его дети. Сокурсник Джамалутдина Н.Л. Крылов дает о своем товарище такую характеристику: «Научился говорить по-русски и усвоил кадетскую жизнь: лгать начальству, заступаться за товарищей и своих не выдавать. Словом, он был кадетом обстрелянным и взял меня под свое покровительство».

Был такой случай. Крылов ударил другого кадета. Тот привел дежурного офицера, Джамалутдин уверил офицера, что Крылов вынужден был ударом ответить на удар.

«Шамиль, – сообщает Н.А. Крылов, говоря о Джамалутдине, – учился на средние баллы, переходил из класса в класс без всякого послабления со стороны экзаменаторов. Он был хорошим товарищем. Со двора он ходил редко, его брали к себе те черкесы, которые служили в конвое Его Величества».

А еще была встреча сына имама с Николаем I.

– Если ты хочешь писать к своему отцу, – говорил ему император, – то пиши, письмо я доставлю!

– Имею счастье, – отвечал Джамалутдин, – благодарить Ваше Императорское Высочество!

– Ты научился хорошо говорить: а что твоя рука, поджила? Покажи! – Николай I увидел заросшую рану между кистью и локтем на левой руке.

Джамалутдин объяснил, что рану нанес ему пикой донской казак.

В письме к отцу от 29 июля 1845 года Джамалутдин просит не забывать его. И дальше: «... Я... нахожусь в воспитательном заведении... Государя Императора. В этом же заведении воспитываются почти все генеральские дети, со мною здесь хорошо обращается начальство и ни в чем моего достоинства не унижают». Далее автор письма прибавляет, что все обряды магометанской веры он исполняет, как исполнял дома, ибо по приказанию Императора их обучает мулла.

4 ноября 1847 года он написал еще одно письмо отцу, однако неизвестно, дошло оно до адресата или нет.

И.А. Ганичев и Б.Б. Давыдов приводят содержание и этого обращения Джамалутдина к родителю:

«... В продолжение 8-ми лет нашей разлуки я не имею никакого известия об Вас и матушке, не знаю, к чему приписать ваше молчание: неужели Вы забыли того, который ежеминутно вспоминает и молит Всевышнего о сохранении здоровья вашего: поверьте, любезный батюшка, что молчание Ваше сильно огорчает и беспокоит меня, и даже служит причиною, что я не могу учиться так, как бы следовало, при всех тех средствах, какие я имею по милости монарха Русского, который печется об нас как об собственных детях своих.

Я воспитываюсь в первом Кадетском корпусе, и, представьте себе наше счастие, – дети Государя Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич – каждый день, во время лагеря бывают у нас и вместе с нами обучаются фронту, вообще все попечения, какие употребляются при воспитании нашем, так велики, что трудно выразить их, это я пишу от самого чистого сердца, и ежели когда-либо приведет Бог обнять Вас, тогда буду иметь случай лично благодарить Вас за то, что отдали меня на воспитание в Россию. В настоящее время я понял, как необходимо и любопытно всякое познание в науках, и ежели б вы известили меня о себе, тогда в сто раз было бы веселее проводить время в полезных и приятных для меня занятиях.

Теперь пишу Вам, как я провожу время каждый день, исключая пятницы и воскресенья, в продолжение 6 часов учусь по-французски, по-немецки, по-русски, и разным другим полезным наукам, танцеванию, к которому я очень приохотился, а также и гимнастике, одним словом, я провожу время приятно с большою для себя пользой. Еще раз умоляю Вас, любезный батюшка, напишите мне хотя несколько строчек, тогда я буду знать, что Вы не забыли меня и желаете, чтобы я писал к Вам о себе. Прощайте, дорогой и неоцененный мой родитель, желаю Вам доброго здоровья и всего лучшего в этом мире.

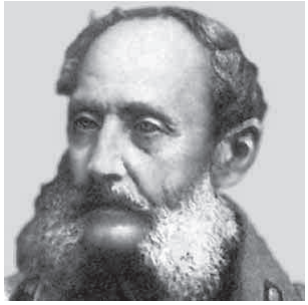
Остаюсь всегда послушный и любящий Вас сын Ваш».

Авторы статьи о Джамалутдине считают, что письмо написано не без влияния воспитателей. Наверное, так.

Джамалутдин обучался магометанскому закону,

русскому, французскому и немецкому языкам, алгебре, геометрии, ботанике, зоологии, географии, средней истории, черчению ситуационных планов и рисованию. Экзамены Джамалутдин выдержал успешно, за «фронт» он получил 6 баллов, а вот за поведение только «4», т.е. посредственно. На вопрос, в какую форму должен одеваться корнет, Николай I написал: «В какую сам пожелает». Джамалутдин пожелал носить горскую форму.

Сын имама 5 лет служил в русской армии, побывал с воинскими частями в разных городах России: Твери, Ораниенбауме, Ройше, Вяла Люблинской губернии, Ленчице (Польша). Его за «хорошие способности ума и теплое сердце» любили и уважали в полку.



Генерал Граббе

У дагестанца были свои мечты. Он хотел поступить на учебу в военную академию. Царь и его окружение не противились этому. Кроме того, Джамалутдин собирался жениться на Ольге Михайловне Олениной, дочери орловского помещика. Девушка была собою хороша – прелестнейшее создание, да к тому же и образованна, окончила Институт благородных девиц в Петербурге. Но жизнь Джамалутдина вдруг круто изменилась и пошла по другому руслу. Правда, этому «вдруг» предшествовали многие годы и разные события. Шамиль ни на минуту не забывал, что сын его в плену. Большие и малые тревоги отвлекали отца от решительных действий в отношении Джамалутдина.

В 1842 году, когда в плену у него оказалось несколько офицеров и в числе их будущий генерал-майор грузин Илико Орбелиани, появилась первая надежда. При первой же встрече с ними в Кази-Кумухе пошел разговор об обмене. Но Орбелиани развеял надежды Шамиля.

Генерал Фез взял у тебя в Унцукуле до 200 пленных, за наше освобождение возвратят тебе несколько человек из них. Делай с ними, что хочешь, но не питай надежды, что тебе возвратят сына, сказал грузин. Имам приказал: «Ступайте в Дарго: там мы еще поговорим».

Николай I

31 марта 1842 года пленных привели в Дарго. Через несколько дней их снова принял Шамиль. Принесли чернила и бумагу. За подполковника С-а он требовал вернуть сына, за Орбелиани – пленника, за прапорщика А-а – сына Алибека Хунзахского, погибшего на Ахульго. За остальных пленных по два горца на каждого русского. Письмо отправили в Темир-Хан-Шуру к генералу Клюки фон Клугенау. Но пока суд за дело, шло время. Фронт то приближался к Дарго, то отходил. Однажды в связи с осложнениями всех пленных отправили в Анди, а затем вернули в Дарго. Пленные сделали подкоп, пользуясь ночной темнотой, бежали от горцев. За исключением нескольких человек, все беглецы, в числе их и Орбелиани, оказались схваченными. Шамиль хотел убить зачинщиков, но мюриды заступились, объяснив, что и горцы вот так же убегают от русских. Еще они сказали, что за пленных «можно будет выручить сына, или племянника, или несколько добрых мусульман». Шамиль оставил беглецов в покое, но при первой же встрече с Орбелиани заявил: « Я хочу тебя измучить потому, что ты внук царя Ираклия, если не выдадут за тебя моего сына или племянника, то, верно, пришлют несколько вьюков золота и серебра».

– Я уверял его, – говорил впоследствии грузин, – что не имею такого богатства.

– Все равно буду мучить, потому что ваши русские губят моего сына, – твердил имам.

– Как, Шамиль! – возразил я. – Разве ты не знаешь, как счастлив твой сын?

Потом рассказал я ему, как и где последний воспитывается, о милостивом обращении государя с ним, познании в науках, которыми ум его просвещается, и блестящих видах для него в будущем. Но Шамиль этого не понимал.

Длительные переговоры не привели к желаемым результатам. После 9 месяцев плена Орбелиани наконец освободили, и он уехал на родину, а Шамилю вернули 9 женщин и 13 мюридов, захваченных на Ахульго. Шамиль не противился всему этому и еще раз уступил. Он согласился, чтобы сын оставался в плену ради других. Об этом люди с восхищением говорили в Чечне и Дагестане. Обаяние Шамиля возросло необыкновенно. Все знали, на какую жертву идет и какие муки испытывает имам как отец, как родитель. Но Шамиль готов был пожертвовать всем, когда речь шла о защитниках Ахульго. В жертву был принесен и на этот раз Джамалутдин, которого отец отдал русским еще 8-летним ребенком и на той же горе Ахульго ради тех же защитников.

Пройдет еще 13 лет, пока снова встанет вопрос об обмене, 13 лет мук и ожиданий! На этот раз переговоры шли на серьезной основе и привели к успеху. События разворачивались следующим образом.

В июне 1854 года Шамиль двинул на Грузию 15-тысячную армию под командованием своего второго сына Кази-Магомеда.

Операция прошла удачно: перейдя реку Алазань, горцы рванулись на Телави. Жители города разбежались в панике. Дорога на Тифлис оказалась свободной. Но мюридам пришлось осадить коней и повернуть обратно. Таков был новый приказ имама. Из этого похода люди Кази-Магомеда привезли немало сокровищ. Среди же пленных было 22 человека из княжеского рода и две внучки последнего царя Грузии Георгия XIII – княгини Варвара Ильинична Орбелиани и Анна Ильинична Чавчавадзе со своими детьми. Все они находились в плену у Шамиля 8 месяцев и 6 дней. И все это время происходили переговоры об их обмене на сына имама, племянника Гамзата, сына Алибека

Хунзахского, сына Гамзата – Шазислава и 116 горцев, попавших в разное время к русским в плен. Но имам в придачу требовал еще миллион рублей серебром. Из-за этого затянулись переговоры. После долгих споров и уговоров Шамиль согласился на сумму в 40 тысяч рублей.

Когда эти события, т.е. переговоры, разворачивались, сын имама находился в Польше. Велено было спросить поручика Джамалутдина Шамиля, желает ли он возвратиться на родину.

О том, как воспринял Джамалутдин это предложение, мы узнаем из дневника Н.Н. Муравьева (Карского): «Я тогда был в Варшаве и получил от Наследника повеление, спросить сына, согласен ли он возвратиться к отцу взамен пленниц. Молодого человека поразил такой неожиданный вопрос; он должен был оставить Россию и полк свой, который полюбил, и снова обратиться к диким обычаям своей страны. Молодой Шамиль затруднился дать мне ответ вскорости; я ему дал время подумать. Полтора часа простоял он в соседней комнате среди приходящих и думал, ни на кого не обращая внимания. Чувство сыновней любви превозмогло, и он с задумчивостью объявил мне, что согласен ехать к отцу, в чем я взял с него письменное донесение и послал отзыв этот к Наследнику в Петербург. Джамалутдина же отослал в полк до решения этого дела».

Джамалутдин

Затем состоялась встреча с императором. «Государь принял его, – пишет тот же Н.Н. Муравьев (Карский), – очень ласково и дал ему несколько денег на дорогу, нахвалив его сыновнюю преданность». Встреча произошла 22 ноября 1854 года в Петербурге. Товарищам он объявил, что император просил сообщить Шамилю: «Передай отцу своему, что я ему зла не желаю и что я его не тревожу, а беспокоят его, ссорятся с ним подвластные мне начальники, в соседстве с ним находящиеся».

Вот тогда-то Джамалутдина после свидания с царем срочно вызвали на Кавказ. Его сопровождал генерал от инфантерии Н.И. Муравьев. Плохие дороги и снежные заносы кое-где задерживали экипажи. 2-го февраля 1855 года поезд прибыл в Ставрополь. Отсюда их дорога лежала на Владикавказ. Навстречу им из Темир-Хан-Шуры выехали муж Анны Ильиничны князь Д.А. Чавчавадзе и переводчик Грамов. 13 февраля все они встретились во Владикавказе. 15 февраля сын Шамиля, князь и переводчик держали путь на Дагестан. Ехали в одном экипаже. 17 февраля прибыли в Хасавюрт, и все трое прожили в одной комнате 20 дней.

Нас, конечно, интересует, каким стал Джамалутдин за 16 лет на чужбине. Вот что сообщили очевидцы.

Сын Шамиля был среднего роста, хорошо сложен и ловок, но чрезвычайно худой. Выглядел Джамалутдин моложе своих 24 лет. Он казался умным, добрым, веселым и энергичным. В беседах с князем Чавчавадзе и переводчиком Грамовым сын Шамиля понемногу раскрывал себя, свои мечты, заботы. Религию отца Джамалутдин сохранил, но аварский язык подзабыл. Правда, кое-какие слова он припоминал. Зато отлично владел русским языком, говорил и читал на французском. Лучшими друзьями его сделались книги. Он увлекался Пушкиным, Лермонтовым, Бестужевым-Марлинским. На родину из Петербурга он вез более 300 книг, географические атласы, готовальню, хорошую бумагу, карандаши и краски. Джамалутдин неплохо рисовал, чертил и собирался не бросать эти занятия в отцовском доме. Д.А. Чавчавадзе уверял, что «...редко встречал он в мусульманине такое полное перерождение в европейские нравы, такой русский взгляд на вещи... Джамалутдин не рисовался в интересную роль великодушного освободителя».

Итак, 17 февраля 1855 года сын Шамиля прибыл в Хасавюрт, а 18-го об этом сообщили имаму. 20 февраля в Хасавюрт прибыла делегация от отца – казначей Шамиля Хаджио, Бутун-Хасан, переводчик Шах-Аббас. Руководил делегацией Юнус Чиркеевский, тот самый Юнус, что отводил 8-летнего Джамалутдина к генералу Граббе. И вот первое свидание. После взаимных приветствий Юнус произнес речь. Он сказал: «Цель настоящего нашего приезда только в том, чтобы удостовериться, действительно ли этот молодой сын нашего великого имама, но переговоров на этот раз не велено иметь никаких...». Когда перевели слова Юнуса, Джамалутдин улыбнулся; как же старики узнают его после 16-летнего перерыва? Но у делегатов Шамиля память и глаза оказались цепкими. Они прежде всего обратили внимание, что Джамалутдин очень похож на Кази-Магомеда, затем они начали задавать вопросы – что помнит офицер о своих детских годах. Джамалутдин несколько затруднялся, но все-таки вспомнил, к примеру, гору Агульго, белую лошадь, на которой сидел отец, речку, через которую переходили. Все это соответствовало истине. Чтобы полностью убедиться, необходима была еще одна процедура. Делегаты через переводчиков попросили, чтобы Джамалутдин обнажил левую руку до плеча. Шрамы от падения со скалы имелись. Значит, все в порядке!

– Поздравляю! – сказал многозначительно Юнус князю Д.А. Чавчавадзе. – Как вы доставили нам радость возвращением сына великого имама, так и мы можем вас обрадовать честным словом, что ваше семейство очень скоро будет возвращено вам.

На другой день послы выехали на родину. Рассказы их передавались из уст в уста, только от Шамиля и народа утаили то, что их очень смутило в Хасавюрте. Джамалутдин, сын их имама, ходил к офицерам в гости и танцевал с их женами. Переговоры вдруг опять начали затягиваться. Проволочка была из-за того же миллиона рублей, которые хотелось

получить горцам. Ответ на их притязания звучал категорично: или Шамиль получает сына и 40 тысяч рублей, или князь Чавчавадзе отказывается от жены, сестры и детей. Но в последнем случае имам не увидит более Джамалутдина. Срок на размышление был дан до 5 марта. Шамиль созвал в Ведено почетных стариков и наибов, передал им ответ Чавчавадзе, а затем сказал: «Возьмите его семейство, я более держать не намерен». Только теперь наибы и старики поняли, что дела их приняли дурной оборот. Поблагодарив их, Шамиль отправил делегатов в Хасавюрт, куда прибыли к сроку 5 марта. Наконец деньги были пересчитаны, разложены по мешкам, отмечены сургучными печатями с той и другой стороны, уложены на подводы, и 9 марта царские войска, составлявшие охрану деньгам и Джамалутдину, тронулись к укреплению Кутинское. Вместе с сыном Шамиля выехали князь Чавчавадзе, переводчик Грамов и другие лица. По просьбе имама в Маюртуп явился Грамов. Было 4 часа утра. Шамиль приказал тотчас же подать чай, угощение. Утомленное его лицо выдавало, что он не спал всю ночь. Поблагодарив Грамова, он произнес: «Завтра большой у нас день. Так надо, чтобы никакой измены не было... Еще я хотел сказать, – продолжил Шамиль, – что хотя, по нашим обычаям, отец и не должен встречать сына, но я выехал навстречу собственно для того, чтобы проводить моих...» (речь шла о княгинях и их близких). Имама беспокоила мысль об измене. Он предупредил Грамова, что на рассвете прикажет всем наибам, чтобы ни один из них не смел переступить за границу места встречи. Подкрепляя эту мысль, он добавил:

Имам Шамиль

«Где в деле участвуют большие лица, там должна быть честность».

Затем задал несколько вопросов.

– Что же сын мой, здоров ли он?

– Слава богу, здоров.

– Он, вероятно, ни слова не знает по-татарски?

– Так, но это понятно: он столько лет прожил в России. Но вы за это не притесняйте его, он поживет с вами и научится.

– Поверь, что он будет у меня жить, как захочет. Пусть только живет со мною.

Шамиль признался, что всю ночь не спал, думал о встрече с сыном.

Встреча состоялась на следующий день на чеченской реке Мичик. На одном берегу на горке находились войска: 6 рот пехоты, 9 сотен казаков и 6 орудий. Над ними развевалось голубое знамя с генеральским вензелем. Солдаты стояли сомкнутыми рядами. Приказ был ни в коем случае не стрелять, но быть готовыми при надобности атаковать противника. Играл духовой оркестр. На другом берегу под большим черным зонтиком на траве сидел Шамиль. Позади него в 500 метрах, укрытая лесом, в абсолютной тишине стояла кавалерия из 5 тысяч человек. Имам временами становился на колени, чтобы удобнее было, и наводил подзорную трубу в сторону русских войск, может, догадается отцовское сердце, который из офицеров его сын. Но расстояние было велико. День выдался на редкость ясный, в небе сияло солнце. Снова прибыл Грамов, Шамиль попросил его взять из мюридов 35 человек, пленниц с детьми, его сыновей Кази-Магомеда и Мухаммеда-Шеффи и отвести их всех на 250 метров за реку. Туда же Шамиль предлагал привести его сына Джамалутдина, кого-либо из офицеров и для сопровождения их 35 солдат. Грамов согласно кивнул головой и двинулся первым. За ним тронулись арбы с княгинями, 16 пленных грузин, 35 мюридов во главе с сыновьями Шамиля. Кази-Магомед ехал на белой лошади, в белой черкеске и белой папахе. Мюриды представляли собой нечто вроде гвардии, это были самые отчаянные бойцы Шамиля, все они имели знаки награждения – звезды и круглые пластинки из золота или серебра. Одеты мюриды также со вкусом и богато. Вся эта группа производила сильное впечатление. Когда горцы дошли до назначенного места за Мичиком и остановились, Грамов поскакал к своим. Теперь с противоположного берега шли Джамалутдин, князь Чавчавадзе, барон Никола и 35 человек штуцерных. За ним следовали 16 пленных горцев и две фурштадские повозки с деньгами. Здесь произошло непредвиденное. Кое-кто из мюридов не выдержал и, чтобы поскорее увидеть вблизи сына Шамиля, пришпорив коня, помчался навстречу. Но их поняли правильно. Мюриды целовали руку Джамалутдину. Через минуту подъехала и остальная группа во главе с Кази-Магомедом: братья горячо обнялись. В это время мюриды опустили ружья дулами вниз и запели «Лаиллах-ил-аллах». Затем началось прощание. Расставались тепло, как родные. Князь Чавчавадзе, бывшие пленницы и их люди уехали на свой берег. Едва горцы повернули к себе, как из толпы бросился на Джамалутдина 16-летний юноша. Джамалутдин догадался, что это его младший брат Мухаммед-Шеффи. И на этот раз стояли мюриды, опустив ружья и отдавая почести. Поехали дальше. Джамалутдин заметил отца, который сидел под зонтиком. По бокам, поджав ноги по-турецки, видимо, очень важные лица. Позади на легком ветру как бы плыло большое знамя с серебряными надписями из Корана. До отца оставалось последних 30 шагов.

Джамалутдину подвели вороного коня. Глаза Шамиля загорелись, когда он увидел, с какой легкостью сын оказался в седле. Джамалутдин так же легко спрыгнул и медленно подошел к отцу. Они обнялись и долго стояли так. По лицу Шамиля текли слезы, но он их не стеснялся и не вытирал. Все понимали важность минуты. Никто из пяти тысяч всадников не шелохнулся, а пели свое «ла иллаху». Оторвавшись из объятий отца, Джамалутдин стал по правую от него сторону. Тут только Шамиль заметил четырех русских офицеров, стоявших чуть поодаль от него.

– Кто они такие? – спросил имам.

Грамов отвечал, что офицеры провожали его сына. Шамиль велел передать свою благодарность. Расставаясь, Джамалутдин обнялся с товарищами. Эту сцену все перенесли безболезненно. Человек 50 мюридов провожали офицеров за реку Мичик.

Джамалутдин снова очутился в седле и поехал, рядом с двумя своими братьями. Подъезжая к войскам, он обратил внимание на строгие порядки. У каждого отделения имелось свое знамя. Командиры находились перед фронтом и держали ружья в правой руке, на правом фланге всей кавалерии можно было увидеть две пушки. Позади них на нескольких арбах – снаряды. Джамалутдин выразил свое удовольствие, но, когда по команде начальников мюриды произвели несколько перестроений, а в заключение устроили скачки с джигитовкой, сын Шамиля пришел в восторг. После всего этого наибы и младшие командиры получили возможность приветствовать сына Шамиля с благополучным возвращением. Он ответил улыбкой и отдавал честь.

Через час войска углубились в лес, праздник кончился, начались суровые будни.

... В России не переставали интересоваться судьбой Джамалутдина. Но сведения, поступавшие из владений Шамиля, были куцыми, неполными. Говорили, что сын имама совершил путешествие по Дагестану и Чечне, посетил свою родину Гимры, поднимался на Ахульго, заходил в Ашильту, откуда была родом его бабушка по отцу – Баху-Меседу. Джамалутдину разрешалось поступать так, как ему заблагорассудится, только одного у него просил отец – жениться на дочери чеченского наиба Талгика, молоденькой девушке. После гибели легендарного наиба Шамиля Ахверди-Магомы чеченцы не так слушались. Чтобы их нового наиба связать с собой родственными узами, и нужен был этот брак. Джамалутдин выполнил просьбу отца. Отец просил еще взять в свои руки административное управление краем, но сын не проявил рвения, вопрос так и остался открытым. Джамалутдин быстро вспомнил аварский язык и теперь нет-нет да и беседовал в свободное время с отцом. Рассказывал ему о России, тамошних порядках, о железной дороге, заводах, фабриках. Он говорил, что победить такую страну, как Россия, невозможно, она слишком огромна и людей в ней более 100 миллионов.

– А мы и не стараемся победить Россию, – отвечал Шамиль, – мы хотим, чтобы нас оставили в покое.

Джамалутдин иногда отправлял письма знакомым в Россию. Шамиль не противился этому. Сын читал также русские книги, журналы. И это переносил отец. Однажды Джамалутдин пригласил к себе Хаджи-Али из Чоха и предложил перевести с арабского на аварский язык Коран. Ученый боялся имама, но сын его уверял, что не только берет ответственность на себя, но и вознаградит щедро за работу. Хаджи-Али сделал перевод двух первых сур Корана, получилось как будто неплохо. Затем ученый и Джамалутдин отнесли перевод и самому Шамилю. П.К. Услар писал, что будто имам также похвалил работу и сказал, что оба они делают богоугодное дело, но что война с врагами Дагестана еще богоугодней и пусть Хаджи-Али и Джамалутдин сейчас обращаются к сабле, чем к перу.

Насколько нам известно, старший сын имама после возвращения на родину ни в одной военной операции не участвовал, впрочем, его, кажется, никто и не заставлял. Джамалутдин был в смятении. Оторванный от привычной жизни, от друзей, невесты, он не знал, что делать. Он вернулся на родину, к отцу, к братьям, к бабушке Баху, которая нянчила его в далеком детстве. Но успокоение не приходило. Шамиль предложил ему поехать к брату Кази-Магомеду в Карата. Места эти отличались чистым воздухом и красивой природой, сосновым лесом. Джамалутдин прожил некоторое время в Анди, затем с женой переехал в Карата. Но еще в дороге он почувствовал недомогание. Будучи худым, он еще более сдал.

И вот однажды в 1857 году в Хасавюрт к командиру кабардинского полка князю Дмитрию Ивановичу Святополк-Мирскому прибыл человек. Он приехал от Шамиля. Его пустили. Он сказал, что известный русским сын имама Джамалутдин в крайне тяжелом состоянии. Немедленно полковник потребовал к себе лучшего врача Хасавюрта хирурга Пиотровского. Врач стал расспрашивать о проявлениях болезни. По рассказу мюрида выходило, что Джамалутдин заболел чахоткой. Страшнее этого в ту пору трудно было представить. В тот же день Пиотровский приготовил лекарства, подробно и долго объяснял, как их принимать, и отправил посла имама обратно.

– Если будет надобно, – сказал врач на прощание, – я приеду.

А по Дагестану уже катился слух, будто Джамалутдину в России дали отраву с медленным действием. И сколько тот ни уверял в нелепости выдумки, никто не верил. Джамалутдин с досады кусал губы и даже плакал. Только после долгих объяснений братья Кази-Магомед и Мухаммед-Шеффи удостоверились, что слухи не имеют под собой почвы.

Через некоторое время в Хасавюрте снова объявился тот же мюрид – Джамалутдину стало очень плохо. Пиотровский, ни на минуту задумываясь, захватил аптечку, инструменты и с разрешения начальства выехал в горы. Когда русский врач прибыл в Карату, его повели к сакле, у дверей которой ходил вооруженный мюрид. В комнате, где лежал больной, почему-то было темно, хотя во дворе стоял день. На столе горела свеча, едва освещая простую железную кровать. Джамалутдин спал, но от шума проснулся и несказанно обрадовался приезжему. Сейчас же были сдернуты простыни с окон, открыли дверь. Свежий воздух наполнил комнату. Доктор оставался в Карате три дня, но изменить что-либо он уже не мог. Дни сына Шамиля были сочтены. Рядом с умирающим находилась юная жена, дочь Талгика. Глубокой осенью в октябре 1857 года Джамалутдина не стало. Там же в Карате его предали земле. Опять отца не было рядом: кризис в стране и тяжелые бои в Салатавии отвлекли его. Борьба горцев шла к своему закату. И как писал французский романист А. Дюма, «Шамиль нашел своего сына как бы для того, чтобы снова потерять, но уже безвозвратно».

СЕМЬЯ

Изумруд Атаева

Вынужденная необходимость. Или... разврат?

Есть в нашем обиходе темы, на которые не принято говорить открыто… Эволюционировав технологически, человечество в моральном плане так и не смогло избавить себя от заразы ханжеством, когда постыдное с точки зрения большинства явление замалчивается, тем самым как бы формально упраздняется. Но такова уж природа человеческого естества: чем больше наложено на что-то запретов, тем пристальнее к нему людское внимание.

Многоженство с некоторых пор в нашей республике приобретает все более массовый характер. В окружении каждого из нас есть немало знакомых, выстроивших свои межполовые взаимоотношения в соответствии с этой моделью. Очередной констатацией данного факта стала история моей приятельницы, оказавшейся в ситуации полигамного брака. История, вызвавшая немало пересудов в кругу общих знакомых. Причем реакция была диаметрально противоположной: от явного негодования и осуждения вероломного супруга до либеральных отзывов, с оттенком обреченности, мол, не она первая, не он последний… а порой и с едва уловимой завистью со стороны мужчин к более решительному собрату.

Наслушавшись разноречивых отзывов, расценивающих полигамию как: своеобразную форму наложничества, удобную ширму для разврата, одну из институций современного религиозного брака, вдруг поймала себя на мысли, что едва ли могу дать ей однозначную оценку. Ведь чтобы судить о предмете, необходимо изучить его. Что же выясняется?

Полигамия – от греческого **poli** – много, **gamos** – жена. В животном мире существует аналог многобрачия – **полигиния** – когда самец спаривается с несколькими самками. Как правило, происходит это в периоды падения численности вида из-за всякого рода эпидемий и прочее.

Оказалось, что проблема полигамных отношений стара как мир, и полигамный брак прерогатива не только диких африканских племен. Упоминания о полигамии можно найти уже в Ветхом Завете: первыми официально признанными многоженцами, по свидетельству древней летописи, были израильские цари – Давид (100 жен и 200 наложниц!) и Соломон (300 жен, 400 наложниц!). В древнем Израиле многоженство было одним из обязательных этических требований, являвшимся следствием культа семьи. Оно накладывало на мужа нескольких жен жесткие обязательства заботиться о них, блюсти в равной мере их имущественные и иные интересы. Полигамия, по мнению израильтян, нисколько не противоречила идее брака как таковой, да и библейским заповедям. В Библии, действительно, нет запретов на заключение мужчиной брака более чем с одной женщиной. Напротив, Библия косвенно приветствует многоженство: в первую очередь – как средство борьбы с развратом, во вторую – как регулятор демографической ситуации в случаях высокой смертности репродуктивно активных мужчин и новорожденных, а также как средство социальной защиты малоимущих женщин и их потомства.

Однако, все же, первооснова многоженства – прагматична, а религия выступает как его логическое обоснование.

«Адам познал Еву, жену свою, и она зачала» (Бытие, 4:1). Нет нужды объяснять, что подразумевает термин «познание»… Высшая степень единения и познания ближнего по библейским критериям – единство плоти и духа, вступившие в половую близость люди становятся как бы «одной плотью», «познание» человека человеком – это путь к познанию самого себя. Естественно, что «познание» накладывает огромную ответственность на «исследователей», соблюдение определенных обязательств друг перед другом, немыслимых при разгульном образе

жизни. При этом библейская сексуальная этика негласно придерживается «двойных стандартов»: разрешая многоженство, она категорически запрещает многомужество, «полиандрию», ведь появление лишнего мужчины в жизни женщины сулит ее супругу ревнивое соперничество, сопряженное с массой греховных раздумий и поступков. Многомужество приравнивалось церковью к одному из тяжких смертных грехов! Что же касается женской ревности, то ее по ветхозаветным канонам провоцирует не столько принадлежность любимого супруга другой женщине, сколько неспособность к деторождению.

Библия пестрит примерами, когда плодовитая жена, умышленно или подсознательно, всячески унижает и истязает бесплодную соперницу до тех пор, пока не вмешается божественное провидение, позволяющее мученице заиметь-таки потомство. Забавно, что кроме вопроса репродукции, в Библии нет и тени намека на иные причины женской междоусобицы, особенно на то, что причиной конфликта может послужить мужчина как таковой! Напротив, он почти всегда выступает в роли «адвоката» ущемленной жены, разумно соблюдая интересы и конфликтующей стороны.

Наложничество – одна из разновидностей полигамных отношений – так же широко практиковалось в древности, и Израиль не был исключением. Наложнице присваивался статус «дополнительной жены», и хотя ее положение было ниже официального статуса, по библейскому законодательству ей полагалась часть имущества, не изымаемая даже в случае развода или смерти супруга. Дети наложниц, конечно же, сыновья, могли претендовать на наследство «любвеобильного» папаши, правда, с меньшим долевым участием. При отсутствии прямых наследников мужского пола и вовсе становились полноправными хозяевами всего имущества.

Встречались в те времена и случаи вынужденного многоженства, когда из-за смерти близкого родственника бездетный мужчина обязывался жениться на вдове, автоматически взяв заботу о ней и ее потомстве на себя.

Поразительно, что ветхозаветное попустительство в вопросе полигамных отношений продолжалось вплоть до середины **18 века**, и не только не осуждалась церковью, но пропагандировалось, как средство против прелюбодеяния.

Полигамная практика нашла широкое применение и в европейских королевских династиях, в первую очередь, как политическая доктрина, позволяющая заключать «спекулятивные» политические браки, где вынужденное соседство с нежеланной женщиной с лихвой дополнялось любовными утехами с легализированными фаворитками.

Возможно, что церковный либерализм длился бы и дольше, если бы не распространение греческой культуры и философии, пропагандировавшей идеи индивидуализма и воспринимавшей плоть, как нечто земное, далекое от божественного, а посему греховное. Радикально настроенные сторонники греческой теологии не только ратовали за моногамию, но и вообще отвели сексуальным отношениям лишь навязанную природой функцию деторождения. (Интересно, что бы стало с человеческой расой, и сексуальными отношениями в частности, если бы искусственное оплодотворение и, тем паче, клонирование было открыто в те времена?)

Следствие этих моральных преобразований – церковный бракоразводный кодекс, строго ограничил, а впоследствии и вовсе упразднил полигамию.

Надо сказать, что традиции многоженства, издревле присущие арабским народам, не были затронуты греческим аскетизмом, а исламизация не только оправдала полигамию с религиозной точки зрения, но и канонизировала ее. И если христианство божественным считало **целибат** (церковное безбрачие), то ислам воспринимал таковым **брачные отношения**. Ислам стал самой терпимой религией в вопросе межполовых взаимоотношений, расценивая секс как **величайшее благо**, дарованное Всевышним, но только в рамках брака! «…***Он создал вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними, устроил между вами любовь и милость***» (Коран 30:20), «…***возьмите себе в жены женщин, сколько вам желательно, двух, трех, или четырех***» (4:4). Немаловажным условием при этом является соблюдение равноправия среди жен: «***А если вы боитесь, что не будете поступать по справедливости, то возьмите в жены одну***» (4:4).

Не стоит говорить о том, что одним их главных и первых пропагандистов мусульманского многобрачия был и остается пророк Мухаммед. Но вряд ли его можно считать идеологом полигамии, поскольку большинство его браков были политическими, заключались с целью урегулирования межклановых конфликтов. Несколько браков были лишь средством социальной защиты вдовых одиноких женщин. То, что ребенка ему принесла только одна жена, а большинство из жен были, мягко говоря, не молоды, вряд ли характеризует его как человека «обуреваемого плотскими страстями», но как благородного мужчину, мудрого политика.

Долгое время многоженство оставалось привилегией знати, даже служило своеобразным знаком социального отличия. Однако позже ее примеру последовал и простой люд, в особенности крестьяне – «запасная жена» очень выручала в хозяйстве; живя эдакими коммунами, крестьянские полигамные семьи могли легче прокормиться. Правда, в сельской местности были более распространены «бигамные» браки – две жены обходились дешевле, поскольку родителям невесты уплачивался свадебный «калым».

Исламские проповедники, сторонники многобрачия, часто аргументируют правомерность такого рода отношений не только морально-этическими нормами ислама, но и тем, что его практикуют многие народы мира. Как свидетельствует история, эти слова не лишены логики. И если в наши дни в полигамном обществе живет лишь 10% землян, то на протяжении сотен веков так жили практически все не затронутые европейской цивилизацией народы.

В пользу полигамных отношений некогда выступали лучшие умы Европы: Юм, Вольтер, Руссо. Знаменитый немецкий философ Шопенгауэр рьяно пропагандировал многоженство, считая его наивысшим благом и для мужчин, и для женщин, а моногамию – мотивом, побуждающим мужчин к безнравственности, особенно, если их жены больны, стары или, того пуще, сварливы!

В двадцатом веке вопрос полигамных браков приобрел некоторую актуальность, в контексте вереницы мировых войн, прокатившихся через всю Европу и оставивших ощутимые последствия. Так, в начале 20-х годов прошлого во Франции была организована Ассоциация в поддержку института полигамии, основатель которой некий Джоржес-Анкветил даже выпустил книгу «Гражданский сожитель.

Или полигамный брак будущего», ставшую популярной за пределами Франции. В ней выразились настроения многих европейцев, пострадавших от первой мировой войны. Оно и понятно, ведь на момент выхода книги в Европе женское население на **18 миллионов превышало мужское**! Следующая, вторая, по счету мировая война, развязанная гитлеровской Германией, в определенный момент заставила страну-зачинщицу серьезно задуматься о полигамии. Лидер нацистов Мартин Борман даже озадачился подготовкой закона, обязывающего всех истинных арийцев вступать в интимную связь с большим количеством немецких женщин. Для пущей убедительности он провел целую пиар-кампанию среди немецких женщин. Те, в свою очередь, тоже «не сидели сложа руки» – создали свою Лигу, обратившуюся к Рейху с просьбой легализовать многоженство. Возможно, что и само германское правительство питало благосклонность к данной женской инициативе?! Кто знает, может быть, с легкой руки партайгеноссе Бормана со временем почтенные бюргеры превратились бы в добропорядочных владетелей гаремов, если бы не противодействие церкви.

Случись тогда полигамная реформа, может быть, современные немки не испытывали бы «дефицита мужей». В нынешней Германии: 20-летние девушки всерьез озадачены поисками мужа. 30-40–летние считают успех почти нереальным, а после 50-ти и вовсе отчаиваются выйти замуж. Процентное соотношение замужних дам после 30–40 лет здесь составляет 30-20 %, а количество незамужних – от сорока и выше – достигло рекордной цифры – 6 миллионов, и это вполне объяснимо, ведь в этой возрастной группе почти нет неженатых мужчин!

Надо сказать, что в исламском мире полигамия прижилась основательно, ведь из 38 мусульманских стран на сегодняшний день она узаконена в 22-х! Но только 15–20 процентов их граждан-мужчин имеют по нескольку жен. Ведь это, повторюсь, не дешевое удовольствие.

В советские годы многоженство было уголовно наказуемым. Сластолюбивому обладателю официального гарема грозил штраф от 50 до 100 минимальных окладов, а при наличии отягчающих обстоятельств и вовсе – «прописка на нары» сроком до 3-х лет. До сих пор в Центральной Азии и на территории России многоженство преследуется законом! Вот только как тогда, так и сейчас, доказать наличие полигамного брака довольно сложно. Супруги должны вести совместное хозяйство, в иных случаях добровольное сожительство мужчины с несколькими женщинами не имеет состава преступления.

На постсоветском пространстве, где наряду с представителями различных религиозных конфессий проживают и мусульмане, отношение к многоженству неоднозначное. Туркмения – **единственная из стран бывшего Союза** – где официально разрешено иметь до 4-х жен. В Киргизии полигамные браки были популярны в дореволюционные годы. Но и сегодня вопрос многоженства актуален среди киргизов, о чем красноречиво свидетельствует вынесение его на парламентские слушания. В Узбекистане многоженство официально популярно лишь у 2-х процентов населения, но, думается, что число тайных его сторонников выше. Успешно практикуется полигамия в Чеченской республике. В Ингушетии в годы правления президента Аушева этот вопрос также обсуждался на высоком уровне. Его примеру пытались последовать и российские парламентарии – инициатором законодательного введения многоженства выступил самый одиозный депутат ГД РФ – Владимир Жириновский. Законопроект можно было бы счесть очередной экстравагантностью «шоумена от политики», если бы его инициативу не поддержал 21 депутат! Да и россияне не остались в долгу. По данным соцопроса, проведенного по горячим следам одним из центральных телеканалов, полигамию сочли допустимой для мусульман 46% россиян, для русских – 14%! Но то мужчины, скажете вы, они, как известно, всегда «за!». Что ж, обратимся к потенциальным претенденткам на «должность добавочной жены». По свидетельству одного из Интернет-изданий, проводившего опрос среди своих читательниц, резко негативно к ухаживаниям женатых мужчин относятся 24% респонденток, 8% – положительно, 12% – действуют по наитию, 57% – применительно к личности самого ухажера. Выходит, что ухаживание семьянина готовы принять три четверти россиянок?!

«Существенный вклад» в дело массовой «полигамизации» россиян, в последнее время вносят и дагестанцы. И этому есть свои объяснения: несмотря на официальный статус светской республики, превалирование среди населения мусульман делает дагестанцев более терпимыми к «добавочным» бракам.

Жизнь изобилует примерами полигамных отношений среди современных дагестанцев. Один из наиболее ярких примеров памятен мне еще с детства, поскольку в роли создателя мини-гарема выступал не кто иной, как мой родной дед по отцовской линии. Дед отличался бешеным темпераментом и врожденной харизматичностью, затмевавшими неказистую внешность (он был лыс, коренаст и слегка косолап). Однако без зазрения совести, используя природное обаяние и «хорошо подвешенный язык» он легко мог обаять и юную красотку, и зрелую женщину, результатом чего был его изрядный «послужной список»: официальных браков по «магъару» – четыре, и еще десяток молоденьких любовниц. Замечу, что его харизма основательно подкреплялась финансово – он был бухгалтером одного из крупных совхозов, человеком обеспеченным и не прижимистым. К тому же, расставаясь с очередной пассией, заботясь о ее будущем благополучии, он довольно удачно сплавлял ее замуж.

При резкой социально-экономической границе между разными слоями населения «магаър» воспринимается более лояльно по отношению к женщине. И сами женщины расценивают исламский брак с обеспеченным мужчиной как менее постыдный, чем официальный – с малообеспеченным, не способным прокормить себя и семью. (Вот только как быть с мужчинами, у которых один существенный недостаток – отсутствие коммерческой жилки – в глазах женщины перекрывает все его личностные и человеческие достоинства). Относительно лояльности населения в этом вопросе, замечу, что в современном Дагестане, где исламские традиции, чудовищно смешавшись с привнесенными, извратили общественные нравы, нередко «магъар» служит удобным прикрытием для легализованной проституции.

В конце 90-х, когда мусульманские браки стали почти обыденными, несколько знакомых мне девушек намерено пошли на подобные отношения с обеспеченными «женатиками», не скрывая, что совершают сделку – «подороже продают свое молодое тело», при этом, как бы оставаясь в рамках общественной морали.

Но это отнюдь не означает, что все мужчины, и в особенности женщины, практикующие полигамию – моральные уроды. Весомым фактором популяризации «брака по магъару», по-моему, стал перевес женского населения в республике. Массовая миграция мужского населения в самом расцвете сил спровоцировала ситуацию, когда «на десять девчонок, уже не девять, а значительно меньше ребят…». Иллюстрацией этой версии служит история моей приятельницы, которая к тридцати годам, подуставшая от неустроенного быта, обуреваемая желанием реализоваться в материнстве, так и не дождавшись «принца» (одногодки давно и успешно окучивают бизнес-просторы матушки России), уступила настойчивым ухаживаниям женатого, но обеспеченного поклонника. Став его мусульманской женой, она пояснила подругам, что лучше стабильность с семейным и щедрым мужчиной, чем кратковременная страсть с капризным и взбалмошным юнцом.

Появление вторых и третьих жен в Дагестане спровоцировано и приверженностью населения традициям, по которым насильственные браки, заключенные под давлением родителей, закономерны. Женившись на угодной родителям девушке, в силу обстоятельств мужчина не всегда может развестись и соединиться с желанной избранницей, и тогда на помощь приходит «никох» (мусульманский брак).

Лет двадцать назад одна знакомая мне влюбленная пара не рискнула соединиться, дабы не перечить родителям в обеих семьях, предубежденным против интернациональных браков. Семьи, созданные по их настояниям, не удались. Девушке попался муж-алкоголик, намыкавшись, она ушла, забрав детей. Парню досталась чужая по духу женщина, тем не менее, подарившая ему долгожданных детей, ради которых он поддерживал иллюзию семейного благополучия. Когда стало ясно, что жизнь зашла в тупик, они решили, что вправе заключить «мусульманский брак», который поможет им не сиротить детей при живом отце, и обрести долгожданное, выстраданное счастье.

Думаю, что при более пристальном изучении данного вопроса можно было бы отыскать еще массу обоснований многоженству, иллюстрирующих их в нашей республике. Но суть не в этом. А в том, насколько оправдана полигамия в современном обществе. Есть ли будущее у моногамного общества? Вопрос о рациональной необходимости подобных семейных отношений сегодня все чаще озвучивается и в Старом, и в Новом свете. Сторонники полигамии аргументируют свои убеждения тем, что адюльтер, пропагандируемый СМИ и киноиндустрией, гомосексуализм, наркомания, снижение рождаемости несут серьезную угрозу не только моногамной семье, но и всей европейской цивилизации в целом! (В Америке, к примеру, сегодня все более популярны «семейные треугольники», где наличие двух жен позволяет не только разнообразить сексуальную жизнь, но, отчасти, и психологически защититься от моральных потрясений, связанных с супружеской изменой).

Трудно не согласиться с такими доводами, но как быть с теми, для кого сама идея многобрачия кажется чем-то диким, чуждым, а потому – пугающим. И вообще, какая модель семейных отношений разумнее и лучше: моно или поли?..

В конце концов, плохо это или хорошо?

Рассуждать логически, отбросив все религиозные и финансовые аспекты «проблемы». Судя по тому, что 70% женатых мужчин имеют или имели внебрачные связи, тогда как среди женщин этот процент равен всего-то 20, это свидетельствует, о том, что полигамия, в том или ином виде, обречена на существование. Обусловлено это не банальщиной типа все мужики «сво...», а фундаментальными различиями в сексуальной, психологической и эмоциональной организованности мужчин и женщин. Именно в этом, на мой взгляд, и коренится глобальная проблема отсутствия должного взаимопонимания между полами. Согласитесь, поиск новых партнерш таким количеством семейных мужчин обусловлен чем-то большим, чем простой неприязнью к супруге. По утверждению психологов – специалистов в области семейных отношений – супружеская неверность, как среди мужчин, так и среди женщин, провоцируется как социальными, так и физиологическими причинами.

В большинстве вариантов измена не является результатом потери любви и интереса к жене. Мужчины по природе своей более сексуально активны, в отличие от женщин избавлены от разных «девичьих радостей» и беременности. Секс для них ценен не только как признак здоровья, благополучия, он ценен сам по себе. Примечательно, что чем выше коэффициент интеллекта мужчины, тем активнее он в сексуальном плане, тем больше вероятность увеличения количества его партнерш. Что касается женщин, то тут все сугубо индивидуально.

Решившийся на создание добавочной семьи мужчина идет на этот шаг осознанно, понимая, принимая ответственность, которая ложится на него в этом случае. Бремя обязательств уже не оставляет многоженцу ни сил, ни времени на внесемейные шалости. Более того, он даже нуждается в наложении ограничений, что нередко прекрасно осознает и сам!

Полигамность мужчин не стоит сводить к примитивной физиологии. По признанию мужчин, секс на стороне, хотя и привлекателен, но не является для большинства самоцелью. Поскольку они, равно как и женщины, нуждаются в эмоциональной подпитке, в человеческом общении, участии, в заботе. К тому же сексуальная жизнь в браке и случайные связи качественно разнятся между собой. В первом случае человек сознает, что он ответственен за человека, вверившего ему себя, во втором – погоня за острыми ощущениями рано или поздно приводит к моральной опустошенности. При всей развернутости к сексу нынешнее общество не в состоянии создать для большинства людей качественные условия половой жизни. Рекламируя свободу морали, иногда агрессивно навязывая сексуальную «культуру», оно в итоге добивается обратного эффекта – разрушения половой активности человека.

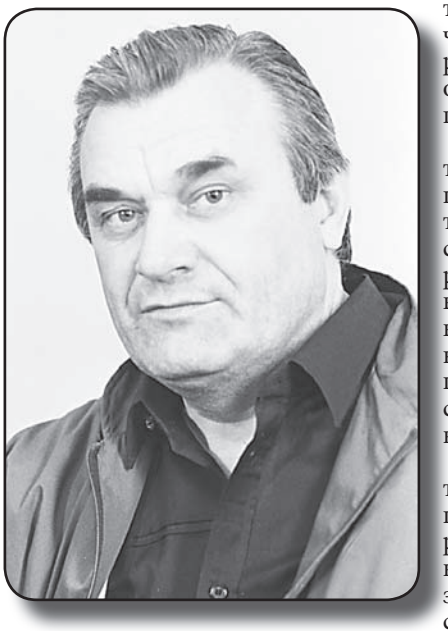
Безусловно, в идеале моногамный брак удобен для женщины, поскольку накладывает ответственность на плечи мужчины, защищает ее от одиночества, от клише «любовницы-разлучницы», ее имущественные интересы и прочее. Суррогаты полигамного брака, существующие сегодня, как в России, так и за рубежом, вряд ли способны принести моральное удовлетворение людям, как в законном браке. В особенности – женщинам. И при всех сопутствующих плюсах многоженства у него есть существенный недостаток – оно вне закона, а значит не дает юридических гарантий «запасным женам и их потомству».

Возможно, что в будущем полигамия и займет свое скромное, но все же законное место. Воплотив в реальность утопию об идеальной модели семьи. Вот только, идеалы имеют особенность рушиться…

К 70-летию Владимира НОСОВА

Владимиру Носову – 70. Дата, располагающая к размышлениям: как жил, что сделал, как завершить начатое, над чем еще можно поработать.

У писателя это книги. Их у Владимира Носова немало: и собственные, и те, которые он перевел с дагестанских языков на русский.



Если обратиться к прошлому, то непременно к 60-годам XX столетия, к тому времени, когда Дагестан бурно развивался: возводились крупнейшие в СССР объекты энергетики, промышленности, сельского хозяйства. Говоря языком того времени, Владимир Носов находился на переднем крае: в качестве корреспондента газет «Комсомолец Дагестана», «Дагестанская правда» он побывал во всех уголках нашей республики. Читатели старшего поколения и теперь, наверное, помнят его репортажи со строительства Чиркейской ГЭС и других объектов самого широкого значения. Это были репортажи о кипучей жизни горного края.

Тогда же стали появляться в печати его рассказы. Литературная критика сразу обратила на них внимание. А после выхода в свет первой книги «Незримые крылья» о нем заговорили как о уже сложившемся талантливом писателе. Это мнение был подкреплено последовавшими за первой книгами рассказов и повестей: «Непутевый», «Зимним вечером», «В начале лета», «Затяжные дожди» и другими.

В романе «Счастливые дни Багулова» перед читателем предстал зрелый, вдумчивый автор, за плечами которого был большой жизненный опыт, творчество его приобрело глубину, масштабность.

Владимира Носова как писателя не могла не заинтересовать перестройка в стране. Он работал, что называется, по горячим следам. Роман правдивый, интересный, в нем нашли отражение все нюансы перестройки. В итоге вышла книга «Жажда прекрасного мира», за которую ему было присуждено звание лауреата Государственной премии Республики Дагестан.

Много и плодотворно работал писатель и над переводами произведений дагестанских авторов на русский язык. А перевод книги Хабиба Алиева «Батырай» заслуживает без преувеличения самой высокой оценки, какой только может быть отмечен литературный труд.

Конечно же, настоящему писателю возраст не помеха, скорее, подспорье. Что и доказывает своими книгами наш юбиляр.

Пожелаем ему здоровья и творческих удач!

Крутилин и другие

Отрывок из нового романа

– Марат Григорьевич ждал вас, но неожиданно явился крупный заказчик... Вам – чай? Кофе?

Этими словами меня встретила молоденькая белокурая секретарша в приемной Крутилина...

В прошлой жизни (до августа 1991) я едва его знал. Однажды я выступил по его ведомству (он заведовал промотделом крайкома партии) с критической статьей. В те дни проходило отраслевое совещание, и кто-то цитировал мою статью. Крутилин подошел ко мне в перерыве, благодарно тряс руку, предлагал сотрудничество: «Давай встретимся завтра же... Впрочем, я позвоню».

Но он не позвонил. Я тоже не звонил ему. Потом все круто переменилось, и о новых технологиях никто больше не говорил. Говорили о приватизации.

Время показало, зачем спешили с передачей государственной собственности в частные руки. Бесхозные предприятия можно было заполучить за символическую цену: завод на тысячу рабочих мест приобретался по стоимости гоночного велосипеда.

Крутилин приглядел для себя то самое предприятие, которое когда-то обещал осовременить, наладил производство стальных дверей и решеток, быстро разбогател. Теперь у него едва ли не лучший особняк в городе, сказочной постройки дача, несколько иномарок, в доме прислуга, повар, у детей

гувернантка. Всякий может убедиться в этом, посетив престижный микрорайон. До войны там были огороды. Летом 45-го стали появляться новые дома – строились возвращавшиеся с войны солдаты. После 91-го хозяев зеленого микрорайона стали вытеснять молодые компрадоры, напористые, ни перед чем не останавливающиеся, из тех, кто, как и Крутилин, сумел разбогатеть в один присест...

Вчера Крутилин неожиданно позвонил мне домой, предложил встретиться, чтобы поговорить о деле.

– Оно заинтересует тебя, – сказал он.

Были в его словах этакие многозначительные и загадочные нотки, побудившие меня сразу согласиться на встречу.

Я попросил секретаршу ни о чем не беспокоиться, сказав, что подожду, сел на диван черной кожи, стоявший тут же, у входа.

Секретарша принялась было печатать, но передумала, сняла трубку и долго говорила, очевидно, с подругой. Но тут на столе с телефонами мигнул зеленый глаз, секретарша поднялась из-за стола и открыла передо мной дверь кабинета...

Он шел ко мне по паркету, гостеприимно разведя руки и одобрительно кивая. Видимо, мое смиренное ожидание в приемной сполна удовлетворило его самолюбие, хотя, играя в искренность, он сказал:

– Прости, что заставил ждать.

Пожав мне руку и держа мою ладонь в своей, повел к дивану, тоже кожаному, нежному, мягкому. Сам, однако, не сел, прошел к глухой стене, у которой стоял огромный письменный стол. Над столом, на почтительной высоте, висел портрет президента, улыбающегося и розовощекого. Прежде там, видимо, висела другая рама с другим лицом, и больших размеров. От нее и теперь оставался светлый прямоугольник. Казалось, президент занял место, предназначенное совсем не ему, и оттого улыбался, как бы говоря всякому, кто на него взглядывал: «Не ожидали?».

Из шкафа позади своего стола Крутилин достал бутылку коньяка, рюмки, плитку шоколада.

– Доброе дело добром и начнем.

Как ни старался я относиться ровно ко всему, что происходит, к словам Крутилина, хозяина этой новой жизни, (что он хозяин, я убеждался все больше), я не мог избавиться от внутреннего напряжения. «И, правда, надо выпить: сижу, словно абитуриент перед профессором».

Крутилин, заговорил о сложностях, с которыми сталкиваются деловые люди. Это и непомерные налоги, и рост цен на сырье, и алчные чиновники, и тысячи других препятствий на пути серьезного производителя. Не говоря о рэкетирах, которых, кажется, власти сами же расплодили,

– Необходимо, чтобы рядом был человек, способный вовремя подсказать, посоветовать, удержать от неверного шага, чтобы на капитал своего патрона смотрел, как на свой собственный, способствовал его росту, уберегал от случайностей. Словом, нужен талантливый человек. Талант, скажу я тебе, тот же капитал, что и деньги, и даже больше. Как тебя по отчеству?

– Меня все по фамилии зовут, – сказал я.

– Ну, так и я буду называть тебя Гораевым... Я по сей день помню твою статью: слов мало, мыслей много. Вот, думал, сукин сын, сразу все увидел и все понял. Я, начав заниматься бизнесом, вспомнил о тебе.

Крутилин откровенничал со мной, а я терялся в догадках: он хочет, чтобы я сотрудничал с ним... как журналист, газетчик с опытом работы? Но ведь он не приглашал меня пять или шесть лет, пока развивал свой «железный бизнес». Что произошло?

– Давай, Гораев, договоримся, – он смотрел на меня трезвым, пытливым взглядом, – свои мысли о партнере, а мы, надеюсь, станем партнерами, выражать вслух. Чтобы лучше понимать друг друга, и доверять...

– Профессия научила меня размышлять по любому поводу... – сказал я

– Потому и пригласил тебя, что умеешь размышлять... Дело в том, что депутата Госдумы от нашего края, Моргунова, взяли в правительство... – его губы искривились в усмешке, тогда как в голосе сквозила плохо скрываемая зависть. – Ведь не зря говорят, дуракам везет. Что он собой представляет? Комсомольский агитатор, болтун... до седых волос. И в Думу попал под шум демократической волны. Языком он мастак!

– Он прошел и во вторую Думу, вот и в правительство пригласили, – напомнил я.

– Да, да... – Лицо Крутилина приняло обычное, хмурое, выражение. Ты, конечно, догадался, чего я хочу... В крае я не чужой, люди меня знают, работать умею, ты знаешь. Однако кампанию нельзя начинать с кондачка, нужно все продумать до мелочей – от сбора голосов до дня выборов. И тут я рассчитываю на тебя. Не спорь, хороший журналист всегда и хороший политик. Крутилин откашлялся с какой-то хитрецой и дружелюбно улыбнулся:

– Я перелистал подшивку газеты, в которой ты работаешь. Вижу, судишь о нынешних делах трезво... Словом, предлагаю сотрудничать.

Я внутренне улыбнулся, вспомнив предложение сотрудничать шестилетней давности.

– Получать будешь тысячу долларов в месяц, – произнес неожиданно Крутилин. – За всякую интересную идею – отдельно, в виде премии. – Улыбнулся строгой, рассчитанной на деловое понимание, улыбкой, и уверенно заключил: – Вижу – согласен. А коли так – обсудим детали.

На город опускался вечер, зажигались огни, редкие, они не способны были рассеять сумерки. Я шел по бульвару, размышляя о беседе с Крутилиным.

Как переменились люди! Вчера Крутилин с высокой трибуны призывал строить коммунизм, и люди верили в светлое будущее, а нынче он – владелец завода, капиталист – тоже призывает работать, но с иным раскладом. А рабочие, растерянные, никак не могут поверить, что все это всерьез.

– Теперь ты понимаешь, почему я хочу в Госдуму? – спрашивал Крутилин, когда мы обсуждали его предвыборную кампанию.

– Чтобы создать партию промышленников-капиталистов, – уверенно сказал я.

– Правильно! Промышленники России должны иметь в Госдуме свою фракцию, а со временем – свою партию, всероссийскую с региональными отделениями! – Глаза его загорелись. Но тут он внутренне одернул себя, нахмурился. – Но... сначала надо пройти в Думу. Погоди, Гораев, мы еще наворочаем с тобой дел!

* * *

– Ну, как наши дела? – спросил Крутилин, когда через два дня я снова оказался в его кабинете.

Я достал из своего дипломата папку с бумагами:

– Здесь наброски, планы, проекты...

Он положил перед собой папку, сосредоточенно смотрел на нее какое-то время, но неожиданно заговорил о другом.

– Как ты считаешь, Гораев, долго наш Моргунов продержится в правительстве?

Крутилин был убежден, что недолго. Его выдавала лукавинка в глазах, которую он тщетно пытался скрыть за нахмуренными бровями.

– Судя по тому, что за последний год сменились четыре правительственных кабинета, то век нового состава недолог…

– Стало быть, их тоже скинут месяца через три-четыре, – удовлетворенно сказал Крутилин. – У него, – большим пальцем руки он указал за спину, на портрет, – это решение не заржавеет.

– Если бы он сам решал, – попытался продолжить я щекотливую тему.

– Так ты, думаешь, президент эти семь лет после Горбачева не сам решает государственные дела?

– Сам... с подачи других.

– Хм... – Крутилин поднялся, прошелся по кабинету, снова сел за стол и обратился к бумагам. – Ты вот пишешь, что избиратели сегодня голосуют не за то, что им обещают, а против того, что им надоело, что привело их к обнищанию. Выходит, я и пообещать избирателям ничего не могу?

– Боюсь, Марат Григорьевич, вы недостаточно знаете о настроении людей. Они считают, выборы на всех уровнях связаны лишь с очередным переделом собственности. В начале девяностых верили в предвыборные обещания, теперь, в конце девяностых, не верят. Следует продумать, какими ресурсами обладает наш край, как создать новые рабочие места. Чтобы люди поверили в перспективу. Тогда и вам поверят...

– Это так, – губы Крутилина дрогнули в скептической усмешке. – Но пока мы с тобой разрабатываем концепцию психологического воздействия на электорат, ребята моего соперника Баландина ходят по квартирам и скупают голоса оптом и в розницу. Ты, Гораев, теоретически мыслишь, а практика требует свое. С такими соперниками, как Баландин, не борются, их устраняют. Нет-нет, это не то, о чем ты подумал. Есть другие методы, бескровные, без всякой уголовщины.

– Но не скупать же голоса!

– Получить место в Думе таким образом я не намерен. – Он вдруг заговорщически подмигнул: – И без меня там, – он качнул головой вверх, – немало таких... Вернемся к плану. – Он заглянул в папку. – Моя бригада подписи уже собрала, регистрация оформлена. Теперь с избирателями надо работать... У тебя об этом сказано... вот: организовать встречи с рабочими на предприятиях, с жильцами... – Поднял глаза: – Ты не указываешь, где именно?

– Надо обговорить.

Он удовлетворенно кивнул:

– Давай обговорим.

Я предложил побывать в микрорайоне, где расположено несколько общежитий и жилых домов одного из крупнейших предприятий края. Это – тысячи избирателей. И все бедствуют, особенно общежития, где немало семейных. Воды горячей нет, батареи в морозы чуть теплятся, подолгу остаются без электричества. Словом, сделав минимум, можно получить много голосов

– Э-э, Гораев, – откинулся в кресле Крутилин, – ты сам себе противоречишь. Говорил о государственной программе, тонкой психологической работе, а съехал на элементарный водопровод.

– Нет никакого противоречия, – возразил я. – Вы начнете выступление с их бед, а потом развернете свою программу-максимум. Параллельно надо организовать бригаду, которая займется ремонтом. Потом надо двинуть на дело самих коммунальщиков, Люди почувствуют силу и честное к ним отношение. – Крутилин одобрительно покачивал головой. – После этих встреч, – продолжал я, – побываем у участника войны, инвалида. Есть у меня такой на примете… Вообще встречаться надо много, я буду обо всем давать отчеты в газете...

***

С места для прессы зал заседаний как на ладони. В нем не происходило ничего такого, чего не было бы известно по прежним заседаниям и совещаниям. И сколько знакомых лиц! Бывших секретарей, председателей, заведующих, их помощников: крупных, средних и мелких. В ожидании, когда в президиуме появятся самые главные, они толпились кучками, рассказывали анекдоты, делились проблемами, шутили и похлопывали друг друга по плечу. Казалось, что никаких перемен и не произошло, все идет своим чередом, как и тридцать, и двадцать лет назад. Если бы... Если бы шахтеры не сидели на рельсах, учителя не бастовали, если бы не обкрадывали пенсионеров...

Сегодняшнее заседание краевой думы должно определить приоритетные направления в экономике края. Вокруг финансов, как всегда, разгорелись споры. Богач «фармаколог» Баландин, имея независимые от итогов сегодняшнего собрания источники доходов, чувствовал уверенно. Выступление его показалось мне особенно толковым. Он удивил присутствующих знанием конкретных проблем экономики

– Нет результатов там, где хотят иметь все и сразу. Вчера работали, выполняя план, а сегодня работаем на рынок…

– Кое у кого получается! – бросили реплику из зала, намекая на его миллиарды, добытые снабжением лекарствами всего края.

– Это у одного получилось, – отпарировал Баландин, – а я говорю о всей экономике. Пока мы не научимся сочетать семидесятилетний опыт и крупнейшие наработки в мировой практике рынка, принципы которого не все еще понимают, мы ничего не достигнем…

Баландину аплодировали. «Умеет он срывать аплодисменты!» – подумалось мне...

Потом говорил Тыквин, бывший управляющий делами крайкома. Он не был специалистом, но природная пронырливость помогла ему занять должность, которая сделала его незаменимым по части снабжения.

– Отдаю должное речи господина Баландина, но не одобряю ее, – сказал Тыквин, выйдя к трибуне. – Все это красиво на словах. Но как быть на деле, когда виноградники повыкорчеваны, отары растеряны, посевные площади заброшены. Крестьяне бедствуют, их руки не находят работы. Тут теориями делу не поможешь. Слова они и есть слова, даже очень красивые. Я предлагаю конкретное дело, говорю о новом месторождении, у поселка Буранный. Это привлечет в край не менее миллиарда долларов инвестиций американских нефтяных компаний, плюс ежегодные поступления в виде налогов; во-вторых, привлекаются современные мировые технологии; в-третьих, это более двух тысяч рабочих мест, развитие инфраструктуры края... – Он с превосходством поглядел на Баландина, сидевшего в первом ряду: – Тут есть о чем говорить конкретно...

Готовя отчет для газеты, я взял за основу эти два выступления. Одно из них было за то, чтобы воспользоваться сиюминутной выгодой (получить миллиард долларов в виде инвестиций), другое было рассчитано на перспективу, предлагая создать основу

для успешного развития всего хозяйства края, предоставляя возможность развиваться своим производителям...

Очередной номер газеты вышел с моим отчетом на целый разворот. Коллеги осыпали меня похвалами, редактор встречал в своем кабинете, поднявшись из-за стола:

– Молодец! Это – по-нашему! Мы опередили все издания, сказали свое слово. Сам спикер парламента благодарил!..

Праздник души чуть было не испортил телефонный звонок.

– Что же это получается, – услышал я голос Крутилина, скорее недоумевающий, нежели негодующий. – Я трачу время на изучение твоих теорий, а ты конкурента пропагандируешь? Весь край читает. Нет, дорогой, мы так не договаривались...

Почувствовав, что Крутилину понадобится какое-то время для передышки, я сказал:

– Марат Григорьевич, надо уяснить один момент, существенный: я не писал о Баландине, вашем сопернике, а сделал отчет о заседании краевой думы, показал, что имело место в действительности...

– Да. Но – как показал! После твоего показа всякий скажет: вот государственно мыслящий человек, вот кто должен заседать в Государственной Думе России!

– А я убежден, – перебил я Крутилина, – что заманчивое предложение Тыквина вызовет куда больший интерес. Живые доллары предпочтительнее теоретических рассуждений. И не мне говорить вам об этом. Прочитав об идущем нам в руки миллиарде, люди забудут о Баландине. Доллары всегда доллары.

На другом конце провода помолчали.

– Черт, с тобой трудно спорить. Предложение Тыквина, действительно, предпочтительней.

– Вот, вы сами разобрались, – сказал я.

– Знаешь, Гораев, за что я тебя уважаю, – спокойно уже заговорил Крутилин. – За твое умение убеждать.

– Так ведь факты говорят сами за себя, Марат Григорьевич…

– Да-да, теперь я понимаю, хотя сердцем пока не принял. Но, я думаю, будет время поговорить об этом. Скажем, завтра. Приглашаю к себе на дачу... в пятницу. Пора вплотную заняться встречами с избирателями. Посидим, поговорим, кое-что скоординируем. У меня будут интересные люди. Познакомишься, захочешь – останешься на выходные... отдохнешь.

– Вы же знаете, Марат Григорьевич, я всегда готов...

– Вот и ладненько. Завтра в четырнадцать часов за тобой заедет машина... Если крутится в голове что неординарное, набросай на бумажке и прихвати с собой…

Мариян АЛИЕВА **ПОЭЗИЯ**

ЭВРИДИКА

* * *

...А еще мы встретимся в дождь,
Когда небо поймает нас в сети,
И капелей пунктирную дрожь
Зацелует весенний ветер.

А еще мы встретимся в снег,
Даже если он снегом не станет,
И над рокотом горных рек
Вдруг капелью отважной растает.

А еще мы встретимся в зной,
Истомленные солнцем медовым,
И в набеге волны морской
Брызги капель рассыпятся звоном.

Позови меня памятью сердца,
Чтобы встреча желанной была.
Никуда от нее нам не деться, –
Все равно время встречи – весна.

* * *

Я не вернусь в тот вечер,
Где звезды глядятся в море,
Где город, дождями мечен,
Грустит под напев прибоя.

На перекрестках шумных
И в гомоне встреч одиноких,
В соцветье ночей безлунных,
Под солнцем краев далеких

Он мне не встретился, город,
В твоих лабиринтах шалых.
Устала я прятать в холод
Ростки ожиданий давних.

Прощай, мне еще не поздно,
Я знаю, где светит тайна.
Пусти меня ночью звездной
В туманы полей бескрайних.

Прости меня, ветер полночный,
За долгие дни ожиданий,
Грехи искуплю построчно
На листьях коротких свиданий.

Я постучусь в твой вечер,
Вернусь к своему истоку.
Лишь ты на пути мной встречен
По долгой дороге к Богу.

* * *

Это ты, – я спрашивала море, –
Строишь поднебесные мосты?
Тишины ночной душа и воля,
Затаенность счастья – тоже ты?

И небес мерцающая ясность
В ожиданье ропота листвы,
Беспредельность
и святая праздность,
И касанье Бога – тоже ты?

Это ты, – я спрашивала море, –
Превращаешь в явь мои мечты?
Шорохом вечернего прибоя
Повторяло море: «Это ты».

* * *

Я перешла заветную черту,
Быть ближе невозможно
в этот вечер.
Как рассказать, что я тебя люблю,
Когда об этом говорить мне
нечем?

Всесильные порой,
строптивые, но ныне
Умолкли отчего, не ведаю сама, –
Отступницы-слова,
послушницы гордыни,
И я, царица слов,
молчать обречена.

Но отчего пленительно молчанье
С тобой вдвоем?
Как бесконечен взгляд,
Как чутких рук желанные касанья
Невыразимо сердцу говорят…

И нежность безгранична –
что с ней делать?
Она сильней любви,
в ней верность навсегда.
Лишь ей дано и прозревать,
и ведать
Там, где бессильны лучшие слова.

* * *

У террасы деревья
к нам качнулись ветвями,
Этот сон, словно явь,
это было не с нами...
На ступени взойдем
под кружение ветра,
Мы с тобой его гости,
мы пленники ретро.

Этот вечер апреля
словно вынесен морем
Из глубин его тайных
и от царских щедрот.
Слышу, море, твой рокот,
но кто из нас волен
Потревожить ту песню,
что сердце поет?

Я впервые пойду
не за морем и ветром,
Не за лунной печалью
и не светом звезды:
Я сегодня с любимым,
он не знает об этом,
А я скрою умело
моей тайны следы.

…Я не знаю, как тайна
оказалась раскрытой,
Были стражи у сердца,
стало сердце открытым.
Этот заговор моря,
деревьев и ветра,
Как раскаты барокко
в симфонии ретро...

ЭВРИДИКА

Беспамятство, как память,
тяжело
Ложится на алтарь
воспоминаний.
В какую Лету сердце унесло
От первого заветного свиданья?

Не знаю, где Орфей,
но песнопенья
Слагаются и пьются, как нектар.
Верни мне звук,
как памяти прозренье,
Душа, как боль,
приемлет этот дар,

И, очарована напевами земными,
Она спешит чертогами теней,
Но, суетным сомнением
томимый,
За лишний взгляд
расплатится Орфей.

– Вернись к теням навечно,
Эвридика,
– В крушении надежд
упрека нет богам.
– Крылатая мне улыбнулась
Ника – Сама я жизнь
за взгляд твой вслед отдам.

* * *

Прикоснись к отраве счастья
И забудь.
К испытанию ненастья
Призовут.
И расплатой за любовь
Пустота,
Но зато есть оправданье
У креста.

Чистота – что пустота...
Может, нет.
Ближе к сердцу – высота,
Больнее – след.

Прикоснись, чтобы ожог –
Навсегда.
Без тебя вновь на порог –
Пустота...

* * *

Грех сомнений –
тяжкая расплата.
Что там явь, что сон -
мне все равно.
Я согласна
быть твоей утратой,
Раз тебе
от этого легко.

Пусть утрата –
горечь пораженья,
Возвращенье
на круги своя.
Я тебя люблю –
за обретенье,
И за то,
что без тебя нельзя.

* * *

В ту ночь был живописец
вдохновенен:
Отбросив все сомненья,
как каприз,
Он рисовал любовь
не краской бренной,
А шорохом волны
в вечерний бриз.

Он, зная недосказанности цену,
Ночною песней проверял рассвет,
Чтоб на странице,
как на высшей сцене,
Она звучала эхом много лет.

О, живописец
чутко-дерзновенный,
Гармонии иль случая певец!
Пленилась кисть
надеждой сокровенной
Иль редкостным созвучием
сердец?

А, может, все – причуда акварели
В разводах волн до шепота зари?..
Но если краски
все сказать не смели,
Свой поиск, живописец, повтори.

ПРОЗА

ÊÀØÊÀ, ßÁÀÒÀÉ È ÄÐÓÃÈÅ

Абдуселим ИСМАИЛОВ

Большой пес хорошо помнил свою мать. Но он никогда не знал своего отца: когда он родился, на кутане псов с головами, смахивающими на чурбан, как у него самого, черных, с белыми пятнами было много.

На кутане все его любили и баловали. Из всех остальных щенков чабаны только его брали на руки, а взрослые псы, кувыркаясь, заигрывали с ним. Так продолжалось до тех пор, пока они не очутились на равнинных просторах. При кочевке он был не среди сверстников, держащихся за взрослыми псами и сукой-матерью, которая уже избегала своих щенков. Его поместили в кузов грузовика среди ягнят. На новом месте тоже было неплохо. Но в один из дней его обычная жизнь резко изменилась...

День стоял ясный, безветренный. Иней, с утра держащийся на еще зеленеющей траве, засверкал под лучами запоздавшего солнца и растаял. На кутане стояла тишина. Но неожиданно эту тишину нарушил шум автомашины, которая появилась в облаке пыли и резко затормозила у дома чабанов. Псы находились в поле с отарой, а сука, оставшаяся за сторожа, лежала с притулившимися к ней со всех сторон щенками. Она вскочила и ринулась к автомашине, следом за нею бросились и щенки. Но лай и визг тут же прекратились, когда появились хозяева и провели приезжих в дом.

Через некоторое время все они опять вышли наружу и, что-то говоря, кидая друг на друга косые взгляды, направились к сидящим суке и щенкам. Сука, зарычав, встала, за нею поднялись и щенки.

– Какой тебе нравится? – спросил пожилой чабан.

– Тот, с белым пятном на лбу, – ответил молодой гость.

– Ты выбираешь лучшего!

– Разве я разбираюсь в достоинствах собак? Просто этот щенок показался мне красивым, хотя и остальные хороши.

– Он вырастет в хорошего пса.

С этими словами пожилой чабан подошел и взял Кашку за шкирку. Когда чабан подходил к ним, сука и остальные щенки отбежали от него, а Кашка почему-то остался стоять на месте.

– Вот тебе, – пожилой чабан передал Кашку молодому гостю. – Смотри, хорошо ухаживай за ним. И меня не забудь...

Кашку с глазами, от страха вылезшими из орбит, забрали в автомашину, которая, подпрыгивая и раскачиваясь, помчалась по полевой дороге. Опасаясь незнакомых людей, Кашка не позволял себе даже скулить, ожидал, что же будет дальше.

Автомашина приехала в просторный двор с оградой из красного кирпича и белого камня. Здесь царила тишина. Молодой мужчина открыл заднюю дверцу автомашины, взял Кашку за шкирку, понес и выпустил его, визжащего от страха, в большой хлев. Тут ничто не напоминало щенку знакомый кутан: высокий потолок, внутри просторно, из светлых окон снопами льются солнечные лучи. Оставшись один, он перестал бояться, но, не теряя осторожности, выбрал место подальше от двери, чтобы прилечь и немного поспать.

Неизвестно, сколько времени он спал, когда створки ворот с шумом открылись внутрь, вошли двое: уже знакомый ему молодой мужчина, и другой, еще моложе. Кашка, выпучив глаза, задрожал всем телом. Мужчины говорили между собой и искали его, когда нашли, один из них похвалил щенка:

– Хороший пес вырастет!

– Да, голова крупная, – отозвался другой.

Мужчина, который привез Кашку сюда, взял его за шкирку, поднял и показал своему товарищу.

– Видишь, какая у него грудь? Как у львенка. Обрати внимание на лапы. В какого пса он превратится через несколько месяцев!

Наконец, оставив щенка в покое, они ушли. А Кашка, не сводя глаз с ворот, еще открытых, продолжал отчаянно скулить, словно вопрошая:

– Почему я здесь? Что они от меня хотят?

Мужчина вскоре опять вошел в железные ворота, неся в обеих руках по миске: большую и плоскую и маленькую. Кашка, в нос которого ударил приятный запах, подпрыгнул, подобно мячику, хвост у него невольно завилял, в пасти появилась слюна. Открывая и закрывая пасть, из которой выглядывали маленькие, но острые клыки, он поспешил навстречу мужчине.

– Теперь ты мой пес. Слушайся меня, пищу принимай только с моих рук, – мужчина поставил перед ним миски.

Тыкая мордочкой то в одну, то в другую миску, не зная, за что хвататься в первую очередь, Кашка завизжал от удовольствия; его глаза не различали содержимого мисок, ноздри заполнили приятные запахи.

– Не спеши, Кашка, – мужчина слегка шлепнул его по лбу. – Все это твое. Теперь так будет каждый день. Только расти смелым.

Он ушел, с грохотом закрыв ворота. Кашка, спеша, проглатывал куски мяса и колбасы, хинкалины из тонко скатанного теста и, не отрывая мордочки от содержимого миски, недоверчиво водил глазами по пустому хлеву. Он боялся, что вот-вот появятся остальные щенки, его братья и сестры, и растащат

эту вкусную еду. Наконец, он решил передохнуть; оторвался от миски и, высунув длинный узкий язык, облизал себя везде, куда мог дотянуться. Исследуя то один, то другой угол хлева, возвращаясь и опять пробуя содержимое одной миски, из второй попивая воду, он убедился, что, кроме него, здесь никого нет. Затем Кашка ушел в угол подальше от двери и там растянулся на полу.

До следующего дня ворота в хлев больше никто не открывал. А назавтра опять пришел его новый хозяин и поставил перед Кашкой миски с едой и водой. Погладив щенка по спине, мужчина вновь похвалил его:

– Хороший будет у меня пес. Подобный льву. Я выращу из тебя чемпиона. Чемпиона! И будешь ты зваться не Кашкой, а Чемпионом.

В этот день Кашка тоже только ел да спал. Так прошло еще много дней. Кашка стремился на волю, чтобы побегать и порезвиться в свое удовольствие. Он чувствовал, что взрослеет и наливается силой. Однако это не приносило ему радости, а только злило, хотя он и не осмеливался проявлять свои чувства перед человеком, который каждый день носил ему еду, ласкал, гладя по спине и шлепая по лбу.

– Чемпион! – взмахивая рукой, повторял мужчина, каждый раз уходя и закрывая ворота.

Наконец, к Кашке пришла радость. Хозяин надел на него ошейник, прицепил к нему тонкий белый поводок и Кашка вышел следом за ним из хлева, в котором в одиночку провел столько дней и ночей. Его посадили в ту самую автомашину, в которой и привезли сюда. Проезжая одну улицу за другой, они достигли окраины города. Кашка, спокойно сидящий на полу, испытывал смешанные чувства радости и печали. Он радовался, что вышел из опостылевшего ему хлева, и печалился, что больше не видит собак и щенков на кутане. Там, куда они приехали, стояли высокие многоэтажные дом. А между домами пролегала широкая улица, по которой стремительно проносились автомашины. За улицей и домами проходил широкий канал, такой же, какой видел Кашка посреди полей, когда его везли на кутан. У края канавы, где еще не успели построить высокие дома, собралось множество народа. Людей было так много, как овец в отаре. Они говорили и смеялись, спорили, усиленно жестикулируя, пытались что-то доказать друг другу. И не было никого, кто бы сохранял спокойствие и молчал. Хозяин Кашки тоже поспешил к ним, но сам Кашка, чего-то опасаясь, упирался, и порой хозяину приходилось чуть ли тащить его. Однако хозяин, не замечая этого, пожимал руку то одному, то другому, что-то говорил, кого-то выслушивал и опять спешил вперед, в самую середину толпы собравшихся людей.

И тут Кашка увидел собак разных пород, мастей и обличья. Возле каждой из них находился и свой хозяин. Они тоже о чем-то спорили. Хозяин Кашки тоже подошел к ним. И еще увидел Кашка, что собак, за которыми стояли хозяева, выводят на площадку посреди людской отары. Выводят по одной с каждой стороны и натравливают друг на друга. А когда их драка завершается, выводят двух других собак, и так далее, по очереди.

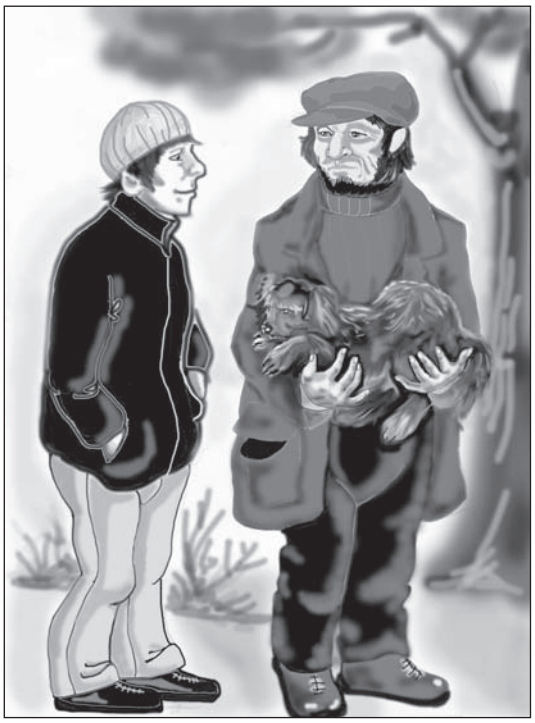
– Смотри, Чемпион, смотри, – приговаривал хозяин Кашки.

– Гав-гав-гав! – Кашка давал понять, что смотрит.

– И ты выйдешь. Ты у меня станешь чемпионом, – рука хозяина заскользила по его спине.

Кашка чувствовал себя взрослым псом.

Через несколько дней Кашка вновь присутствовал на собачьих боях, затем еще и еще раз. Теперь он уже не мог спокойно наблюдать за происходящим. Кашка рвался в бой, и хозяин это замечал.



– Рано, пока еще рано, – каждый раз повторял он, когда Кашка рвался с поводка. – Ты наблюдай. Внимательно наблюдай.

В один из дней хозяин был особенно ласков и предупредителен с Кашкой.

– Сегодня твой день, – приговаривал он. – Сегодня ты ступишь на путь чемпиона. Я верю в тебя. Верю!

Кашка, по обличью уже совсем взрослый большой пес, смотрел ему в глаза и повизгивал:

– Да, хозяин, да. Сегодня наступил мой день. Наступил.

Вот хозяин вывел Кашку на площадку. Напротив встал другой хозяин со своим псом, черным, как грач, толстеньким, на низких ножках, с глазами, налитыми кровью, и короткими ушами. Из-за плотно прилегающих к коже, словно вылизанных, волос, он казался скользким.

– С этим мне драться? – Кашка смотрел на соперника немигающим взглядом. – А вдруг он побьет меня?

Кашка опустил голову и продолжал незаметно наблюдать за грачеподобным псом. Тот смотрел на него, не сводя глаз, открывая и закрывая пасть, выказывая острые клыки.

Неожиданно хозяин освободил Кашку от ошейника, то же самое сделал и хозяин грачеподобного пса.

– Хватай! – крикнул хозяин Кашке.

Кашка подскочил как мяч, по которому ударили ногой, высоко держа голову и выставив грудь вперед. Грачеподобный также ринулся на него. В тот миг, когда задние лапы опять коснулись земли, Кашка грудью ударился в живот грачеподобного. Тот опрокинулся навзничь. Оказавшись наверху, Кашка инстинктивно вцепился в горло соперника и клыки его сжались в мертвой хватке.

Кашка забыл и про хозяина, и про стоящих кругом людей, и даже про самого себя. Он думал лишь о том, чтобы не выпустить горло грачеподобного, изо всех сил пытавшегося вырваться. Но Кашка лишь сильнее сжимал свою пасть.

Неизвестно, как долго это длилось, но вдруг до ушей Кашка донеслись крики и свист.

– Отпусти, Чемпион! Отпусти! – хозяин шлепнул его по лбу.

Не разжимая клыков, Кашка направил на хозяина взгляд, полный и страха, и свирепой злости. И увидел, что хозяин рад, глаза его улыбаются, и он без конца повторяет:

– Чемпион! Чемпион!

Кашка невольно ослабил хватку. Грачеподобный тут же вырвался и убежал.

Вот так наступили для Кашки хорошие времена. Он действительно стал чемпионом. В городе не осталось собаки, которая сумела бы одолеть его. Кого бы ни выставляли против него, Кашка, ударив грудью, опрокидывал соперника и начинал его душить. Он был настоящим чемпионом! Но потом вдруг нагрянул самый черный день в его жизни...

Дело было так. Хозяин, как обычно, на автомашине привез Кашку к месту собачьих боев. У обоих было хорошее настроение. Бойцы сходились на площадке и расходились. Но собравшиеся люди словно ожидали чего-то другого, в разговорах они повторяли:

– Чемпион... Чемпион...

Наконец, дошла очередь до Кашки. Хозяин вывел его на площадку. Напротив поставили и соперника. Это был пес, незнакомый Кашке, но ничем не примечательный, самой обыкновенной рыжей масти и среднего роста.

– Хватай! – выкрикнул хозяин Кашка.

Кашка прыгнул, но грудь его, как всегда, не ударилась в живот рыжего соперника, он исчез с его глаз. Кашка хотел обернуться, но не успел: клыки исчезнувшего рыжего пса вонзились ему в загривок.

– Не может быть! – Кашка не поверил происшедшему.

– Может быть! – рыжий пес трясся на его спине, доставляя ему неизвестную до сих пор боль.

Кашка совершенно потерял голову. Кинулся в одну сторону, потом в другую и не смог отцепиться от рыжего. Он кувыркнулся и вперед, и назад, но от этого лишь усилилась пронизывающая боль в шее. Из последних усилий он закрутился волчком, и почувствовал, что клыки рыжего пса больше не держат его. Но он не кинулся на соперника, доставившего ему такую боль, а бросился наутек с площадки.

До сегодняшнего дня Кашка не может понять, почему он не отомстил рыжему, а сбежал. Как бы то ни было, в тот день слава его закатилась самым плачевным образом. Правда, впоследствии хозяин нашел его, но, как ни старался, не сумел вновь вывести Кашку на площадку для собачьих боев: при виде окружавшей его людской отары, от воя и свиста его бросало в дрожь. Каждую минуту он ожидал, что рыжий пес, набросившись сзади, вцепится ему в загривок. Хозяин отказался от Кашки, и он остался без просторного хлева, где спокойно спал и досыта ел.

В конце концов, он оказался на свалке вместе с другими бездомными собаками. Бедолага, еще в молодых летах, но смахивающий на старца, полный сил, но производящий впечатление слабака, даже передвигающегося с трудом.

Кашка застыдился щенка, который подошел и сел перед ним, словно Ябатай, так звали щенка, мог воочию увидеть все то, о чем он только что вспоминал.

– Исчезни с моих глаз! – он грубо гавкнул и ткнул Ябатая в бок своей устрашающего вида мордой.

Ябатай, похолодев от ужаса, отпрыгнул в сторону и умоляюще заскулил, а Кашка, этот большой пес, как ни в чем не бывало, опустил голову на лапы, закрыл глаза и успокоился. Продолжая скулить, Ябатай начал искать другое место, чтобы посидеть. И тут услышал, как недалеко, из-под куста, скулит еще один, невидимый пес.

– Иди, ко мне иди. У меня на сердце тоже очень тяжело, – словно звал он.

– Где ты-ы, я тебя не вижу! – заскулил Ябатай, поводя головой.

Пес под кустом, приподнявшись, показал свою голову.

– Гав-гав-гав! Я здесь. Не бойся, иди ко мне.

Ябатай, поверив в его доброту, направился к кусту. Пес, покрытый редкими черными волосами, курчавившимися, как на овечке, лениво встал и предстал перед Ябатаем во весь рост. Затем потянулся всем телом и, оставив нагретое место, уселся возле.

– Сядь на это теплое место, бедное дитя. Как ты, в таком возрасте, оказался здесь? – пожалел он щенка.

И понял Ябатай, что новый знакомый и вправду жалеет его. А тот, не тронувшись с места, только вытянув шею, ухватил зубами и вытащил из-под густых ветвей кость и положил перед Ябатаем.

– Погрызи, пока ничего другого нет. Потом я поведу тебя туда, где можно досыта наесться.

Этот пес даже внешне не походил на Кашку, грубого большого пса. Голова у него была маленькая, а глаза, в оправе серых волос, крупные. Ябатаю даже показалось, что перед ним вовсе не собака, а другое, неизвестное ему животное. Стесняясь, он изучал его внимательным взглядом.

– Сядь же, погрызи, – продолжал новый знакомый. – Или кость тебе не нравится? Уже не пахнет мясом? Ах, бедное дитя! Ого, да у тебя и уха нет. Ну иди ко мне.

Ябатай, покоренный ласковым отношением, послушался, подошел и опустился между ног пса, лежащего на боку, и прижался спиной к его животу.

– Бывают же на свете и добрые собаки, – подумал он. – Как она приблизила к себе меня, неизвестно откуда взявшегося. Не всякая собака способна на такое!

– Лежи себе, лежи, – ласково повизгивал новый знакомый. – Я тоже одинок, как и ты. Может быть, с тобой я забуду про свои беды. Их много выпало на мою долю. Ты, конечно, ничего подобного не видел. Да обойдут они тебя стороной. Злая нам, собакам, предопределена судьба. Редко кто из нас приходит к счастливому концу. Может, это из-за нашей преданности. Ведь мы существа, преданные без меры. Мы готовы превратиться в слепых рабов для других. Наверное, ты сбежал из-за отрезанного уха, не стерпев боли и обиды? Других причин не нахожу. Или они есть?

Новый знакомый обнюхал рану Ябатая, а потом облизал всю правую сторону его головы.

– Почему он так ласков ко мне? – Ябатай терялся в догадках. – Или он смеется надо мной? Не хочет ли он съесть меня? А едят ли собаки щенков?

Подкравшийся к сердцу страх заставил его вскочить, он потерянно заскулил.

– Гав-гав-гав! – вырвалось у него. – Он отошел от пса на несколько шагов и там сел.

– Глупое дите! – снисходительно продолжал новый знакомый. – Тебе не понравились мои слова? Тебе не понадобилось тепло моего тела? А знаешь ли ты, какую жизнь я вел? Каким важным людям я служил? Знаешь ли ты, какие люди гладили мои черные волосы? Ножки каких дам, бывало, попадали в мои бока? Какие дети взбирались на мою спину? Нет, ты не знаешь, у каких Хакимов я лизал сапоги! Ты не знаешь этого, щенок. Не знаешь! Гав-гав-гав! Значит, ты отбежал от меня? Э-эх! Жаль мне своей жизни! Каким я был преданным псом и с чем остался? Жаль мне себя...

Джаминат КЕРИМОВА

ПЕЧАЛЬ...

Поэма

Светлой памяти моего отца Абдуразака, участника Великой Отечественной войны, с благоговением посвящаю

Я в мир пришла в победный месяц
– в мае,
И ужасы войны Священной той
Мне видеть не пришлось,
о них я знаю,
Прочтя в глазах у матери одной...

I

Ход жизни доброй и счастливой,
бывшей,
Пятнадцать лет несется кувырком.
И ветер кроткий, мягко и неслышно
Колышет шторы на окне моем.

В войну играет (дело не простое)
Мальцов ватага под моим крыльцом,
Мне и сегодня не дают покоя
Отчаянные крики сорванцов.

Мальчишек гомон,
возгласы и крики,
Лупцующих друг друга без затей,
«Противников» своих «карая» лихо,
Прицелившись
из пальчиков-«ружей».

Один из них,
«сраженный страшной раной»,
В печаль меня ввергая и испуг,
Раскинув руки,
рухнул «бездыханный»,
И небо сразу стало мрачным вдруг.

Довольно, дети!
Я прошу, уймитесь!
Ваш «бой» рождает мысли о войне,
А ваши игры, как и ваши крики,
Печалят очень сильно сердце мне.

Скажи, Создатель, что это за чудо –
Едва покинув чрева матерей,
Всегда ли дети торопиться будут
Уроки боя выучить скорей?

Я вспоминаю, как в один из дней,
Когда пришло на землю нашу горе,
Ушел отец, оставив дом и горы,
Жене – малюток, шестерых детей...

II

Помню, как, подбросив кверху
Дочку младшую, Амину,
Произнес отец без смеха,
Усадив ее на спину:

– Победим фашистов лютых,
Даст Аллах, вернусь здоровым...
Береги, жена, малюток!
И – смотрите за коровой.

Без нее, одним, конечно,
Будет вам трудней намного
Принимать судьбы удары,
Ведь она – семье подмога.

Он ушел; никто не плакал,
Улыбались через силу.
И пошла за ним собака –
Провести, видать, решила.

Пес, поняв беду людскую,
Был невесел и встревожен;
Горе общее почуяв,
Как и все, страдал он тоже...

Пес вернулся, в доме – пусто;
И в углу улегся дальнем,
На семью уставясь грустно,
Делит детские печали.

Даже добрая корова,
Возвратясь домой из стада,
Привыкает к жизни новой –
Угощениям не рада.

III

Вынуждает сердце биться
Горе матери несчастной,
Заставляя усомниться
В справедливости напастей,

Посетивших дом их вскоре,
И несчастьями чреватых...
Много выпало им горя,
Стоил хлеб дороже злата.

Шестерых детей насытить
Мать старалась через силу.
Полутьмою дом укрылся –
Не хватало керосина.

Как ей быть с детей гурьбою,
Все самой тащить пешком,
Ноги сделавши «арбою»,
Спину сделавши «мешком».

Между тем приходят с фронта,
Сотрясая Тарки-тау
Плачем женским, «похоронки»
Что ни сутки, неустанно.

Мать, задавленная горем,
Исстрадавшись, обессилев,
Распродав что было, вскоре
Собрала в кулак все силы,

На последнее решилась –
Сбыть свой старый сепаратор!
Чтоб продать его дороже,
В Хасавюрт пришлось собраться,

Чтобы в городе соседнем,
Сбыв последнее богатство,
Привезти еду для бедных
Несмышленышей несчастных.

Мать, на спину груз навьючив,
На вокзал заторопилась;
Кое-как, вконец измучась,
До вокзала дотащилась.

Поезд трогаться уж начал
Лишь войти она собралась;
Не успев в вагон забраться,
На подножке с грузом встала.

Поезд бег свой ускоряет,
А буран метет сильней,
И мороз ее, бедняжку
Пробирает до костей.

Мать замерзла, крепнет ветер,
Давит груз несчастной плечи,
Вновь подумала о детях
И вцепилась в ручку крепче.

Страх заставил сердце биться,
И из глаз слезами льется:
Если муж не возвратится,
А она сейчас сорвется,

Вряд ли дети выжить смогут.
– Пожалей Ты их, Всевышний,
Дожидающихся дома! –
Мать взмолилась еле слышно.

Все стремительнее поезд
Мчится сквозь пургу и холод;
Не дает мороз покоя,
Заглушает вьюга голос...

Бог мольбу ее услышал –
Поезд встал, чуть меньше муки.
Мать устала, еле дышит,
Оторвать стараясь руки,

Что прикованы морозом.
Люди злятся: «Дай нам выйти!»
Отойти она не может –
Нет ни сил уже, ни прыти,

Но примерзшие ладони
От железа оторвали,
Руки матери покрылись
Кровью – кожу ободрали.

Люди, видевшие это,
Кое-как ее втащили
Внутрь с ее тяжелым грузом,
В уголочек усадили...

Мать, измученная жутко
И замерзшая вконец,
До базара в Хасавюрте
Дотащилась наконец.

Сепаратор злополучный,
Сбыть стараясь подороже,
На базаре мать с мольбою
Предлагает всем прохожим.

Мать недолго торговалась
И, продав свою машинку,
За мукою кукурузной
Побрела она по рынку;

В ноздри матери ударил
Запах той муки внезапно,
И она, не разбирая,
Прямо двинулась на запах.

Потянулась за деньгами,
Денег нету – их украли!
Мать со стоном зашаталась,
Не упала, удержалась,

Хоть в глазах и потемнело,
Да и небо черным стало,
Мать, измученная горем,
Пересилила усталость...

Кое-как домой вернулась,
Переполнена печали,
И вздыхала огорченно,
Вспомнив тех, кто дома ждали –

Шестерых галчат голодных!
Есть ли в мире грех ужасней,
Чем вернуться к ним без хлеба,
Путь проделавши напрасно.

Дети все без слов узнали,
Видя мать такою мрачной,
Стало ясно, что и этот
День сложился неудачно...

В доме ветер лишь гуляет,
Разбивая в прах мечты,
Да вода кипит в кастрюле,
Словно символ нищеты.

До утра не спится детям –
Мучит голод, не до сна!
Только мать вздыхает тяжко,
Будто в том – ее вина...

IV

Дети милые, родные!
Как же с вами поступить мне?
Ваш отец еще воюет,
Я одна, хоть вы поймите!

Отелилась бы корова,
Как-никак была б подмога –
Души детские, возможно,
Отогрелись хоть немного.

Наша милая корова
Всех буренок в мире краше –
От голодной, верной смерти
Всю семью спасает нашу...

Пес следит за нею в оба –
Глаз с коровы не спускает,
Каждый день ее из стада
За воротами встречает.

И отец с полей сражений
Письма шлет о битве грозной,
А в конце письма порою,
О буренке есть вопросы:

Есть ли сено, как с кормами?
Дети каждый день готовы
Собирать траву на поле
Для кормилицы-коровы.

И Татай, сосед по дому,
Иногда у них бывает.
В каждый свой приход буренку
Хвалит он, не уставая.

V

Драгоценная корова
Как-то вечером ненастным
Не пришла домой из стада –
Погрузила дом в несчастье.

В ночь ушел искать корову
Старший сын (им мать гордится),
Заявив, что без буренки
Он домой не возвратится.

Мать глядит в окно с тревогой –
Сын ее – еще мальчишка;
Нет ни сына, ни коровы –
По полям ее он ищет.

– Без буренки не вернусь я! –
Мыслью он одной терзался.
Тут же, голодом гонимый,
Волк за мальчиком погнался.

Мальчик думал, что – собака,
Начал камнями кидаться;
Тот, от голода шалея,
Стал еще сильнее гнаться.

От испуга, убегая,
Он на дерево забрался,
И подмогу до рассвета
Ждать на дереве собрался.

Весь аул объят тревогой,
Все на поиски выходят,
И один охотник чудом
Это дерево находит.

Сверху мальчик, снизу – серый
Смотрит, веря, что дождется,
Как уставший и замерзший
Мальчик с дерева сорвется...

Вмиг прицелился охотник –
Грянул выстрел, рухнул хищник.
– Слезь, сынок! – сказав, Османа
Подхватив, из рощи вышел.

Мать, успевшая оплакать
Сына, избежав напасти,
Зарыдала от восторга,
Залилась слезами счастья:

– Что поделать: знать, Аллахом
Нам предписано такое,
Хоть остались без коровы,
Сын живой, и я спокойна!

Без кормилицы пропавшей
Жизнь еще труднее стала;
Дни и ночи мать вертелась,
Не взирая на усталость...

VI

После утренней молитвы
Вышла как-то мать в печали,
И на улице случайно
Друга мужа повстречала.

Человек как будто честный,
Был Татай всегда в заботах,
Чтоб кормить семью большую,
На любую шел работу.

Хоть опять и без работы,
Но Татай не хмурит брови,
На спине – мешок тяжелый
Со следами свежей крови.

Не спросил Татай о друге,
Поглядел кругом с опаской,
Задыхаясь, еле слышно
Произнес: «Не нужно ль мяса?»

Мясо нам, конечно, нужно,
Хоть платить за мясо нечем...
О потерянной корове
Мать ведет с Татаем речи:

– Мы без той буренки нашей
Оказались на мели,
Волки, знать, ее задрали,
Или воры увели.

Пусть Всевышний покарает
Похитителя коровы,
И воздаст ему сторицей
За приход напасти новой!

И в своей печальной думе
Мать уныло причитает,
Но Татай ее не слышит,
Улизнуть скорей пытаясь.

Подбежала тут собака
Разъяренная, и с ходу,
На мешочника кидаясь,
Не дает ему проходу.

«Продавец» собаку гонит,
Пнуть ее стараясь с силой:
– Что собаке этой нужно,
Может быть, она взбесилась?

Ни Татай, ни мать собаку
Отогнать никак не могут,
А когда бежать он начал,
Укусила больно ногу.

Так, с оторванной штаниной
И ногой кровоточащей,
Убежал Татай в испуге,
Ничего не замечая.

Был готов стеречь отважно
Пес покой всего села.
Говорят, собаки знают
Тех, в чьих душах много зла.

Проползет змея по травке –
Пес услышит даже это;
А детей увидев бодрых,
Он им ласкою ответит.

VII

И с заботою о детях,
Вся в работе бесконечной,
Кое-как концы с концами
Сводит мать в работе вечной.

Говорят, что наш Создатель
Сам Свои созданья кормит.
Продолжает мать трудиться,
Вознося мольбу покорно.

Молока лишились дети,
Что судьба еще готовит?
На устах детей бессменный
Разговор – лишь о корове...

VIII

И отец с войны жестокой
Сообщает в двух строках,
Как они на запад гонят
Ненавистного врага.

Вспоминает и корову;
И о ней, бывает, спросит;
Утопает дом в печали
После каждого вопроса.

– Да, конечно, «отделилась»,
Родила забот немало –
Потеряв свою корову,
Я покой свой потеряла!

Если б знала, кто похитил,
Разорвала б негодяя!
Видит Бог – ее заботы
Да печали угнетают...

На земле никто не слышит,
Лишь Творец один внимает,
Как беда сердца людские
Переполнила до края.

Про потерю же коровы
Сообщать отцу не стали –
Для чего к его заботам
Добавлять свои печали.

IX

Через месяцы и годы,
Мир свободой обеспечив,
Непогибшие вернулись,
Кто – здоров, кто – покалечен.

И отец, войну прошедший,
Тоже, к счастью, возвратился,
Дети слушали рассказы,
Как солдат с врагами бился.

Материнские молитвы,
Муки, мужество и кровь
Сберегли от смерти мужа,
Так же, как ее любовь...

Раз в сарай зайдя случайно
(Он не знал еще про «новость»),
Прибежал отец поспешно,
И спросил: «А где корова?» –

«Где ж ей быть, мы потеряли...
Не сумели отыскать;
Сколько слез по ней пролили», –
Мать заплакала опять.

Мысль о том, как мать и дети
Без коровы трудно жили,
Привела отца в расстройство,
Понял, как им тяжко было.

X

Весть о том, что друг вернулся,
Добралась и до Татая,
Но, набросившись, собака
В дом соседа не пускает.

– Почему так зла собака,
Обезумела вконец? –
Пса от гостя отгоняя,
Удивляется отец.

Посадил на цепь собаку,
Чтоб соседа не кусала,
Но собака и оттуда
Лаять зло не перестала.

А Татай соседку хвалит,
Превозносит без затей,
Говорит, как трудно было
Ей одной растить детей.

Как несчастная вертелась,
Сколько горя пережито;
Как сама недоедала,
Чтобы дети были сыты.

Пожалел отец, послушав,
Мать детей своих, бедняжку,
Представляя, как несчастной
Без коровы было тяжко.

Злится он, когда случайно
О буренке речь заходит,
И, расстроившись ужасно,
Из себя отец выходит:

– Истекая кровью алой,
На полях войны мы дрались,
Отдавая кровь и жизни,
Путь к Победе пробивали,

Землю черную окрасив;
Реки крови мне встречались.
Не слагая с рук винтовок,
Люди с жизнью расставались;

Словно выпал снег кровавый
Вместо белого на землю,
И, окутав все на свете,
Алый цвет весь мир объемлет.

Знаешь, друг мой, на войне нам
Столько горя перепало,
Что и сам понять не в силах,
Как душа жива осталась...

А пока мы там сражались,
Здесь подлец один явился –
У шести детей корову
Увести не постыдился.

Но сильнее бед военных,
Тяжелее черной тучи
То, что дети голодали,
Сердце мне сильнее мучит.

Кабы знать, кто это сделал,
Бессердечный сатана,
С ним, распутницей рожденным,
Рассчитался б я сполна...

Только друг отца старинный
Слов его совсем не слышит,
И, не зная, что добавить,
Тяжело и шумно дышит.

– Вы меня уж извините
(Мать смущается слегка),
Чай у нас сегодня черный –
Нету в доме молока...

Завершил отец спокойно
Разговоры о пропаже:
– Кто б корову ни похитил,
Пусть Аллах его накажет!

XI

Много месяцев промчалось,
И годов прошло немало;
А отца былые раны
Все сильнее мучить стали.

Не сидит отец без дела –
И в жару, и в непогоду
То поевший, то голодный
Сторожит добро народа.

Раз с усмешкой и веселый
Прибежал отец с работы;
На вопрос: «А что случилось?»
Он ответил ей охотно:

– Приготовь, жена, подарок,
И оставь свои вопросы.
Чтоб подарок получить я
Прибежал, работу бросив.

Мать спросила: «Что за радость?»
– Я нашел корову нашу!

Растерялась мать от вести
И обрадовалась страшно:

– Где ж корова? Я мечтала,
Чтоб она домой вернулась,
И в своих надеждах тайных,
Видишь, я не обманулась...

Тут отец залился смехом:
– Ты, жена, готовься слушать:
Где ж ей быть – корову нашу
Мой дружок украл и скушал.

– Ах, Татай! Ой, враг, мерзавец!
Боже, что это я слышу?
Всю семью несчастной сделал.
Покарай его, Всевышний!

Мясом той коровы нашей
Чтоб, мерзавец, подавился!
И с каким лицом, бесстыдник,
В наш с тобою дом явился?

Я ведь помню, приходил он
К нам с мешком, набитым мясом,
Предлагал купить его мне
С ледяным лицом, бесстрастным...

Мать рыдает, не уймется,
В дом собралась к подлецу –
Чтобы трусу и мерзавцу
Плюнуть в мерзкое лицо.

– Нет! – сказал отец. – Из дома
Ты не выйдешь, что за прыть,
Голод вынудил Татая
Подлость эту сотворить.

– Ты прости, Аллаха ради! –
На коленях умолял он.
Не простим ему, он знает –
Примет адских мук немало.

И зачем тебе сказал я,
Будешь груз теперь нести!
Я уже простил Татая,
Да и ты его прости.

Плачет мать в безмерном горе,
Причитая с новой силой:
– Вору этому и трусу
Хочет муж, чтоб я простила.

Как с шестью детьми я годы,
Сна и отдыха не зная,
Сколько горя пережила
Ты теперь хоть понимаешь?

Почему же ты прощаешь?
Я простить его должна ведь,
Грязь он; хуже, чем собака,
И – законченный мерзавец.

Лишь собака наша знала,
Что Татай украл корову,
Потому и не пускала
К нам во двор ворюгу злого.

Боже мой, кому расскажешь,
Да и кто теперь поверит –
Пес наш, как ребенок малый,
Исстрадался от потери.

Из людей никто не ведал,
Только пес наш догадался,
Что Татай, украв корову,
Мясо сбыть и нам старался.

XII

Словно эхо бед военных
(Хоть давно ушла война та)
До сих пор гремят, порою,
Вновь в семье ее раскаты.

Дочка младшая, Амина,
Точно взрослая, внимает,
И печаль несчастной мамы
Лучше многих понимает.

Только мать начнет рыданья,
И Амина закричит,
Как взрывается отец их:
– Ты хоть, дочка, замолчи!

Сколько лет уж мир на свете,
Только здесь – война без срока.
Не дает забыть корова
Беды той войны жестокой.

– Да прости ты, Бога ради! –
Просит мать отец порою,
Только мать простить не может –
Пусть не знает вор покоя!

Мать ушла, простив Татая.
Путь ее да будет светлым!
Завещала перед смертью:
– Вы его простите, дети!

В мир иной ушли, простивши,
Кто простит, тому полегче;
Хоть несчастьями и горем
Путь нелегкий их отмечен.

XIII

Мать с отцом – в загробном мире,
Пусть земля им будет пухом!
Были счастливы работой,
А богаты – только духом...

Век прошел их без покоя,
Не искали легкой жизни;
Что они не претерпели
Для детей и для Отчизны!

Да простит Аллах грехи их,
Путь на праведный похож их.
Их сердца просторны были,
Пусть просторным будет ложе!

XIV

Шаг не скор у причитаний,
Не спешит, но настигает;
И Татай дождался кары –
Дом его в огне пылает...

Нет злорадству в сердце места,
Только зло назад приходит –
Дом его с семьею вместе
Весь сгорел при всем народе...

XV

Воры тех времен – не воры,
Наших дней ворье – покруче!
Оказалось им под силу
Развалить Союз могучий...

Интересно, наши воры
Хоть предел хищеньям знают?
Те – корову уводили,
Эти – стадо угоняют!

Разжиревшему разбоем
Власть ворью дарует место,
И лудильщикам вчерашним
В золотых хоромах тесно.

Отнимают грош у нищих,
Убивая их надежды.
Будь отец мой жив сегодня,
Вряд ли он простил, как прежде.

Чтоб прославить флаг свой красный,
Кровью алою, бесценной,
Добывал отец Победу,
А Отчизна – на коленях...

Не простили б те солдаты,
Что врагов разили часто,
Тех, кто смог, продав Отчизну,
Раскромсать ее на части.

Мир, завещанный отцами,
Нам с Победой был подарен;
Нечестивцам ненасытным
Пусть пошлет Всевышний кары!

Времена пришли другие –
Нынче вор героем стал;
Бородатые бандиты
В доме нашем правят бал.

Лишь один судья – Всевышний
Наведет порядок в доме!
Только кары не хватает
В этом дьявольском Содоме.

Войны длятся на планете
Все последние года.
Страх войны, когда ж ты слезешь
С шеи нашей навсегда?

Тьму бесстыдных нечестивцев
Устыдить Творцу под силу;
Материнские проклятья
И для них найдут могилу...

Мой Творец! Ведь сам Ты видишь –
Нет покоя в мире нашем.
Я прошу Тебя, Всевышний,
Успокой Ты мир наш страшный!

Зарешеченные окна,
Забронированы двери,
Точно жаворонки в клетке,
Стали мы страшнее зверя.

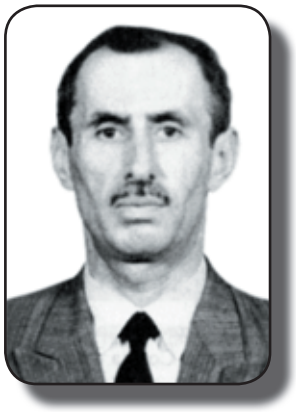
Мир, оставленный отцом мне,
Мир, что матерью оставлен,
Весь оружием наполнен
Так, что негде больше ставить!

* * *

Дети заняты «войною»,
Далеко их голос слышен.
И сегодня мне покоя,
Знать, не даст «война» мальчишек...

Перевод
Динислама КАРДАШЕВА

ПРОЗА



ÏÐÎÑÒÛÅ ÈÑÒÎÐÈÈ

Агалар ДЖАФАРОВ

«СМОТРИТЕ, ВОТ ОН Я!..»

Я проснулся. Рассветает. Птицы пробуют свои голоса. Слышу тонкие, как звуки скрипки, птичьи посвисты и перещелкиванья. Где-то в стороне отрывисто и громко каркает ворона. С балкона вижу низко пролетевшую над акациями стайку голубей. Острокрылые стрижи все выше взвиваются в небо. За домом загорланил петух, взяв низкую ноту: «У-у-у-у…». Чуть погодя ему отвечает потоньше из дальнего конца квартала другой петушок: у-у-у-у… – мол, я здесь, я уже на ногах. Из-за деревьев несется угрюмое: «Гу-ку, гу-ку, гу-ку…». Это сыч. Видно, его всю ночь мучила бессонница, и он всему миру сообщает об этом… Дробно и гулко кто-то застучал за балконом: «Тук, тук, тук, тук…». Это будит меня дятел. Но я уже встал и любуюсь еще одним летним утром. Высунувшись по пояс в окно, с интересом оглядываюсь по сторонам, и весь мой сияющий вид, чувствую, красноречиво говорит: «Вот он, я, друзья мои! Я проснулся вместе с вами! Здравствуйте! Смотрите, вот он я!..»

ЧЕРНАЯ КУРИЦА

– Э-э, Гасан, ни в какие рамки не лезет, – с легким укором сказал другу Мага. – Получил, видишь ли, звание, а молчишь. Наверное, не хочешь обмывать? А?

– Тебе все равно не отвертеться, – поддержал его Загид. – Придется попотчевать нас мясом черной курицы и хинкалом!

– Ку-ри-цу! Чер-ную ку-ри-цу! – в один голос стали скандировать Мага и Загид.

– Да будет вам черная курица, – беспомощно развел руками Гасан, озираясь по сторонам, – чего раскричались-то? Обещаю.

Пустился Гасан на поиски черной курицы. И не думал, что найти черную курицу – серьезная проблема. Дома таковой не было. Пошел на базар, но и там черной курицы не нашел. Были белые, пестрые, рыжие, красноватые, но черной – ни одной. Стал спрашивать у соседей, знакомых, но, как назло, везде его ожидала неудача.

Друзья, проявляя нетерпение, делали красноречивые намеки:

– Долго же заставляешь ждать. Что, жалко стало?

Эти слова были для Гасана посильнее оплеухи. Но он сдержался и сказал:

– Как раз пришел пригласить вас на завтра. Для друзей разве можно что жалеть…

Дома он сказал жене:

– Ради бога, дорогая, обожаемая, найди где-нибудь черные перышки или белые покрась черной тушью. Завтра придут мои друзья – нельзя ударить в грязь лицом. Скажем, что это перья черной курицы, а подадим на стол одну из тех, что бегают во дворе. Как, поняла меня?

– Хорошо, как скажешь…

На следующий день Гасан поймал в курятнике большую белую курицу. Жена Гасана вскрыла старую подушку и, перебирая пух, нашла два десятка черных перышек. На всякий случай перья белой курицы искусно окрасила тушью.

К приходу друзей и курица была готова, и хинкал дымился на столе. Друзья проворно уселись за стол, потирая от удовольствия руки.

– Вот обещанная курица, – Гасан показал глазами на поднос я мясом, – а вот перья от нее – на соседнем столике. Ешьте на здоровье!

– Молодец, Гасан! – воскликнули друзья и, даже не обернувшись на перья, дружно приступили к еде.

Гости ели, пили вино, нахваливая хозяев. Все были довольны. Только Гасан, наблюдая, как друзья уплетают мясо белой курицы, с сожалением вспоминал свои суматошные поиски черной и усилия жены, скрупулезно окрашивавшей белые перья.

АТУЛЯ

Между гаражами пройти было трудно. Поэтому немолодой мужчина, Рахим, с трудом передвигающийся с помощью палки, решил, как мог, обустроить тропку для хождения. Лопатой стал он расчищать дорожку от мусора и высокой травы, выравнивая бугорки и ямки. И ему будет легче, и людям удобно.

После обильных дождей трава поднялась буйно. Полуденный зной, словно жар в печке, опалял лицо и руки. Рахим шаг за шагом «отвоевывал» тропиночку. Мимо проходили люди, знакомые и незнакомые. Вот поздоровался с ним сосед из дома напротив. Перекинувшись несколькими словами, заторопился. Магомед издали дружелюбно кивнул головой. Затем прошли мимо знакомые жильцы пятиэтажки – Гаджи, Абид, Тамила… Они тепло улыбались Рахиму, шутили, но никто из них не посочувствовал ему, изрядно уже уставшему, вспотевшему, не предложил помощь. Никто даже не обратил внимания на то, что он делает, не догадался принять участие. Рахим все ниже опускал голову, и пот, стекая по лицу, падал на лопату, которая дрожала в его руках.

Тут к Рахиму подошла десятилетняя девочка Атуля из соседнего подъезда, поздоровалась: «Здрасьте…» и, певуче растягивая слова, спросила:

– Дя-дя Ра-а-хи-им, ва-ам по-мо-очь?..

ЧЕЙ ТОПОР?

Высокий, крепкого телосложения сельчанин по имени Батыр приехал в город. В магазине, что недалеко от базара, ему приглянулся большой топор с длинной рукоятью и широким острым лезвием. Справившись о цене, он купил его. Выйдя на улицу, он сразу наткнулся на милиционера. Тот, увидев верзилу, несущего в руке огромный топор, остановил его. Представился:

– Участковый инспектор Саидов, а вы кто такой?.. Что за топор, чей он, откуда несете?

Батыр, немногословный, покладистый человек, не понял, чего от него хочет милиционер.

– Чей топор, спрашиваю? – повторил свой вопрос участковый.

Батыр смотрел на него миролюбиво, без тени враждебности.

– Чей топор? – близко, почти вплотную подступил к Батыру милиционер.

Молчание.

– Ты что, немой, глухой, не понимаешь, о чем я спрашиваю? Отвечай, чей топор? – прошипел блюститель правопорядка. Было видно, что он уже нервничает.

Сельчанин медленно почесал топорищем свой массивный затылок и дружелюбно улыбнулся.

Милиционер, не выдержав такого поведения, бесцеремонно взял его за локоть и повел в участок. Там, в кабинете, он снова учинил допрос:

– Эй, чей топор?

Тишина.

– Чей это топор?..

В ответ опять молчание.

Рассвирепев, участковый милиционер ударил кулаком по столу. У него будто искры из глаз посыпались. А из уст понеслись угрозы:

– Последний раз спрашиваю: чей топор?..

…Из милицейского участка вышел заметно взволнованный Батыр. Подняв перед собой топор, он вытирал его лезвие о рукав пиджака и сквозь кривую ухмылку приговаривал:

– Чей топор…. Чей топор… Мой топор! Чей же еще?..

ПОГОВОРИЛИ…

– Салам алейкум, Мурад!

– Вааалейкум салам, дорогой друг!

– Давно не виделись!

– Действительно! Целых сто лет!

– Ну как там, все нормально?

– Все нормально. А у тебя?

– Все нормально.

– Очень рад тебя видеть.

– Я тоже.

– Все о’кей?

– Все отлично! А у тебя как?

– Как нельзя лучше! Что-то тебя давно не было видно. Не болел, случайно?

– Нет, слава аллаху. Все в порядке. А у тебя как?

– Да все прекрасно!

– Не видно было тебя, поэтому спрашиваю.

– Здесь я, где мне еще быть…

– В самом деле все хорошо?

– Без сомнения. А как у тебя?

– Все нормально. Ну, давай, будь здоров!

– До встречи!
– Все нормально?
– Все нормально. А у…
– И у меня все нормально…

МАЛЬЧИК И ЛАСТОЧКА

Часовых дел мастер Шапи стоял около своей мастерской, беседуя с приятелями Арсланом и Омаром. Был одиннадцатый час утра, но летнее солнце уже палило нещадно, заставляя людей прятаться в тени. Июль. Воскресенье. Шапи рассказывал, очевидно, что-то веселое, потому что Арслан и Омар смеялись.

В какой-то момент Омар, повернув голову вправо, заметил в десяти шагах от себя через дорогу мальчика на крыше магазина, что был при жилом доме на первом этаже. Мальчик лет двенадцати-тринадцати в длинной желтой футболке и зеленоватых шортах до колен спустился по трубе вниз. Через минуту снова поднялся на крышу. Он был явно чем-то обеспокоен. Немного погодя, цепляясь за ветхий карниз, мальчик стал осторожно пробираться к его середине. Он мог сорваться со второго этажа в любую минуту – ногу ему поставить было некуда. И он был вынужден вернуться на крышу навеса.

– Вах, что ему нужно? – с тревогой и одновременно любопытством обронил Омар.

Шапи и Арслан оглянулись, окликнули мальчика:

– Ты что там делаешь? Это твоя квартира?

– Нет, – откликнулся мальчуган. – Тут ласточка застряла в шифере под окном. Вон там, видите? – и он показал рукой.

Друзья увидели темный комок в небольшой дыре прибитого к балкону листа шифера. Мальчик хотел освободить птицу, но не мог до нее добраться.

– А ты постучи хозяевам, – посоветовал мальчику Шапи.

– Их дома нету, я уже стучал, – печально сказал он.

– Может, палкой как-то достать ласточку, – вставил Омар, но мальчик уже спустился на землю.

Проходящий мимо тщедушный старичок остановился и наставительно сказал:

– Ты все-таки постучи сильнее в эту квартиру и объясни хозяевам.

Мальчик побежал за дом, к подъезду. Вскоре он вернулся. Из окна на соседнем балконе выглянула рыжеволосая женщина в домашнем халате.

– Нет, это не та квартира, – разочарованно помотал головой Шапи.

Тут в окне того самого балкона, под которым недвижно висела бедная ласточка, показалась девушка. Все облегченно вздохнули и наперебой стали ей объяснять:

– Птичка застряла… Во-он под тем окном… Да-да, под этим…

Девушка открыла створку указанного окна и несмело заглянула вниз. Наконец, она увидела птицу и опустила к ней руку. Нащупав мягкое тельце, бережно достала ласточку, подняла на весу и, разжав руку, слегка подтолкнула вперед. Ласточка, получив свободу, встрепенулась, замахала крыльями и, пронзительно вскрикнув, улетела. Вслед за ее благополучным освобождением в воздухе над дорогой невесть откуда появилось много других ласточек. Они радостно чирикали, звонко щелкали, носились в небе, словно благодарили людей за помощь.

А люди улыбались радостно и светло. Хвалили мальчика:

– Молодец он, сердце у него доброе…

– Честное слово, славный мальчуган…

– Не успокоился, пока не помог…

А мальчик был уже далеко. Его желтая футболка мелькала впереди среди прохожих…

УРОДИЛАСЬ КАРТОШКА

На своей даче за городом Мухума, человек невысокого роста, добродушный, посадил картошку. Когда подошло время, к его удовольствию, картошка уродилась на славу. Ядреные клубни, пышная ботва… Сердце хозяина ликовало.

Пришел в воскресный день Мухума на свои шесть соток, а там, в его огороде, уже кто-то орудует. Каких-то два рослых парня ловко срезают зеленую ботву, а клубни кидают в мешок. Мухума оторопел от такой наглости, он хотел возмутиться, броситься на них с кулаками, но тут же одумался: эти здоровяки запросто могли намять ему бока. Оставалось стоять за изгородью и только созерцать, как чужаки беспардонно присваивают плоды его труда.

Парни заметили Мухуму и решили, что он тоже такой же, как они, налетчик на чужие дачи.

– Эй, козел, что смотришь? – грубо выругавшись, зычным голосом спросил один из тех, что был покрупнее и с черными усами.

– Слышь, папаша, – миролюбиво подключился к нему другой, – что глаза вылупил? Тебе картошка нужна? А ну-ка, мигом давай сюда, помоги нам. Может, и тебе долю отвалим…

Как загипнотизированный, Мухума подошел к парням и начал молча собирать картошку.

Работали они споро, и вскоре доверху были полны пять вместительных мешков.

– А теперь на погрузку! – весело скомандовал усатый. – И домой с ветерком!

У дороги стоял мотоцикл с коляской и с прицепом. Мухума и парни погрузили мешки с картошкой и покатили в город.

– Ты где живешь-то, земляк? – развязно обратился к Мухуме дружок усатого.

Мухума объяснил.

– А-а, ясно…

Они подвезли Мухуму к самому его дому, высадили у ворот, дали ему в награду мешок картошки с его же дачи, похлопали по плечу и уехали.

Мухума вздохнул, словно камень свалился у него с души. И был он все-таки рад, что дело так закончилось.

БОЖЕСТВЕННАЯ ДОБРОТА (сказка-мечта)

Забир МАГОМЕДОВ

Люди Земли еще не знают чуда, которое произошло в их жизни в начале нынешнего 2005 года. На рассвете одного из январских дней они, конечно, не могли услышать речь, с которой мысленно обратилась к ним богиня любви Афродита.

– Доброе утро, мои дорогие! Извините, что заставила ждать вас столько, сколько вы живете на Земле. Но я не виновата. У меня еще много подопечных на других планетах Вселенной. Они тоже любимы мной. И если их я посетила раньше, то им просто повезло больше, чем вам.

Все эти годы кровью обливалось мое сердце всякий раз, когда кто-то из вас позволял себе совершить недостойный человека поступок. Цель моего предстоящего посещения – поощрить каждого из вас, кто отличается добротой, совестливостью, милосердием. Мы, боги, понимаем, что жизнь, которой приходится жить вам на Земле, настолько сложна, что быть до конца честными во всех своих поступках удается только тем, кому от природы достался талант человечности. Только такие из вас, мы знаем, способны даже умереть от голода, но сохранить душевную и телесную чистоту до конца своей земной жизни. Поэтому мы, боги, прощаем вам незначительные пороки.

Я буду щедро поощрять каждого, кто всю свою сознательную земную жизнь старался как можно меньше поступать несправедливо, кто живет добрее, человечнее, чем остальные. Я обеспечу таких из вас всем необходимым, пока он жив на Земле. Мое поощрение будет санкционировано самим Юпитером, Верховным богом.

Я приду к вам с этой целью в первый день весны, года, который будет определен на Высшем совете богов. Я люблю вас всех. Я верю, что недалек час, когда я сумею сделать так, что все вы станете воспитывать в себе возвышенную любовь ко всем, окружающим вас на Земле, людям.

Жизнь богов после того январского утра шла на Олимпе своим чередом. На очередном заседании богов, под председательством самого Юпитера, в повестке дне стоял отчет о работе богини любви Афродиты с жителями планет Вселенной.

Открывая совещание, Юпитер сказал:

– Не будем терять время, дорога каждая минута. Слово для отчета предоставляется уважаемой Афродите.

– Доброе утро, коллеги! – начала богиня любви. – Мой подробный отчет вы получите в письменной форме, сейчас же я буду говорить кратко.

Начну с приятного. К нашей общей чести, люди всех планет, кроме многих на планете Земля, живут уже так, как мы хотели бы, а именно: они не знают войн, у них нет оружия, нет ни армий, ни полиции, ни милиции. Они живут в любви, употребляя свое время для достижения успехов в развитии науки, техники, искусства, спорта, в любом созидательном, полезном труде, помогающем им полнее реализовать их физические, духовные, моральные возможности. Они не знают, что такое проституция, пьянство, наркомания, коррупция, материальная ненасытность, черная зависть к успеху друг друга. Брак без взаимной любви они считают аморальным. Словом, у всех людей, кроме землян, культом в повседневной жизни являются доброта, справедливость, благородство, великодушие.

Теперь я вынуждена перейти к неприятному для всех нас: рассказу о недостойной жизни многих людей, которые живут на планете Земля. Очевидно, уже изначально они пошли по ложному пути, который веками воспитывал в них культ плоти, вещей, денег. Они и сегодня продолжают идти по этому пагубному для них пути. Беда и трагедия землян в этом.

Надо согласиться, что есть в этом наша вина, вина богов. Это наш брак, наша недоработка. Значит, мы упустили жизнь землян с самого ее начала. Вы знаете, главной целью моего предстоящего посещения Земли является поощрение всех, кто отличается человечностью. И знаете что? Если на других планетах я могла поощрить почти всех их жителей, то на Земле достойным поощрения окажется лишь каждый шестой. Пять миллиардов землян недостойны поощрения. Это очень много. И мы, боги, обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы коренным образом улучшить нравственность людей, живущих

на планете Земля. Если мы не сделаем этого, земляне могут заразить своей аморальностью людей и на других планетах, в последнее время они делают успехи в освоении Космоса. На этом я кончаю. Есть ли вопросы?

Вопрос Юпитера:

– Каковы ваши предложения?

Ответ Афродиты:

– Необходимо начать с внедрения в их повседневную жизнь доброты, культ которой будет внушать им, что нет ничего ценнее, чем моральная чистота. Мы, боги, должны запретить дьяволам хотя бы на сто-двести лет соблазнять их материальной роскошью. За это время, хочется верить, духовные ценности станут для них нормой. Подробно свои предложения я изложила в письменном отчете.

Вопрос Минервы, богини мудрости:

– Как сами земляне объясняют свою подлую, бесчестную в целом жизнь?

Ответ Афродиты:

– Общий смысл всех их мнений сводится к тому, что это их предки виноваты в том, что они живут во многом скотской жизнью. От них, считают они, достались им их порочные качества. И они просят помощи у нас, богов.

Вопрос богини правосудия Фемиды:

– Почему же тогда они до сих пор молчали, не обращались к нам, если хотят жить светлой, чистой жизнью?

Ответ Афродиты:

– Они считают, что не знают, как обратиться к нам.

Больше вопросов не было. Начались выступления. Первой взяла слово богиня мести Немесида. Она сказала:

– Я думаю так: люди Земли обнаглели. Их надо как следует наказать, заставить их страдать телесно и духовно. Иначе нельзя. Они живут на Земле столько лет, и все это время продолжают безобразничать, проливать кровь друг друга, воровать, распутничать. Если бы захотели, могли бы за это время опомниться. Их надо приводить в порядок их же оружием. Они считают, я знаю, что клин клином вышибают. Это значит, что они понимают только язык насилия, страха, унижения и не понимают языка добра. Человечность они принимают за слабость и трусость. Я готова хоть завтра подвергнуть их длительным и страшным страданиям. Другого выхода я не вижу. Это мое предложение.

Выступление бога войны Марса:

– Я согласен с Немесидой. Надо карать мерзавцев, людей Земли, раз они не хотят жить по-человечески. Я за то, чтобы разом истребить всех до единого землян. А на их место поселить на Землю людей, которые хотят и могут жить чистой, светлой жизнью. Вот мое предложение.

Выступление богини мудрости Минервы:

– Я думаю, грош нам, богам, цена, если мы не сможем помочь людям Земли по-божески. Никто из нас не должен забывать, что мы, боги, обязаны отличаться от людей прежде всего мудростью и добротой. Боги мести и войны существуют среди нас не для того, чтобы относиться к провинившимся по-дьявольски, а чтобы помочь божественной добротой и мудростью. Мое предложение такое: попросить волшебницу Медею, чтобы она разом и навсегда удалила из плоти и души всех землян все гадкое, животное, что не дает им жить по-человечески во всех своих действиях. У меня все.

Юпитер, видя, что желающих говорить, больше нет, встал и сказал:

– Мне обидно, что кое-кто из нас до сих пор допускает, что мы, боги, должны приводить в порядок людей не только гуманными, но и жестокими приемами. Я рад тому, что предложила богиня мудрости. То же самое хотел предложить и я. Давайте попросим Медею выйти сюда и сказать, может ли она выполнить нашу просьбу. И если да, то когда именно. Точность необходима для протокола нашего заседания.

На сцену вышла волшебница Медея:

– Дорогие друзья! – начала она свою речь. – Мне по душе ваше решение. Но исполнить его срочно я не могу при всем моем желании. Дело в том, что я очень занята неотложными делами по вашей другой просьбе. Вспомните, на последнем заседании вы просили меня сделать все, чтобы спасти Вселенную от грозящей ей стихийной катастрофы. Чтобы справиться с этой сложной задачей, мне нужно время. Я знаю, что справлюсь с этим трудным заданием лишь к 31 января 2015 года. Ни на день раньше. У меня все подсчитано. Если люди Земли унижали друг друга многие тысячи лет, то потерпят еще немного, каких-нибудь десять лет.

И боги согласились с волшебницей Медеей. И записали в протоколе следующее: «Заслушав и обсудив отчет богини любви Афродиты о работе с жителями разных планет, заседание богов постановляет: с помощью волшебницы Медеи раз и навсегда избавить людей Земли от всех пороков, мешающих им жить по-человечески, с первого марта 2015 года по земному летоисчислению, календарю. Председатель заседания (подпись и печать Юпитера), секретарь заседания (подпись богини плодородия Деметры), 29.07.2005 года».

Феликс БАХШИЕВ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР...

* * *

По рельсам неистово
мчатся составы,
Ломая на стыках хребты тишине.
Никто
никогда
ни за что не заставит
Поверить,
что истина только в вине.

Светятся окошки
в уютных вагонах
И воздуха рвется упругая грудь.
Жизнь вечно в борении,
вечно в агонии,
Будь червем ты
или вершиною будь.

Уносятся вдаль
полустанки со свистом,
Хрустит,
надрывается рельсов хребет.
Наш век на земле и тягуч,
и неистов.
Но в чем его смысл?
Где хранится ответ?

В каком сундуке
и в какой ипостаси?
В какой широте и в какой долготе?
А бабка капусту в чуланчике квасит
И тихо поет о святой доброте.

* * *

Отгорает на небе звезда.
На щеке остывает слеза.
Вылетает журавль из гнезда.
Увядает под тучей лоза.

Монотонно под рокот и стук
Колесо совершает свой круг,
И готовится времени лук
Нанести свой решающий хук.

Но опять серебрится звезда
И по рельсам идут поезда...

Продолжается жизни езда.

* * *

Соловьи поют очумелые.
Я смотрю в твои очи милые –
В них мне слышится: окаянные,
Мы по жизни идем оба пьяные.

Оба в чистой любви неутешные.
Оба в личных делах неуспешные.
Сокол падает камнем на горлицу.
Крик истошный
разносится по лесу.

В нем мне слышится:
жизнь переменчива,
Если богом твои перья мечены.
От судьбы никуда не укроешься –
В чистом поле
травинкой уколешься.

Гребнем времени волосы выцвели.
По весне вместе с яблонькой
мы цвели,
А по осени слышали шорохи
За спиной, силуэты за шторами.

С каждым годом
заметно ветшали мы,
Расставаясь с своими причалами.
Снег лежит на висках и на темени.
Может – срок,
может, он не ко времени.

Снег лежит –
ну и пусть он красуется,
Словно в дом
я явился вдруг с улицы.
Словно жажда во мне
не убавилась,
Словно яблонькой
ты мне представилась.

Соловьи поют очумелые.
Я смотрю в твои очи милые...
Жизнь, чертовка моя окаянная,
Ходишь по свету
девушкой пьяною.

* * *

Все, что сегодня познаем,
Все было познано до нас.
У времени берем в наем
И возвращаем в скорбный час.

Дорогу в жизнь и жизни срок
Определяет нам судьба
И, усладив грехами впрок,
Глядит нам в спину, как судья.

Что в нас первично? Зло? Добро?
Что красит наш недолгий век?
С каким клеймом, с каким тавро
Уйдем в залитый солнцем свет?

* * *

Еще не вечер. Но теперь
Мы полюбуемся закатом,
Прекрасным светом
в семь накатов.
Остудим души от потерь

И пустимся в воспоминания
Прекрасных дней и подлых дней.
Услышим в адрес свой признанья,
Как в пору юности своей.

А краски жгучего заката,
Распушив хвост и отгорев,
Сотрутся в пепел, как когда-то
В камине путь к тебе сгорел.

Камин остыл. И мы остыли,
И все ж наперекор судьбе,
Дней череду круша постылых,
Я шел, я брел, я полз к тебе.

И я дошел. Ты мне поверь:
Мой путь был ангелом заказан.
Еще не вечер. И теперь
Мы полюбуемся закатом.

* * *

Впереди у меня зима.
Это знаешь и ты сама.
Так позволь мне
не тешиться мыслью,
Что я сокол, а не сова.

Впереди беспробудный сон
И дворец без резных окон.
Проводи меня в синюю роздымь
С четырех световых сторон.

Я не с криком уйду в зарю.
В свете вихря не отгорю.
Пред полетом своим светозарным
Миру душу свою подарю.

Август пропотел. Слезится осень.
Голос грома грохается оземь.
Будто вымя, тучи напряглись.

И с остервенением веселым,
Вслед за громом,
с вихрем унесенным,
Воды мира с неба сорвались.

* * *

Токует глухарь на току:
– Я жить без тебя не могу.
Явись в оперенье любви,
Миг сладостный в жизни лови.

Токует глухарь на току.
Не медли на тайном суку.
К тебе он взывает, к тебе,
Единственной в хрупкой судьбе.

Токует глухарь на току.
Там, в мрачном зеленом логу,
Рябой молодой удалец
Готовит холодный свинец.

Токует глухарь на току.
Вон глаз опустился к курку.
Явись же на голос любви,
Миг сладостный в жизни лови.

Тоскует глухарь на току.

* * *

И все. Я прожил жизнь.
Вкусил ее плоды
И по реке пустил
трудов своих плоты.
Пристанут ли они
к надежным берегам?

Я на стремнинах рек
их сдерживаю бег,
А попаду в затон –
молюсь на оберег.
Прибудут ли они
желанным грузом к вам?

Бывало, я тонул,
но плота тяжкий скрип
Был во сто крат сильней,
чем тонущего крик,
И я взрывался вверх
сквозь толщу синих вод.

Палящий солнца круг
хлестал меня огнем.
Я принимал его
живительным дождем,
Чтоб не сгореть в аду,
глядя в небесный свод.

Мой ангел мне дарил
своей любви плоды.
И вот плывут они,
трудов мои плоты,
И ищут день и ночь
пристанища себе.

Не вздрогни, если вдруг
они придут к тебе.

* * *

Мой сад большой.
Ведь мне немало лет
И каждый год мой –
это древо сада,
И каждый плод,
рожденный мной на свет,
Кому оскомина, кому услада.

Шумит листва, стоят мои стволы,
Пока земля еще их поит соком,
И медленно бредут мои волы,
Мои лета, уставясь в землю оком.

Еще бредут усталые волы,
И скрипок скрип
даруют мне стволы.

* * *

Дожди расписывают землю,
Обмакивая в тучи кисти,
И холст земли, сухой и чистый,
Приобретает вкус небес.

Потокам вод деревья внемлют,
Разлапив плачущие листья.
За горизонт спешит укрыться
Иссеченный струями лес.

И где-то ворожит кукушка,
Подкидывая людям годы.
И где-то в поднебесье, в водах,
Гремит железной бочкой бес.

И этот мир – твой мир чудес.

* * *

Отгорел мой день сегодня, отгорел,
Несвершенными осталось
много дел.
Незажженными погибло
много слов.
Неуслышанным остался
сердца зов.

Отзвенел мой день сегодня,
отзвенел.
Ветер теплый надо мной
не сатанел
И цикады не цикадили в кустах.
Тишина спала, пушиста и пуста.

Откатил мой день сегодня,
откатил,
От поднятых мною струганых
стропил,
И теперь я не уверен, право, в том,
Подниму ли в срок
задуманный мной дом.

Отшумел мой день сегодня,
отшумел.
Он на сладость не бросался,
словно шмель.
Он пунцовых лепестков не замечал.
Он беззлобно и бесслезно отмирал.

Отпотел мой день сегодня, отпотел.
Освежиться ливнем он не захотел.
И, томимый нестерпимой духотой,
Примостился у порога, как слепой.

Примостился у порога, как слепой,
Будто он не мой,
а может быть немой.
И плетет неслышно
бархатную тень,
Чтобы ночь зачала снова
новый день.

* * *

Стою с протянутой рукой
Перед минувшим, словно нищий.
Я в этом скопище не лишний.
Я как и все. Но я другой.

Живу другими временами,
Ушедшими за тыщи миль
Там за закатом, где ковыль,
Играют кони стременами.

И Баха мечется орган,
И скачет жаворонком флейта
И песня ямщика не спета,
И над полями – ураган.

Там есть и бури, и покой.
Тепло души под доброй крышей.
Перед минувшим, словно нищий,
Стою с протянутой рукой.

* * *

Красный конь стоит на косогоре,
Мается в закатном ореоле.

Черный конь пасется на кургане,
Растворяясь в призрачном тумане.

Белый конь за счастьем
с храпом мчится.
Под ногами шелком степь струится.

Кони, научите род людской
Захлебнуться вашей красотой.

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Заур ЗУГУМОВ

Даже в дороге, в одном купе вагона, люди не знакомятся так быстро, как в тюрьме. Сближаются родственные души, каким-то шестым чувством узнавая друг друга. Тем более, это родство ближе, когда на кону лежит последняя сменка белья, или пачка махорки, а партнер под стать тебе, хладнокровный и продуманный «стирогон» (зек, проф. игрок в карты. – *З.З.*). Так и мы с Леней, который впоследствии стал для меня корешем на всю оставшуюся жизнь, быстро нашли общий язык.

«Слепой», так кличили Леньку, был старше меня на пять лет. В его непринужденном обращении с людьми была какая-то подкупающая простота и вместе с тем в нем чувствовалась основательность, на которую человек, завоевавший его доверие, мог вполне положиться. Но завоевать его доверие, подумал я в тот момент, будет не так-то просто. Он был почти на голову выше меня, с шапкой густых каштановых волос над высоким лбом. Производил он впечатление человека спокойного и уравновешенного, у него было почти непроницаемое выражение лица. Как в игре, так и в жизни он старался быть по возможности оригинальным. И способ обогащения на свободе был избран им адекватно воровскому образу жизни.

Надо сказать, что Слепой был «домушником по большому счету», впрочем, такими же профессионалами в своем ремесле были и два его близких друга. Несколько раз они залезали в квартиру одного старого еврея, который в далеком прошлом был ювелиром, когда их еще не было на свете. Тем не менее, непосредственное отношение этого еврея к славной гильдии ювелиров давало основание этому молодежному трио предполагать, что у него есть драгоценности. Откуда у них была такая уверенность, они, пожалуй, и сами не смогли бы объяснить, скорее всего, это было воровское чутье. Вот почему они ни разу ничего не взяли, ни один рубль, не сдвинули ни один предмет в квартире старика, хотя дважды тайно наведывались к нему с «визитом». Оба раза поиски были безрезультатными.

Тогда они по замыслу Слепого решили пойти на некоторую хитрость. Хотя хитрить со старым евреем, да еще и ювелиром в прошлом, может показаться абсурдной затеей, но троицу это не смущало. Возможно, старый еврей и не клюнул бы на их приманку, но как ювелир он не мог подавить в себе соблазн любоваться божественным блеском множества граней изумительного по красоте и чистоте бриллианта, да еще купленного по такой смехотворной цене, какую предложили ему «профессионалы». Вероятно, это обстоятельство и послужило причиной тому, что ювелир потерял последнюю каплю врожденного чутья, которым Всевышний с лихвой одарил его народ. Но кто в нашем мире хотя бы раз не ошибался? По-моему, тот, кто не жил.

В то время в Москве, в Институте атомной энергетики, работала сестра одного из подельников Слепого, Миши «Коржика». Звали ее Наташа. Кстати, дразнили Мишу Коржиком со школьной скамьи, уж больно он в детстве любил печеное. Частенько навещая дом своего друга, Слепой слышал от его сестры о невероятных возможностях атомной энергии. Почему-то Леня запомнил, что после опытов всякие отходы помещают в ящик с песком. И окажись любой предмет рядом, он тут же насыщался радиацией. Конечно, мое изложение весьма приблизительно, однако этих сведений вполне хватило молодым домушникам, чтобы составить оригинальный план.

Собрав определенную сумму, они купили перстень с изумительно красивым бриллиантом голубой воды. Перстень был старинной работы, это было видно даже невооруженным глазом, стоил он приличных денег, на это и был сделан расчет. Затем они нашли знакомого ханыгу, в прошлом «майданщика» (вора по поездам. – *З.З.*) и объяснили ему, как он должен сыграть свою роль. Старый лис чуть было не расплакался, расчувствовавшись, ему, видно, было что вспомнить, и обрадовался несказанно. Во-первых, представлялась возможность тряхнуть стариной, а во-вторых, за это еще и деньги платили.

В общем, подкараулив несчастного еврея, этот артист из погорелого театра умудрился продать ему перстень за копейки, при этом, естественно, разыграв весь спектакль как по нотам. Ведь от его мастерства зависел следующий акт. Прекрасно понимая всю важность своей роли, он сыграл ее блестяще, хотя толком ничего и не понял, ну, а за скромность ему хорошо заплатили.

Главная цель плана заключалась в том, чтобы старый ювелир положил приобретенную ценность

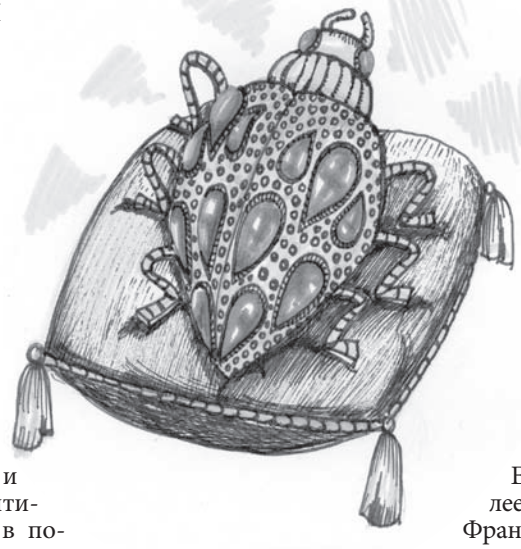
рядом с остальными драгоценностями. А что остальные были намного ценнее, друзья-изобретатели в этом не сомневались. Как только перстень был продан, комбинаторы тут же приобрели счетчик Гейгера (который определяет наличие радиации) и стали ждать. Но еще раньше, когда они приобрели у знакомого фарцовщика перстень, Слепой попросил Наташу, чтобы она этот перстень зарыла в том ящике с песком, где хранились временно отходы от опытов, аргументируя это тем, что якобы после такой процедуры блеск остается навечно, а радиация постепенно исчезает, не причиняя никакого вреда ни изделию, ни его хозяину.

Ничего не подозревая, девушка поверила Слепому и сделала все, как он и просил. Ждать свою жертву им пришлось недолго. Они знали распорядок старика чуть ли не по минутам. И только он вышел из дома по своим делам, проникли в него без всяких помех, как к себе домой. Можно себе представить состояние трех домушников, которые и ранее проникали в эту квартиру, чуть ли не по сантиметру исследовали ее и, ничего не найдя, уходили восвояси. И ничего не трогали в надежде на будущее. И вот это будущее наступило. Знали они и то, что перешли все допустимые границы: по неписаным воровским канонам снова приходить на место преступления нельзя, независимо от того, взято что-либо или нет. А они умудрились прийти и в третий раз. Так что им было, отчего волноваться. К тому же домушники, как и карманники, веря в приметы, порой доходят до абсурда.

Как саперы медленно и аккуратно, сантиметр за сантиметром, прощупывают почву в поисках мины, от чего всецело зависит их жизнь, так и эти молодцы прощупывали буквально каждый сантиметр стен в квартире в расчете на то, что где-то счетчик все же начнет зашкаливать, покажет наличие радиации. И они не ошиблись. Целый час тщательных поисков, который показался им вечностью, все же принес результат. Счетчик зашкалило, как только его просунули к стене за унитазом. Можно найти слова, чтобы описать чувства человека, нашедшего клад, или нежданно получившего огромное наследство; но волнение вора, добравшегося до своей добычи, не сможет описать никто, кроме самого вора. Несколькими годами позже в далекой таежной глуши не один раз Слепой рассказывал мне эту историю, да еще с такими подробностями, что мне порой казалось, будто я сам был с ними в деле.

Разобрать стенку и вытащить маленький сейф – было делом нескольких минут. Учитывая, что все трое были домушниками по большому счету, а значит, были и хорошими слесарями, еще минут двадцать понадобилось, чтобы вскрыть этот кладезь мечтаний любого вора. То, что предстало их взору, когда дверца сейфа была открыта, превзошло все ожидания. Волшебный блеск драгоценных камней, сияющих всеми цветами радуги, вырвавшись наружу, в первую минуту буквально ослепил их. На некоторое время они лишились дара речи – это было нечто! Бриллианты и изумруды, топазы и сапфиры, александриты и рубины в разных вариациях, вставленные в колье и ожерелья, в браслеты и серьги, аккуратно лежали в деревянной коробке из-под сигар. Как позже рассказывал Слепой, только здесь, глядя на это чудо, он понял разницу между ювелирными изделиями и драгоценностями.

Рядом лежало несколько пачек новых сторублевок и еще немного мелочи. Но главной и неожиданной находкой для них оказался «Жук». Существует мировой каталог редких ювелирных изделий из драгоценных металлов и камней, хорошо знакомый историкам-специалистам по антиквариату. Любой из экспонатов в этом каталоге – раритет, каждый из них существует в единственном экземпляре. Этот объемистый том содержит в себе довольно обильную информацию: в каком году, в каком веке, где и кем была изготовлена та или иная вещь, кому и когда подарена и т. д. Так вот, этот самый «жук» (а точнее, брошь в виде жука) имел свой определенный номер.



Под снимком этого уникального украшения в каталоге можно было прочесть некоторые интересные сведения. Сделанный в Голландии в XIV веке, «Летучий голландец», а с этим названием впоследствии он войдет в мировую коллекцию уникальных изделий старинного ювелирного мастерства, каким-то образом попал во Францию. После кровавой Варфоломеевской ночи его увидели на груди коварной Екатерины Медичи. И еще более двух столетий он находился во Франции, пока в 1830 году не был подарен русскому царю королем Франции Карлом X. До революции он находился в царской семье, и лишь после нее след «Летучего голландца» был утерян...

Здесь указаны только главные исторические этапы жизни этого шедевра ювелирного мастерства, который украшал грудь не одной царственной особы Европы. Но обо всем этом наши «работники» узнали намного позже. Сверкая блеском алмазов, сапфиров и изумрудов, это чудо, созданное руками человека, буквально заворожило домушников. Забыв о том, что они на деле, все трое как зачарованные, не отрывая глаз, смотрели на это прекрасное произведение искусства. Но вскоре опомнились: пора было сматывать удочки и позаботиться о своей безопасности.

В ту же ночь старый еврей повесился, утром его тело обнаружила соседская овчарка, дверь в его квартире была приоткрыта. Возле повешенного на столе лежала предсмертная записка, которую я, со слов Слепого, запомнил наизусть: «Жизнь уже давно потеряла для меня всякий смысл, лишь только одна вещь радовала глаз и как бы соединяла меня с моими далекими предками. На нее я молился, но ее у меня сегодня украли. Связь потеряна, здесь мне больше нечего делать, поэтому я покидаю этот мир, ни на что не жалуясь и никого не обвиняя».

Аида ИЗИЕВА

ПОЭТ И ПУБЛИЦИСТ

«В поэзии Марины Ахмедовой есть то, что помогает понять «не общее выражение» кавказского лица, каким оно часто представляется средствами массовой информации, а то, каким увидела его она – мудрым, благородным, достойным, а главное – родным».

Эти слова критика Ива-нова лучше всего характеризуют творчество поэта, переводчика и публициста Марины Анатольевны Ахмедовой.

Родилась она в Уральске в 1952 году в семье инженеров. Ее писательский талант проявился уже в раннем детстве: писать стихи девочка начала в шесть лет. А в 15 – стала участницей совещания молодых писателей Харьковской области (здесь, в Харькове, и прошла юность Марины Ахмедовой). Творчество юной поэтессы получило самую высокую оценку, и вскоре ее стихи прозвучали по областному телевидению. Любовь к литературе сказалась и на выборе профессии – после окончания школы девушка в начале работала библиотекарем, затем, проучившись какое-то время в Челябинском педагогическом институте на филологическом факультете (постоянно публикуясь в областных газетах), в начале 70-х годов решается на перемены и уезжает в Москву – поступать в Литературный институт им. М. Горького. Здесь она становится активной участницей семинаров Евгения Долматовского, который уже тогда выделил подающую большие надежды молодую поэтессу из общего числа своих учеников. Другой, не менее известный, поэт Андрей Вознесенский назвал Марину Ахмедову «одной из наиболее ярких поэтов-«семидесятников». Со временем между ними даже завязалась дружеская переписка, он часто присылал свои новые сборники с автографами. Не остался равнодушным к поэтическому таланту Марины Ахмедовой и Евгений Евтушенко, чей семинар она посетила на VI Всесоюзном совещании молодых писателей. Его подробная рецензия не только польстила ей, но и сыграла важную роль в творческом самоопределении начинающего автора.

Сокурсниками М. Ахмедовой по семинарам Долматовского были одиннадцать молодых поэтов, совершенно не похожих друг на друга. Болгарин Андрей Андреев, таджичка Зульфия Атоулоева, латыш Игорь Якайтис, белоруска Светлана Бартохова, табасаранец Шамиль Казиев – этот многонациональный коллектив сроднила любовь к русской культуре. Уже тогда у Марины Ахмедовой созрела идея объединять собратьев по перу, занявшись переводом их поэзии на русский язык. Это стремление впоследствии сделало ее профессиональным переводчиком. По признанию Марины Анатольевны, ее литературная юность прошла под знаком поэзии ее кумиров – Маяковского, Рождественского, Вознесенского. Ей был близок их «порывистый», «стремительный» слог. А обращение любимых поэтов к гражданской тематике наложило отпечаток и на творчество самой Марины. Человек от природы неравнодушный, она активно участвовала в общественной жизни института: летом путешествовала в составе всевозможных литературных агитбригад – побывала на Северном флоте, в Псковской области, на Горном Алтае, в Сибири.

В 1977 году М. Ахмедова успешно окончила Литературный институт, получив прекрасные отзывы о своей дипломной работе от таких выдающихся литературных критиков, как Александр Михайлов и Лев Озеров, поэта Льва Ошанина и др.

Вот тогда М. Ахмедова и приехала в Дагестан, ставший для нее второй родиной. Переезд стал новым стимулом для творчества, источником новых впечатлений и вдохновенья. Именно здесь она обрела новых друзей по перу, единомышленников. С

1980 года по сию пору она работает в Союзе писателей Дагестана в качестве консультанта, руководителя секции художественного перевода, секретаря правления СП РД, заместителя председателя Правления СП РД, и.о. председателя правления Литфонда и председателя профкома Союза писателей РД.

С 2001 года она является ответственным редактором ежемесячного литературного приложения «Литературный Дагестан» к газете «Дагестанская правда».

Будучи членом Союза писателей СССР с 1987 года, членом Союза журналистов России с 2000 года, она является автором множества оригинальных поэтических сборников: «Отчий дом» (Москва, 1982), «Високосный век» (Махачкала, 1987), «Осень столетия» (Махачкала, 1987), «Твой образ» (Москва, 1987), «Равноденствие» (Махачкала, 1992), «Ностальгия» (Москва, 1995), «Кавказская тетрадь» (Махачкала, 2004).

Выход сборника «Кавказская тетрадь», презентация которого прошла в Национальной республиканской библиотеке им. Р. Гамзатова, стал настоящим событием в дагестанской литературе, спровоцировав множество публикаций в прессе. Так, 15 декабря 2004 года в газете «Дагестанская правда» появилась статья Л. Авшалумовой, члена Госсовета РД «Признание в любви к Дагестану», в которой она говорит об авторе сборника: «В ней есть и щемящая любовная лирика, и ответственная гражданская позиция, и размышления об исторических судьбах России, и память о великой войне, и замечательные переводы дагестанских поэтов. Нет в ней одного – безразличия к тому, что происходит в мире».

В газете «Молодежь Дагестана» выходит статья Александра Бинкевича, члена Национального Союза писателей Украины «Чтоб радоваться жизни бескорыстно». С нескрываемым восторгом он отзывается о сборнике, сравнивая М. Ахмедову с композитором, «в арсенале которого преобладает тихая музыка слова».

Человек от природы разносторонний и любознательный – так характеризуют ее близкие и друзья. Для того, чтобы в полной мере оценить ее поэтический талант, необходимо обратиться к ее стихам, в которых каждый знаток и ценитель поэзии непременно найдет что-то новое и для себя.

Эти ее черты нашли отражение и в поэзии, заставляя автора каждый раз искать все новые темы для творчества:

Клянусь тебя любить и в счастье, и в беде,
Здоровым и больным, могучим и убогим.
С щитом и на щите, в достатке и в нужде,
Пусть даже это все
Мне после выйдет боком.

* * *

Коченеют вечерние горы
И стремительно сходят на нет,
Будто в небе задернулись шторы,
За которыми правда и свет…

Не чужда поэзии Ахмедовой и патриотическая тематика. Причем, само понятие Родины включает в себя мысли о судьбе всей России, которой поэтесса открыто признается в любви:

Люблю в тебе неповторимость
Недолговечных зимних дней
И беззащитную ранимость
Полузаснеженных полей.

И, конечно же, очень тепло отзывается Марина Ахмедова о Дагестане:

Эти горы мне тоже отчизна –
Все здесь внове... Все так и не так.
Проверяю на собственной жизни
Горделивое слово «кунак».

Наряду с поэзией, Марина Анатольевна много сил посвящает искусству художественного перевода. Ею переведены на русский язык книга болгарского поэта Николы Гигова «Планина любви», стихи туркменских, украинских и латышских поэтов. Неоценим вклад М. Ахмедовой в развитие дагестанской поэзии. 25 лет она посвятила переводу на русский язык стихов дагестанских поэтов, сделав их творчество доступным читателю разных национальностей. Ее перу принадлежат переводы произведений признанных авторитетов дагестанской литературы: Сулеймана Стальского, Анвара Аджиева, Юсупа Хаппалаева, Ханбиче Хаметовой, Байрама Салимова, Салимат Курбановой, Джаминат Керимовой, Бийке Кулунчаковой, Хизгила Авшалумова и многих других. Она автор переводов крупных драматических произведений: «Каменный мальчик» и «Афизат» Х. Хаме-товой.

Наибольшую известность она снискала как переводчик произведений мэтра дагестанской поэзии Расула Гамзатова. В их числе любовная лирика, философские поэмы, исторические сказания про Ахульго, доктора Пирогова, двуглавого орла и др.

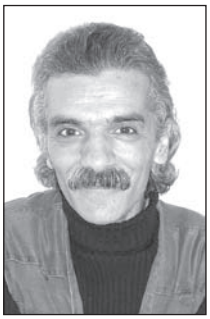
Примечательно, что, прочитав их, Яков Козловский, неизменный автор русских переводов гамзатовской поэзии, не колеблясь отрекомендовал ее кандидатуру для вступления в Союз писателей СССР. В издательстве «Эпоха» она опубликовала перевод последней прижизненной книги Р. Гамзатова «Имя твое». В этом же году в издательстве «Юпитер» вышло подарочное издание избранных произведений поэта «Суди меня по кодексу любви», приуроченное к 80-летию поэта.

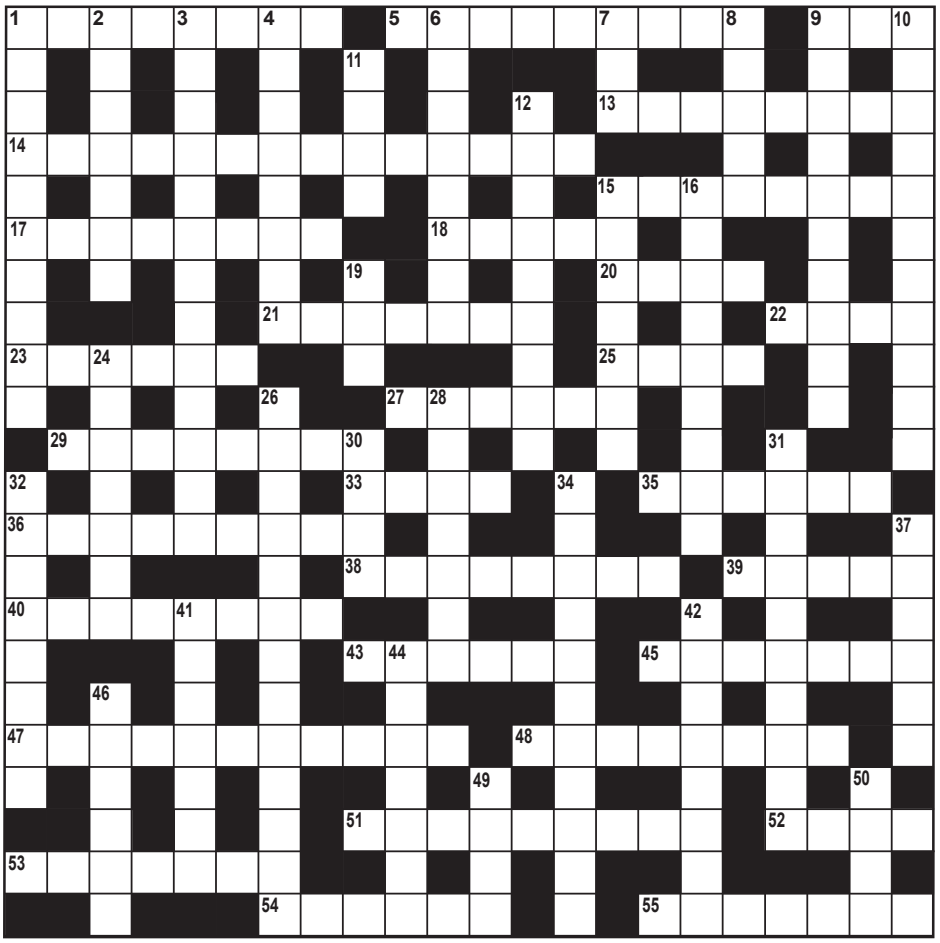
Вдумчивое отношение к творчеству, добросовестность – вот отличительные черты Марины Ахмедовой как профессионала. Вопросы профессиональной чистоплотности поднимаются ее в статье: «Переводить надо не слова, а поэзию». Эпиграфом к ней послужили слова известного поэта Михаила Луконина. В ней она затрагивает проблему дилетантства в литературе: «когда речь заходит о столь узкой и сложной профессиональной сфере, как художественный перевод, необходим, если не собственный опыт, то хотя бы высочайший уровень профессиональной подготовки».

Для публицистики Марины Анатольевны характерны обстоятельность и серьезность в подходе к любой проблеме, в ее статьях, вне зависимости от тематики, прослеживается глубокое знание вопроса, доскональное изучение сути проблемы. Без преувеличения можно сказать, что своим творчеством Марина Ахмедова, подобно другим ярким представителям русской интеллигенции, существенно повлияла на развитие дагестанской культуры, образования, науки. Признанием дагестанцами их высоких заслуг станет открытие в скором времени в одном из парков Махачкалы «Памятника русской интеллигенции». Памятник этот – дань признательности дагестанского народа всем представителям русской культуры, в том числе, и Марине Анатольевне Ахмедовой.

КРОССВОРД

от Гаджи-Курбана Расулова





ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Тоже дагестанская [газета]. 5. Дагестанка, многократная рекордсменка мира. 9. Отражение звука, отголосок. 13. И мусульманин для христианина, и иудей для мусульманина. 14. Название должности С. Амирова в дореволюционной России. 15. Дагестанец, генерал-губернатор Тифлиса. 17. Явление, по религиозным представлениям предсказывающее что-либо. 18. Не джигит, но тоже хороший наездник. 20. Презрительное название немусульманина. 21. Шариатский путь мусульманина ко Всевышнему. 22. Аул тюрко-монгольских народов Азии в прошлом. 23. Широкий длинный плащ в старину. 25. Путевая мера длины, более значимая для А. Хархарова, чем километр. 27. Продукция завода в Даг. Огнях. 29. Часть мола махачкалинского порта, ограждающая от волн место стоянки судов. 33. Северные родичи ичигов. 35. Переселение Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину. 36. Вид старинного ружья. 38. Наместник на Кавказе в 1844-1854 гг. 39. Нарядная пряжка или застежка на национальной одежде. 40. Вера в предопределенность судьбы. 43. Медленный танец в балете М. Кажлаева «Горянка». 45. Небрежная, недобросовестная работа. 47. Ими славится и Кавказ, и Дагестан. 48. Старинный грузинский сорт винограда. 51. Жительница Эфиопии. 52. Феодал в средневековой Армении. 53. Крупные представители знати, занимавшие важные государственные посты в Грузии (до сер. 19 в.). 54. Жилплощадь джинна в восточных сказках. 55. Одна из резиденций имама Шамиля.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Член Госсовета РД. 2. Месяц уразы. 3. Житель Цада по отношению к Р. Гамзатову. 4. Прозвище Иуды. 6. Основатель знаменитой тюркской династии. 7. Муж Фатимы – дочери пророка. 8. Дагестанское село, жители которого называют себя «ашвадо». 9. Тип самолета, проходившего испытание над акваторией Каспия. 10. Отрасль сельского хозяйства. 11. Конный воин с пикой (тюрк.). 12. «Пирамида», «Какаду», «Вирус». 15. Председатель Союза театральных деятелей Дагестана. 16. Чувство, возникающее у пешехода, когда его пропускает на переходе в Махачкале водитель «маршрутки». 19. Семья или род, ведущие самостоятельное хозяйство (тюрк.). 24. Каждый пользователь сотовой связи. 26. И Вазиф Мейланов, и Сергей Ковалев, и Андрей Сахаров. 28. Представительница тюркской народности. 30. Солдат или офицер наемных стрелковых частей в армии султанской Турции. 31. Акробатика на скачущей лошади. 32. Костюм, без которого не мог обойтись Муса Манаров. 34. Идеи национальной исключительности. 37. Положение, в которое временами попадают футболисты «Анжи» и «Динамо». 41. «Цитрусовое» оружие. 42. Глава православной церкви. 44. Удалой воин, лихой наездник (тюрк.). 46. Пестрые горы (тюрк.). 49. Название одной из сур Корана, читаемой над умирающим. 50. Среднеазиатский музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6 (21), 2005 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Эльдарилав. 9. Халифат. 10. Ахундов. 11. Традиция. 12. Павильон. 14. Фетва. 15. Чернение. 16. Аждаха. 19. Зачет. 20. Компьютер. 23. Свинья. 27. Мегафон. 30. Ясак. 31. Пицца. 33. Мерлушка. 34. Педиатр. 35. Серебро. 37. Агадаи. 38. Ижица. 40. Олово. 42. Кумуз. 43. Лес. 47. Стерлядь. 48. Урюк. 49. Таксометр. 52. Мясо. 54. Истина. 56. Восход. 58. Анжи. 59. Газыри. 60. Лачка. 61. Локоть. 62. Лунь. 63. Мытарь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сараджев. 2. Лирика. 3. Этнос. 4. Дербент. 5. Илизаров. 6. Ваятель. 7. Бубен. 8. Аварец. 13. Инкрустация. 17. Азям. 18. Учуг. 21. Паша. 22. Юпитер. 23. Супесь. 24. Нацмен. 25. Полузащита. 26. Скирда. 28. Ермолов. 29. Агроном. 32. Акватория. 36. Сакля. 39. Сура. 40. Оздоев. 41. Альпинизм. 44. Султанат. 45. Икра. 46. Штихель. 49. Тамада. 50. Кинжал. 51. Удача. 52. Магал. 53. Осыпь. 55. Надир. 57. Окно.

Бар мицва. 2002 (Читайте стр. 23-24)

Махачкалинский морской порт (читайте стр. 2-5)